

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского»

На правах рукописи

Жданова Елена Александровна

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ-СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ
В СЛОВАРЕ
«НОВЫЕ СЛОВА И ЗНАЧЕНИЯ. СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК ПО
МАТЕРИАЛАМ ПРЕССЫ И ЛИТЕРАТУРЫ 90-Х ГОДОВ XX ВЕКА»:
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ
АСПЕКТЫ**

Специальность 10.02.01 — русский язык

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Рацибурская Лариса Викторовна

Нижний Новгород — 2019

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОЙ НЕОЛОГИИ И НЕОГРАФИИ	16
1.1. Русский язык в современном российском социуме: «неологический бум» на рубеже XX--XXI веков.....	16
1.2. Словообразовательные неологизмы в ряду лексических инноваций.....	39
1.2.1. Неология как область лингвистики. Основные критерии неологизмов.....	39
1.2.2. Конкретно-историческая теория Н.З. Котеловой.....	50
1.2.3. Проблема разграничения словообразовательных неологизмов и других видов лексических инноваций.....	58
1.2.3.1. Словообразовательные неологизмы vs окказионализмы.....	58
1.2.3.2. Словообразовательные неологизмы vs семантические неологизмы. .	62
1.2.3.3. Словообразовательные неологизмы vs неологизмы-заимствования. .	64
1.3. Проблемы лексикографической фиксации словообразовательных неологизмов	68
1.3.1. Лексикографическое описание новаций в словарях разных типов.....	68
1.3.2. «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века»: общая характеристика издания.....	75
ВЫВОДЫ	79
ГЛАВА II.	
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА НОВЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ В СЛОВАРЕ «НОВЫЕ СЛОВА И ЗНАЧЕНИЯ. СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК ПО МАТЕРИАЛАМ ПРЕССЫ И ЛИТЕРАТУРЫ 90-Х ГОДОВ XX ВЕКА»	82
2.1. Неологизмы-существительные, образованные способом сложения.....	86
2.2. Существительные, образованные с помощью аффиксоидов.....	94

2.3. Неологизмы-существительные, образованные способом суффиксации.....	103
2.3.1. Новые существительные со значением лица.....	104
2.3.1.1. Существительные со значением лица, мотивированные существительными.....	104
2.3.1.2. Существительные со значением лица, мотивированные прилагательными.....	116
2.3.1.3. Существительные со значением лица, мотивированные глаголами.	121
2.3.2. Новые существительные со значением предмета.....	125
2.3.2.1. Существительные со значением предмета, мотивированные существительными.....	126
2.3.2.2. Существительные со значением предмета, мотивированные прилагательными.....	127
2.3.2.3. Существительные со значением предмета, мотивированные глаголами	134
2.3.3. Новые отвлеченные существительные.....	135
2.3.3.1. Существительные отвлеченной семантики, мотивированные существительными.....	135
2.3.3.2. Существительные отвлеченной семантики, мотивированные прилагательными.....	145
2.3.3.3. Существительные отвлеченной семантики, мотивированные глаголами.....	150
2.3.4. Суффиксальные существительные с модификационными значениями. .	156
2.3.4.1. Неологизмы со значением женскости.....	156
2.3.4.2. Существительные с субъективно-оценочным значением и значением стилистической модификации.....	167
2.3.4.3. Существительные со значением невзрослости.....	177
2.3.4.4. Существительные со значениями подобия и собирательности.....	177
2.4. Неологизмы-существительные, образованные способом префиксации.....	179
2.5. Неологизмы-существительные, образованные смешанными способами.....	188

2.5.1. Неологизмы-существительные, образованные префиксально-суффиксальным способом.....	188
2.5.2. Неологизмы-существительные, образованные сложно-суффиксальным способом.....	190
ВЫВОДЫ	190
ГЛАВА III.	
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА НОВЫХ ИМЕН	
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СЛОВАРЕ «НОВЫЕ СЛОВА И ЗНАЧЕНИЯ.	
СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК ПО МАТЕРИАЛАМ ПРЕССЫ И ЛИТЕРАТУРЫ	
90-Х ГОДОВ XX ВЕКА»	193
3.1. Социокультурные реалии, отраженные в словаре-справочнике «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века».....	193
3.2. «Ключевые слова эпохи» и их производные.....	201
3.3. Производные на базе онимов.....	210
3.4. Продуктивные аффиксоиды как средство отражения социокультурных реалий.....	221
3.5. Продуктивные словообразовательные аффиксы как средство отражения социокультурных реалий.....	224
ВЫВОДЫ	228
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	231
БИБЛИОГРАФИЯ	237

ВВЕДЕНИЕ

Новые слова, вошедшие в русский язык в 90-е годы XX века, уже неоднократно привлекали внимание исследователей. На протяжении последнего десятилетия XX века шла работа по описанию и анализу тех лексических новаций, которые весьма активно вошли в речевое употребление носителей русского языка в переломную эпоху [Валгина 2003, Дуличенко 1994, Костомаров 1994, Шапошников 2010; Русский ... 1996, 2000, Современный ... 2008, Социокультурные и лингвопрагматические ... 2018 и др.]. Резкая смена общественно-политической формации, «шоковая терапия» рыночной экономики, падение «железного занавеса» – эти внеязыковые причины послужили катализатором ряда языковых процессов, проявившихся в том числе на словообразовательном уровне.

Несмотря на то что 90-е годы отделяет от настоящего времени почти 20 лет, в современном обществе, на наш взгляд, продолжается (а, возможно, даже начинается) осмысление и оценка исторической значимости данного десятилетия. Такая общественная рефлексия проявляется в разных областях: например, в конце 2018 года на телеканале «Россия 1» был показан сериал «Ненастье», хронотоп которого был весьма четко и сознательно привязан к периоду 1991 — 1999 гг., на развлекательные ток-шоу «Привет, Андрей» (эфир от 18.08.2018) или «Сегодня вечером» приглашаются звезды эстрады 90-х; на телеканале СТС демонстрируется молодежный сериал «90-е. Весело и громко»; в настоящее время на телеканале «ТВ Центр» выходит серия документальных фильмов «Девяностые», несколькими годами ранее на телеканале «НТВ» демонстрировался документальный сериал «Лихие 90-е»; молодая исполнительница Монеточка создает клип «90» («*В девяностые убивали людей...*»); имена ключевых для 90-х годов политиков и общественных деятелей (М. Горбачев, Б. Ельцин, Е. Гайдар, А. Чубайс, Е. Примаков и др.) регулярно упоминаются в современных политических дебатах; наконец, проводятся дискотеки и вечеринки в стиле 90-х. Эти и подобные факты

свидетельствуют о том, что для современного российского общества события эпохи 90-х годов по-прежнему актуальны и оказывают влияние на современную жизнь.

Показательна сочетаемость слова *девяностые* (перешедшего из порядковых числительных в существительные) с прилагательными. Материалы Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru, дата обращения 18.03.2019, далее – НКРЯ) дают, например, такие сочетания: *лихие девяностые, звонкие девяностые, бредовые девяностые, проклятые девяностые, бандитские девяностые, бурные девяностые, смутные девяностые, мрачные 90-е, катастрофические 90-е, суровые 90-е, но и веселые девяностые, благословенные девяностые, славные, сказочные и романтические девяностые, живительные 90-е* и т.п. (причем эпитеты с положительной оценкой могут иметь иронический подтекст).

Эпоха 90-х годов весьма важна и для понимания исторического развития русского языка. Это была вторая за XX век переломная эпоха, и язык (в первую очередь его лексический и словообразовательный уровни) не мог не отреагировать на социальные катаклизмы.

Обновление лексического фонда русского языка рубежа XX—XXI веков, естественно, нашло отражение в целом ряде лексикографических изданий: в 1992 г. под ред. В.И. Максимова был издан «Словарь Перестройки», отразивший лексические новации конца 80-х — начала 90-х годов; в 1998 г. под ред. Г.Н. Складневской был опубликован словарь «Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения», в 2001 г. этот словарь был переиздан. Лексические новации 90-х годов XX века нашли отражение не только в аспектных, но и в общих толковых словарях: так, некоторые неологизмы были зафиксированы и описаны в издающемся с 2004 г. «Большом академическом словаре русского языка» (БАС-3) и в ряде других изданий. Наиболее полно и подробно новые слова, вошедшие в русский язык в последнее десятилетие XX века, представлены в последнем из опубликованных неографических источников — трехтомном словаре-десятилетнике «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века» (далее — НСЗ-90), изданном в 2009—2014 гг. В нем нашли

отражение лексические и фразеологические единицы, появившиеся в русском языке исключительно в 90-е годы XX века. Словарь НСЗ-90 стал основным источником настоящего исследования.

Актуальность исследования связана с необходимостью структурно-семантического и функционального описания словообразовательных неологизмов, вошедших в русский язык на рубеже XX—XXI веков. Описание актуальных в конце XX века способов словообразования, анализ продуктивности словообразовательных типов, моделей, словообразовательных средств необходимы для выявления специфики работы словообразовательного механизма русского языка на определенном этапе его функционирования, что в свою очередь позволит определить роль словообразовательного механизма в отражении ключевых социокультурных реалий конца XX века.

Цель диссертационного исследования — дать структурно-семантическое и функционально-прагматическое описание словообразовательных неологизмов-субстантивов, зафиксированных в словаре-справочнике «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века» (2009–2014 гг.).

Указанная цель предполагает решение следующих **задач**:

1) с опорой на современные научные данные, охарактеризовать влияние на словообразовательный механизм русского языка новейшего периода внелингвистических и внутрилингвистических факторов;

2) рассмотреть проблему фиксации новой лексики в неографических изданиях;

3) на основе анализа современных неологических концепций дифференцировать понятия «неологизм», «новация», «новое слово», «новообразование», «неодериват», «словообразовательный неологизм», «семантический неологизм», «неологизм-заимствование», «окказионализм», «потенциальное слово»;

4) проанализировать материал словаря-справочника НСЗ-90 и выявить представленные в нем словообразовательные неологизмы-существительные;

5) дать классификацию выявленных новаций по способам и типам словообразования;

6) проанализировать систему помет, сопровождающих словообразовательные неологизмы;

7) выявить наиболее широко представленные тематические группы словообразовательных неологизмов в аспекте их социальной обусловленности;

8) выявить наиболее продуктивные на рубеже XX—XXI веков словообразовательные типы, модели и форманты и установить связь между продуктивностью единиц словообразовательного механизма, с одной стороны, и отражением в языке актуальных социокультурных реалий — с другой.

Объектом исследования являются словообразовательные неологизмы — имена существительные, зафиксированные в словаре-справочнике НСЗ-90.

Предмет изучения — структурно-семантическая и функциональная специфика востребованных в конце XX века способов словообразования, словообразовательных типов и словообразовательных формантов.

Материалом исследования стал корпус словообразовательных неологизмов из словаря-справочника НСЗ-90. Общее количество проанализированных единиц — более 4900 (4942).

Источником материала стал подготовленный Институтом лингвистических исследований РАН трехтомный словарь «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века» под редакцией Т.Н. Буцевой и Е.А. Левашова (СПб., 2009—2014). Данное издание продолжает серию подготовленных группой «Словарей новых слов» отдела лексикографии современного русского языка ИЛИ РАН неографических словарей-десятилетников «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х гг.» (М., 1971), «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х гг.» (М., 1984), «Новые слова и значения. Словарь-

справочник по материалам прессы и литературы 80-х гг.» (СПб., 1997) и на настоящий момент является последним в серии.

Кроме анализируемого словаря, при работе над диссертационным исследованием привлекались и другие лексикографические источники: «Толковый словарь русского языка. Языковые изменения» под ред. Г.Н. Складчиковой (1998 г.); «Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» под ред. Г.Н. Складчиковой (2008 г.); «Большой академический словарь русского языка» в 30-ти томах (2004—) и др. Кроме того, в работе использовались данные базы текстов Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru, далее — НКРЯ) и поискового сервиса Яндекс (www.yandex.ru) в сети Интернет.

В ходе исследования использовались следующие **методы и приёмы** исследования: приём сплошной выборки, синхронно-диахронный анализ, описательно-аналитический и сопоставительный методы, количественный анализ, компонентный и словообразовательный анализ.

Степень разработанности проблемы. Разработка теории неологии нашла отражение в работах А.А. Брагиной [Брагина 1973], В.Г. Гака [Гак 1983], Л.Ю. Касьяновой [Касьянова 2006], Н.З. Котеловой [Котелова 2015], Л.П. Катлинской [Катлинская 2009], Е.В. Мариновой [Маринова 2006], Т.В. Поповой, Л.В. Рацибурской, Д.В. Гугунавы [Попова, Рацибурская, Гугунава 2005], Е.В. Сенько [Сенько 2007], Т.С. Пристайко [Пристайко 2009], С.И. Тогоевой [Тогоева 2000]. Проблема лексикографического описания новой лексики широко разрабатывалась в работах С.И. Алаторцевой [Алаторцева 1998], Т.Н. Буцевой [Буцева 2006, 2008, 2011, 2012], Л.Б. Гацаловой [Гациалова 2005], О.В. Григоренко [Григоренко 2018], Ю.Ф. Денисенко [Денисенко 2006], В.А. Ефремова [Ефремов 2014], Н.З. Котеловой [Котелова 1983; 1995; 2015], Е.А. Левашова [Левашов 2012], Е.В. Мариновой [Маринова 2011], в серии теоретических сборников «Новые слова и словари новых слов» [Новые ... 1978, 1983, 1990, 1997]. Большое количество исследований посвящено описанию на материале новообразований активных деривационных процессов — это, в частности, работы О.А. Габинской [Габинская

1981], О.В. Григоренко [Григоренко 2010], С.В. Ильясовой [Ильясова 2018], Е.А. Земской [Земская 1995; Земская 2009а], О.М. Каревой [Карева 2016], В.В. Лопатина [Лопатин 1973], А.Г. Лыкова [Лыков 1976], Р.Ю. Намитоковой [Намитокова 1986], Е.И. Коряковцевой [Коряковцева 2016], Г.П. Нещименко [Нещименко 2010], Г.А. Николаева [Николаев 2010], Н.А. Николиной [Николина 2011], Д.М. Осильбековой [Осильбекова 2017], Е.В. Петрухиной [Петрухина 2010], Т.В. Поповой [Попова 2004], Л.В. Рацибурской [Рацибурская 2003, 2007, 2010, 2016а, 2016б], Н.А. Самыличевой [Самыличева 2012], А.Г. Токтонова [Токтонов 2006]; А.В. Шумиловой [Шумилова 2011] и др. Активные процессы в русском языке рубежа XX—XXI веков описаны в монографических исследованиях Н.С. Валгиной [Валгина 2003], А.Д. Дуличенко [Дуличенко 1994], В.Г. Костомарова [Костомаров 1994], В.Н. Шапошникова [Шапошников 2010], в коллективных монографиях «Русский язык конца XX столетия (1985—1995)» [Русский ... 1996, 2000], «Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX—XXI веков» [Современный ... 2008], «Социокультурные и лингвопрагматические аспекты современных словообразовательных процессов» [Социокультурные и лингвопрагматические ... 2018] и др. Отражению в словообразовательных процессах языковой картины мира и выявлению социокультурных факторов, влияющих на деривационные процессы, посвящены исследования Л.С. Абросимовой [Абросимова 2011], Т.И. Вендиной [Вендина 1998; Вендина 2002], Е.И. Коряковцевой [Коряковцева 2016, 2018], И.А. Нефляшевой [Нефляшева 2009], Л.В. Рацибурской [Рацибурская 2018 и др.] и др.

Несмотря на определенную теоретическую и практическую разработанность темы исследования, некоторые вопросы нуждаются в обобщении и уточнении. Так, хотя данные неологических словарей регулярно привлекаются в качестве источника исследования [Безрукова 2016; Земская 1995; Земская 2009а; Минеева 2018; Хабибуллина 2001; Юркина 1991 и др.], материалы, представленные в словаре НСЗ-90, еще не были описаны комплексно и всесторонне.

Новизна результатов исследования заключается во введении в научный оборот материала из нового лексикографического источника – словаря «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века» – и комплексном структурно-семантическом и функционально-прагматическом анализе новообразований, появившихся в переломную историческую эпоху – 90-е годы XX века. На минимальном хронологическом отрезке новообразования анализируются не только со строго синхронических позиций, но и с привлечением данных диахронии. Определение продуктивности словообразовательных моделей, типов и формантов, а также востребованности производящих основ позволяет выявить на материале авторитетного лексикографического источника ключевые слова эпохи, определить особенности национального восприятия социальных преобразований через призму русского языка, а также оценку обществом социально-политических, экономических, культурных и иных процессов, происходивших в 90-е годы XX века. Структурно-семантическое и функционально-прагматическое описание лексических новаций показывает, как словообразовательный механизм национального языка реагирует на изменения в общественной жизни.

На защиту выносятся следующие **основные положения**:

1. Лексикографические источники дают богатый репрезентативный материал, позволяющий выявить как высокопродуктивные, так и малопродуктивные на конкретном этапе языкового развития словообразовательные типы и форманты.

2. Продуктивность словообразовательных типов, моделей и формантов на конкретном этапе развития языка определяется рядом внутриязыковых (тенденция к экономии речевых усилий, антиномия говорящего и слушающего) и внеязыковых (процессы глобализации в современном мире, либерализации общественных отношений в России) факторов.

3. Структурно-семантический анализ словообразовательных неологизмов, возникших на рубеже XX–XXI вв., позволяет выявить не только продуктивные словообразовательные типы и форманты, но и отклонения от сложившихся на

словообразовательном уровне закономерностей, разного рода изменения в семантике словообразовательных типов и формантов, преодоление существующих в языке ограничений в сочетаемости морфем.

4. Функционально-прагматический анализ словообразовательных неологизмов свидетельствует о том, что последние являются своеобразными маркерами эпохи, в которых находят отражение актуальные для носителей языка, социально-значимые факты внеязыковой действительности.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что на материале нового лексикографического источника выявлены особенности функционирования словообразовательного механизма русского языка последнего десятилетия XX века и определены возможные пути дальнейшей его эволюции. Таким образом, анализ словообразовательных неологизмов может способствовать прогнозированию дальнейших путей развития языка, выявлению «точки роста» новых языковых явлений. Результаты работы позволяют дать более полное и детальное описание словообразовательной системы русского языка новейшего периода и специфики функционирования словообразовательного механизма; вносят вклад в дериватологию, лексикологию, неологию, лингвокультурологию, общую теорию языка.

Практическая ценность работы определяется возможностью применения результатов исследования в практике преподавания вузовских курсов «Современный русский язык» (разделы «Лексикология», «Морфемика и словообразование»), «Лингвокультурология», спецкурсов по неологии и лексикографии. Кроме того, материалы исследования могут быть использованы в практике преподавания русского языка как иностранного и в лексикографической практике.

Апробация работы. Основные результаты диссертационного исследования отражены в 30 научных публикациях, изданных во Владимире, Волгограде, Казани, Калининграде, Москве, Нижнем Новгороде, Санкт-Петербурге, Саратове, а также в Венгрии и Польше; восемь работ опубликовано в изданиях, включенных в перечень

ведущих научных журналов и изданий, утвержденный ВАК РФ. Основные положения диссертации были изложены в докладах на III Республиканском научном семинаре «Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка» (Саратов, 2009), «Терминология и знание» (Москва, 2010), V Международной научной конференции «Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках» (Украина, г. Днепропетровск, 2011), IX Международной конференции «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект» (г. Владимир, 2011), Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения академика К.Я. Грота (г. Санкт-Петербург, 2012), Международной конференции «Историческая русистика и славянское языкознание в начале XXI века» (г. Нижний Новгород, 2013), Международной научной конференции «Неология и неография: современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления)» (г. Санкт-Петербург, 2015), Международной конференции «Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б.Н. Головина)» (г. Нижний Новгород, 2016), Международном научном симпозиуме «Русская грамматика 4.0» (г. Москва, 2016), Международной лингвистической конференции «Русская лексика: история и современность» (Венгрия, г. Будапешт, 2017), Международной научной конференции, посвященной 70-летию выхода первого тома академического «Словаря современного русского литературного языка», «Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития» (г. Санкт-Петербург, 2018), Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIX Кирилло-Мефодиевские чтения» (г. Москва, 2018), Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения профессора А.Н. Тихонова, «Язык как система и деятельность» (г. Елец, 2011), Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора В.Н. Немченко, «Лингвистические традиции и современность» (г. Нижний Новгород, 2018), на VI Конгрессе РОПРЯЛ «Динамика языковых и культурных процессов в современной России» (г. Уфа, 2018).

Диссертация прошла обсуждение на заседании кафедры современного русского языка и общего языкознания Института филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, библиографии (254 наименования). Общий объём диссертации составляет 265 страницы машинописного текста.

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, определяются цель и задачи, использованные методы и приёмы исследования, рассматривается степень разработанности проблемы, характеризуются новизна исследования, его теоретическая и практическая значимость, положения, выносимые на защиту, а также приводятся сведения об апробации основных положений диссертационного исследования.

Первая глава «Основные принципы исследования неологизмов в современной неологии и неографии» посвящена описанию активных процессов в русском языке (в первую очередь в русском словообразовании) конца XX века, определению понятия «неологизм», «словообразовательный неологизм», разграничению смежных понятий «неологизм» — «окказионализм», «новообразование» — «словообразовательный неологизм» — «потенциальное слово» — «окказиональное слово», «словообразовательный неологизм» — «семантический неологизм» — «неологизм-заимствование». Также в первой главе рассматриваются общие положения теории неографии и проблемы лексикографического описания неологизмов.

Во **Второй главе «Структурно-семантическая специфика новых имен существительных, представленных в словаре „Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века“»** дается структурно-семантическое описание словообразовательных неологизмов-существительных, зафиксированных в словаре-справочнике НСЗ-90. Описываются использованные при создании неословов словообразовательные

способы, форманты, модели и типы, определяются наиболее продуктивные из них, выявляются особенности сочетаемости словообразовательных аффиксов с производящими основами, случаи преодоления существующих в языке ограничений в сочетаемости морфем, возможные изменения в словообразовательном значении того или иного словообразовательного типа.

В Третьей главе «Социокультурная специфика новых имен существительных в словаре „Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века“» рассматривается влияние на словообразовательные процессы социокультурных факторов, выявляются тематические группы новообразований, анализируется, как с помощью словообразовательного механизма в языке отражаются актуальные общественно-политические, экономические, культурные и иные реалии.

В **Заключении** обобщаются результаты исследования, делаются выводы, а также намечаются перспективы исследования.

Библиография состоит из трёх разделов (источники, словари, научная и научно-методическая литература) и включает в себя 254 наименования.

ГЛАВА I. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОЙ НЕОЛОГИИ И НЕОГРАФИИ

1.1. Русский язык в современном российском социуме: «неологический бум» на рубеже XX--XXI веков

Развитие языка напрямую связано с развитием того общества, которое он обслуживает, а внеязыковые (экстралингвистические) факторы обязательно должны учитываться при характеристике языка конкретной эпохи. «Формирование любого языка как национальной сущности, а особенно его лексики тесно и неразрывно связано с происхождением, жизнью, историей народа» [Гвоздарев 2008: 107], а «изменения в языковой системе, касающиеся тех или иных ее единиц, возможны и неизбежно происходят в любую эпоху, в любой исторический период, на любом историческом этапе языкового развития» [Немченко 2013: 76]. Резкие преобразования в государственном устройстве, перестройка экономики, революционные изменения в идеологии и культуре не могут не отразиться на языке эпохи, несмотря на то положение, что язык – весьма устойчивое образование, система, подчиняющаяся своему собственному порядку [Соссюр 1933]. Как отмечает Г.О. Винокур, «язык есть культурная традиция: основные схемы этой традиции, ее крайние границы могут очевидно измениться только с изменением самой культуры» [Винокур 2006: 87]. Но в то же время проф. Г.О. Винокур, характеризуя язык эпохи НЭПа, пишет о произошедшей языковой революции и понимает под этим то, что резкие изменения в общественной жизни активизируют и актуализируют некоторые языковые потенции. Последние принципиально не противоречат традиции, но «планомерная эволюция лингвистических форм не давала никаких оснований их предполагать или предвидеть» ранее [Винокур 2006: 88–89]. Е.Д. Поливанов в свою очередь отмечал, что «почва для усиленного хода языковой <...> эволюции в революционный период самая благодатная» [Поливанов 1968: 190].

Взаимосвязь внешних и внутренних факторов, влияющих на развитие языка, особенно ярко проявляется при анализе лексики той или иной переломной исторической эпохи. Развитие человеческой мысли, научно-технические изобретения, новое в экономической, общественно-политической, культурной сферах, развитие международных связей, изменение идеологии и переоценка ценностей – все эти процессы, которые с разной степенью интенсивности идут в любом развивающемся и жизнеспособном обществе, отражаются в первую очередь на лексическом уровне языка. «Связь языка с жизнью народа – положение, уже не требующее аргументов» [Гвоздарев 2008: 107]. Так, в русском языке конца XX века в связи с бурным развитием компьютерных технологий появляются многочисленные наименования высокотехнологичных устройств: *видеоплата, видеоплейер / видеоплеер, видеопринтер, маршрутизатор, сидишник, считыватель* [НСЗ-90] и т.д.

Однако исследователи отмечают, что языковая эволюция определяется не только внешними факторами, т.к., «хотя влиянию внешних факторов принадлежит существенная роль в развитии словарного состава языка, далеко не всегда лексические изменения находятся в прямой зависимости от внеязыковых причин. Будучи одним из проявлений жизни языка, пополнение словаря, как и эволюция языка в целом, регулируется факторами не только внешнего, но и внутреннего порядка» [Волков, Сенько 1983: 43–44; Нещименко 2010; Попова 2008; Сенько 2007]. Ход языковой эволюции подчиняется объективно существующим в языке закономерностям [Поливанов 1963; Стернин, Попова 2007 и др.]. Согласно теории антиномий, предложенной М.В. Пановым, к внутренним факторам языкового развития относятся антиномии говорящего – слушающего (цель говорящего – упростить выражение мысли, а цель слушающего – максимально облегчить понимание); антиномия нормы и возможностей системы (говорящие стремятся сохранить норму, обеспечивающую единство и целостность языковой системы, и одновременно вынуждены постоянно ее менять); антиномия системы и текста (когда увеличение количества языковых единиц, например появление новых слов,

сокращает текст, но усложняет систему, что оказывается невыгодным для говорящих); антиномия стандартизации и экспрессивности; антиномия потребностей общения и психофизиологических способностей (закон экономии речевых усилий) [Панов 2007]. Языковая эволюция происходит в результате взаимодействия этих разнонаправленных тенденций. Г.П. Нешименко, анализируя тенденцию языковой экономии и обращая внимание на значимость данной тенденции для «развития системных закономерностей языка, в том числе и для эволюции литературной нормы» [Нешименко 2010: 118], замечает, что тенденция языковой экономии действует «не „в одиночку“, а в тесной взаимосвязи с другой тенденцией, находящейся с ней в диалектическом противоречии» [Нешименко 2010: 118], – «*противонаправленной тенденцией языкового варьирования, стимулирующей разрастание вербальной материи, в том числе за счет увеличения количества *изофункциональных* языковых средств*» [Нешименко 2010: 118, см. также: Волков, Сенько 1983]. Так, говорящему удобно использовать в речи сложносокращенные слова и аббревиатуры, а слушающему удобнее воспринимать полные названия предметов.

Внутренние стимулы языкового развития проявляются не так наглядно, как внешние, но, как и последние, играют существенную роль в развитии языка. Более того, как нам представляется, без внутренних законов языкового развития оказываются невозможными преобразования, даже если экстралингвистические факторы, социальные потребности дают предпосылки для появления новшеств. Есть еще и третья составляющая языкового развития: прагматические установки говорящих. Так, в 1965 году, вскоре после подвига А.А. Леонова, появился ряд глаголов (*леонить*, а также *траекторить*, *космосовать* и проч. [Земская 2009а]), называющих новое действие – выход в открытый космос [Брагина 1973; Земская 2009а; Катлинская 2009]. Однако ни одно из новообразований не вошло в язык, хотя в целом и экстралингвистические факторы, и интралингвистические факторы, казалось бы, могли способствовать закреплению новообразований в узусе: космонавты до сих пор регулярно выходят в открытый космос, т.е. совершают

действие, для которого в языке так и не появилось однословного наименования. Е.А. Земская причину, из-за которой номинации не закрепились в языке, видит в прагматических установках говорящих: «Причина, по-видимому, не лингвистическая, а прагматическая. Нет нужды в специальной номинации этого действия <...>» [Земская 2009а: 15–16], говорящие на литературном языке легко могут обходиться, при необходимости, и перифрастическим наименованием действия. Таким образом, появление новой реалии не всегда приводит к появлению в языке нового слова.

В то же время немало и таких случаев, когда новое слово вовсе не обозначает нового понятия: например, неологизм *ВИП* ‘то же, что вип-персона (о представителях государственной, политической и деловой элиты, популярных деятелях искусства и т.п.)’ [НСЗ-90] оказывается близким по значению к таким уже существующим словам, как *бонза* (книж. ‘чванное должностное лицо’ [СОШ]), или *элита* (книжн. ‘лучшие представители какой-н. части общества, группировки, а также люди, относящиеся к верхушке какой-н. организации, группировки’ [СОШ]), или *шишка* (прост. ‘о важном, влиятельном человеке’ [МАС]). Очевидно, что та социальная группа, представителей которой в конце XX века стали называть *випами*, существовала и ранее. Однако в анализируемый исторический период у общества возникла острая потребность в новом наименовании уже известного. Вероятно, заимствование нового слова и его быстрая адаптация были обусловлены отсутствием в русском языке слова для нейтрального обозначения одного из представителей элиты (слова *бонза* и *шишка* являются стилистически окрашенными, их использование вряд ли допустимо в нейтральном стиле, а кроме того, данные слова обладают ограниченными деривационными возможностями). По всей видимости, закреплению слова в языке способствуют не только внешние (развитие тех или иных областей общественной жизни) или внутренние (влияние законов языка) факторы, но прагматические установки говорящих, актуальность для говорящих того или иного явления, а также стремление говорящих в процессе общения следовать так называемой «языковой моде».

Как отмечают исследователи, внешние и внутренние факторы, обуславливающие языковое развитие, тесно взаимосвязаны и их разграничение в некоторой степени относительно [Кузнецова 1989: 154]. Если рассматривать влияние внешних и внутренних факторов, в частности, на лексику, то надо учитывать, что «автономные процессы, происходящие внутри лексической подсистемы языка и направленные на совершенствование системы обозначений, в конечном счете опосредованы внешним стимулом, в частности актуализацией каких-либо общественных явлений, понятий» [Волков, Сенько 1983: 45]. При этом последнее «приводит в действие языковой механизм, стремящийся дать уже известному понятию удобное для данного состояния языковой системы обозначение, соответствующее тем или иным тенденциям в её современном развитии. Таким образом, внешние стимулы опираются на внутриязыковые факторы» [Волков, Сенько 1983: 45; Газда 1997]. Э.В. Кузнецова обращает внимание на то, что данные факторы «можно интерпретировать как отношение необходимости и возможности. Внешние факторы определяют необходимость изменений, а внутренние представляют те возможности, которыми располагает язык для их осуществления» [Кузнецова 1989: 154].

Изменения, происходившие в русском языке конца XX века, обусловлены взаимосвязью внеязыковых и внутриязыковых факторов [Сенько 2007; Попова 2008 и др.]. Так, развитие экономики, расширение международных контактов, научно-технические достижения приводят к увеличению количества иноязычных заимствований (например, *бизнес-виза* (от англ. business visa), *бизнес-гайд* (от англ. business guide), *web-дизайн* (от англ. web design, www design), *видеоадаптер* (от англ. video adapter), *горби-бум* (от англ. Gorby boom) – в последнем случае английский коррелят возник на базе русского имени собственного *Горбачев* [НСЗ-90] и мн.др.).

В то же время действие экстралингвистических факторов поддерживается внутренними законами языкового развития: заимствования могут закрепиться в языке, только если они не противоречат его системе, если их вхождение в язык

мотивированно и поддерживается интралингвистическими факторами. Так, новые заимствования могут экономить речевые усилия, что выгодно для говорящих; ср.: *бизнес-вумен* (более короткое, однословное наименование) – *деловая женщина, женщина-предпринимательница*.

Изменения в политической жизни и необходимость дать им общественную оценку привели к возникновению новообразований типа *господарищи, ель-цинизм, ельциномика, демокрады* [НСЗ-90] и под. Однако использовались подобные слова не только благодаря тому, что обозначаемые ими понятия оказались востребованными на данном этапе развития общества, но и потому, что эти новообразования экспрессивны, а говорящий может быть в некоторых случаях «склонен к экспрессивной выделенности единиц языка» [Попова, Стернин 2007: 119].

Основная функция языка – адекватно обслуживать общество – обуславливает то, что существенную роль в его развитии играют антиномии текста и системы, возможностей системы и нормы. Влияние этих антиномий на развитие языка поддерживается внеязыковыми факторами. В конце XX века изменения социальной стратификации, демократизация общества, отсутствие последовательной и внятной языковой политики приводят к заметным самим носителям языковым изменениям.

Описывая русский язык конца XX века, исследователи указывают на экстралингвистические факторы как на непосредственную предпосылку языковых перемен: «Возросшие темпы языковой динамики 90-х годов объясняются прежде всего меняющимся составом и обликом русского общества, сменой социальных, политических, экономических, а также психологических установок» [Валгина 2003: 8; Петрухина 2010]. Исход XX столетия характеризуется «лавинообразным словообразованием, неконтролируемым потоком заимствований, вторжением жаргона в общий язык, новой жизнью слов, обозначающих наиболее актуальные понятия <...>, уходом в пассив целых пластов лексики эпохи социализма <...>» [Скляревская 1998: 5], а в целом, происходившие «в конце XX – начале XXI века изменения в языке <...> можно сопоставить с тектоническими сдвигами в геологии, а на собственно языковом уровне – с взрывными процессами петровской и

послеоктябрьской эпохи, связанными с коренной ломкой в жизни общества и в способах ее осмысления» [Сулименко 2008: 51]. Анализируя русский язык конца XX столетия, исследователи пишут: «Главное, что отличает современный русский язык, – это раскованность, раскрепощенность, пришедшая на смену безликости и стандарту. Иногда эта раскрепощенность порождает речь выразительную, меткую, но порой она приводит к разнузданности, грубости и вульгарности», при этом в языке отражается специфика общественной жизни [Земская 1995: 154; Данн 2008; Коряковцева 2018б].

Граждане Советского Союза, а затем его ставших независимыми республик, в том числе и России, в конце XX века пережили серьезную, по своей сути революционную, перестройку общественно-экономической системы. За кратчайший временной промежуток сменилась общественно-экономическая формация (от социализма к капитализму), государственная идеология, законодательная база, приоритеты во внешней политике, изменились средства массовой информации (которые играют существенную роль в формировании «языкового вкуса»), культура, быт. Все эти трансформации отражались в речи, влияя через нее и на преобразования в самой языковой системе.

Нагляднее всего влияние экстралингвистических факторов проявляется на лексическом уровне, а «наиболее значительные изменения в лексике языка происходят в период наибольшей активности народа, нации» [Гвоздарев 2008: 108]. Одним из таких периодов в истории русского языка стал рубеж XX–XXI веков. Как отмечает Е.А. Левашов, «распад СССР, ... отказ от государственного социализма и тоталитаризма, политические преобразования в обществе, гласность, внедрение рыночных, капиталистических отношений, ускоренное развитие науки и техники, заметная культурно-идеологическая и языковая экспансия Запада, вызвавшая невиданный напор иноязычных заимствований, усиленное воздействие на сознание средств массовой информации и сопутствующие всем этим процессам явления вызвали невиданные подвижки в русской лексике, ее зримое обновление» [Левашов 2009: 4]. Лексику русского языка последнего десятилетия XX века характеризует

большое число неологизмов, в том числе новых заимствований из английского языка; возвращение из пассивного запаса, актуализация отдельных слов и целых тематических групп; переосмысление слов, появление у существующих слов новых значений, оттенков значений или новых коннотаций.

Во многих исследованиях говорится о таких отличительных чертах русской лексики рубежа XX–XXI столетий, как жаргонизация речи [см., например, Валгина 2003; Газда 1997; Костомаров 1994; Крысин 2002 и др.]. Так, в частности, Л.П. Крысин отмечает, что «в последнее время русский литературный язык испытывает сильнейшее влияние жаргонной и просторечной языковой среды...» [Крысин 2002а: 3]. В то же время следует помнить, что эти тенденции не оказываются абсолютно новыми для русского языка: с тюремно-лагерным жаргоном в предшествующую эпоху (советское время) были знакомы представители разных социальных групп, прошедшие через ГУЛАГ, а также члены их семей. Однако «в современных условиях тюремно-лагерный жаргон находит себе новую «среду обитания» (им пользуются, например, бизнесмены, журналисты, политики)» [Крысин 2002а: 4]. Жаргонная лексика начинает активно использоваться в средствах массовой информации как способ привлечения внимания читателей и как средство речевой агрессии; она «широким потоком хлынула в публицистику, в публичные выступления политиков, депутатов и даже писателей» [Крысин 2002а: 4]. Многочисленные примеры употребления жаргонизмов и профессионализмов можно встретить в широко распространенных детективных сериалах, когда подобные языковые элементы используются как средство речевой характеристики персонажа – представителя преступного мира или сотрудника правоохранительных органов (например, в телесериале «Улице разбитых фонарей», впервые вышедшем на экраны в 1998 году, герои, как положительные, так и отрицательные, используют соответствующие жаргонизмы). Г.Н. Складневская считает одной из причин, способствующих активизации жаргонизмов в русском языке конца XX века, высокую степень экспрессивности подобных языковых единиц. «Потоки сниженной, жаргонной, а нередко и уголовной и нецензурной лексики» вследствие

интенсивной демократизации языка и отмены цензуры «стали достоянием всех жанров, требующих экспрессии: художественных текстов, газетных и телевизионных репортажей, публицистических выступлений, политических дебатов» [Скляревская 2001].

Вторжение жаргонной лексики не остается незамеченным носителями языка. Рост числа жаргонизмов, стремящихся войти в литературный язык, не может не вызывать тревогу у лингвистов: «система литературных норм испытывает большое напряжение; в речевом общении носителей русского литературного языка ... набрали силу такие негативные тенденции и явления, как огрубление литературной речи, детабуизация грубопросторечной ... лексики и фразеологии, наплыв жаргонизмов, немотивированное употребление варваризмов ...» [Бельчиков 2004: 27]. В то же время языковеды отмечают, что жаргонизация может иметь не только негативные стороны. Л.П. Крысин так пишет о жаргонной лексике: «Хорошо это или плохо? Несомненно, плохо, если рассматривать процесс жаргонизации литературной речи исключительно с позиций традиционной нормы, не допуская мысли о неизбежном обновлении набора выразительных средств в ходе языкового развития <...>» [Крысин 2002б]. Но, продолжает исследователь, в сфере национального языка мы можем наблюдать некоторые элементы подобного отбора: «в потоке жаргонных слов и оборотов взгляд тех, кто наделен языковым чутьем и вкусом различает некоторые, отдельные особенно емкие, выразительные слова и обороты, которые могут быть употреблены и в литературной речи (разумеется, с определенной стилистической окраской и главным образом в непринужденном общении...)» [Крысин 2002б; Солганик 2010]. При этом нельзя забывать, что «наплыв речений, заимствованных из уголовного жаргона или просто сниженной, „приблатненной“ речи», негативным образом сказывается на языковой картине мира, т.к. носителям языка навязывается соответствующая циничная система, «циничное представление о мире подается как нечто само собою разумеющееся, не имеющее альтернатив, а подлинные ценности девальвируются» [Шмелев 2005]. Подобную девальвацию ценностей демонстрируют, например, следующие

жаргонные глаголы: *забашилить* ‘заработать (зарабатывать) деньги’; *затащиться* ‘прийти в неистовый восторг; заторчать’; *заторчать* ‘3. сильно увлечься кем-, чем-л. // пристраститься к чему-л.; 4. влюбиться в кого-л.’ [НСЗ-90] и т.п.

Жаргонизация русской речи в конце XX века находит отражение и в лексикографических источниках. В НСЗ-90 фиксируется немало слов с пометой «жаргонное» или «из жаргона»: *братва, брателло, бронзулетка, вальщик, взросляк, внутрянка, гамищик, лавандос / ловандос, передоза, распальцовщик* и мн.др.

Лексику 90-х годов характеризует также возросшее в разы число заимствований, преимущественно из английского (в его американском варианте) языка. Проблема иноязычных заимствований в языке новейшего периода подробно освещена в многочисленных публикациях [Валгина 2003; Данн 2008; Костомаров 1994; Крысин 2002а,б; Крысин 2008; Маринова 2008; Маркова 2011 и мн.др.]. Надо отметить, что заимствования не только активно проникают в живую разговорную речь, но и закрепляются в языке, о чем свидетельствуют и лексикографические источники. В частности, в словаре НСЗ-90 из 465 слов на букву Б 70, т.е. 15% – иноязычные [НСЗ-90 2009: 4]. «По масштабности, интенсивности проникновения англицизмов русский язык, пожалуй, стоит на первом месте среди славянских языков» [Маркова 2011: 405]. Причины роста заимствований, в первую очередь, экстралингвистические: после распада СССР и падения «железного занавеса» активизировались международные торговые и культурные контакты, многим гражданам России стал доступен зарубежный туризм. Все это послужило стимулом к изучению иностранных (прежде всего – английского) языков. В конце XX – начале XXI веков «возникли известные политические, экономические и культурные условия, которые определили предрасположенность российского общества к принятию новой и к широкому употреблению ранее существовавшей, но специальной иноязычной лексики» [Крысин 2008: 12]. Интенсификация общения носителей русского языка с носителями иных языков явилась важным условием для непосредственного заимствования лексики [Крысин 2002а: 5]. В лексике, обслуживающей некоторые специфические сферы деятельности, иноязычными

оказываются целые группы слов: *видеоадаптер, видеобластер, веб-страница, веб-трафик, веб-хостинг* и др. в компьютерной терминологии; *глэм, глэм-рок, глэм-фан, гранж-музыка* (направления в современной музыке) [НСЗ-90] и т.д. Нередко подобные заимствования оказываются производными, от которых уже в русском языке создаются новые производные: *гранжевый / гранжовый, гранжёр, глэм-роковый, веб-страничка* [НСЗ-90]. Появление у заимствований производных свидетельствует об их активной адаптации в языке-реципиенте [Маринова 2008].

Немаловажную роль в относительно легкой адаптации внешних (как, вероятно, и внутренних) заимствований играют и социально-психологические факторы, в том числе т.н. «языковая мода». В истории русского языка и ранее были периоды активного заимствования, когда иноязычное слово воспринималось как более престижное, модное, «ученое». «Статус престижного часто несет на себе слово иностранное, которое аттестует говорящего более высоко» [Вепрева 2001; Коряковцева 2018а: 16]. Кроме того, как замечает Л.П. Крысин, иноязычное слово может использоваться не только в целях повышения «престижности» речи, но и в качестве эвфемизма, скрывающего негативный смысл называемого явления, делающего его более респектабельным, т.е. как бы повышающего ранг «неприятного» явления [Крысин 2008: 51; Данн 2008]. Таким образом, иноязычные лексемы заимствуются не только под влиянием внешних факторов, но и потому, что они могут выполнять «определенные социально-психологические функции» [Крысин 2008: 50; Коряковцева 2018а].

В последние десятилетия «массовый характер заимствований, их интенсивность и стремительность адаптации в русском языке вызывает крайне негативную реакцию многих членов общества <...>. Существует даже мнение о „языковой интервенции“», – отмечает Г.Н. Складаревская [Складаревская 2001; Маркова 2011; Солганик 2010 и др.].

Вместе с тем хрестоматийным в лингвистике является положение о том, что заимствование лексики – естественный процесс для любого развивающегося языка и что к нему нельзя относиться негативно. Как отмечал А.Г. Горнфельд, «в языке

живом и деятельном, языке сильном и творческом – а иным можно ли считать язык Пушкина и Толстого? – ненужных иностранных слов нет. <...> все дело в том, кем и для чего оно употреблено» [Горнфельд 2011: 22]. Неумеренное же и неуместное употребление иноязычных слов (в том числе и в текстах СМИ, выступлениях известных людей) может объясняться невысоким уровнем речевой культуры, стремлением следовать моде, незнанием существующего русского эквивалента. В таких случаях мы, действительно, сталкиваемся с угрозой «засорения» русского языка. Неоправданными следует признать те заимствования, которые, как отмечает А.Д. Шмелев, размывают языковую концептуализацию мира, расшатывают уже сложившийся фрагмент русской языковой картины мира [Шмелев 2005].

Надо отметить, что в русский язык в конце XX века входят не только слова из английского или иных западноевропейских языков (например, из немецкого: *боулингбан* – ‘разновидность игры в кегли’; *дульдунг* – ‘документ о продлении визы без права иностранца на передвижение по стране и работу (в ФРГ)’ и др.; из итальянского: *кальчо* – ‘разновидность итальянского мини-футбола’ и др.), но и лексические единицы (которые можно квалифицировать как экзотизмы) из языков народов России и СНГ. Так, в НСЗ-90 отмечены заимствования из армянского (*драм* – ‘основная денежная единица Армении, равная 100 лама’), казахского и киргизского (*аким* – ‘глава местной администрации в Казахстане, Киргизии’), украинского (*жѣвто-блакитный* (с вариантами написания) ‘1. Окрашенный в желтый и голубой цвета; желто-голубой (часто как символ независимой Украины) ...’, *западэнцы* – ‘жители западной части Украины’), чеченского (*вирд* – ‘религиозная община в Чечне, исповедующая одно из направлений суфийского ислама’) и др. языков [НСЗ-90] (здесь и далее, кроме специально отмеченных случаев, значения слов приводятся по словарю НСЗ-90).

Кроме того, в далеко не редких случаях имеет место так называемое семантическое калькирование, когда заимствуется значение слова при сохранении внешней оболочки русского (или давно русифицированного) слова. Так, заимствованными из английского являются новые значения слов *быстрый* (в

сочетаниях *быстрая еда, быстрое питание* от fast food); *быки* (от bull) – ‘брокеры, играющие на повышение акций ...’; *голосовой* (в сочетании *голосовая почта* от voice mail) – ‘компьютерная система записи и воспроизведения голоса, звучащего по телефонной сети’ и др.

Однако заимствования (как внешние, так и внутренние) – только одна из составляющих той огромной массы новых слов, которые появились в русском языке на рубеже XX – XXI веков. Этот период стал временем т.н. «неологического бума»: «количество новых слов, ... зафиксированных в газетах и журналах только в течение одного года, составляет десятки тысяч (!)...» [Маринова 2006: 249–250]. Так, например, в словаре «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов» зафиксировано около 3500 новых слов и значений, в словаре, отражающем неологизмы 70-х годов, – около 5500, а словарь НСЗ-90 только в первом томе (А – К) содержит около 4250 словарных статей, общий же объем словаря составляет более 10 500 статей. Конечно, рост объема словников словарей серии «Новые слова и значения» может быть частично связан с привлечением новых источников (так, в первом словаре серии – «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов» использовалось всего около трех десятков источников), совершенствованием методики обработки материала, использованием новейших компьютерных технологий. Однако число словарных статей в первую очередь определяется существующим языковым материалом, и в словарях объективно отражается увеличение количества новых слов в массиве современных текстов. Новые слова при этом сравнительно быстро входят в активный запас, заполняя существовавшие лакуны. В этом заключается отличие современного этапа развития русского языка от предыдущих периодов: «новые слова стремительно осваиваются и относительно быстро перемещаются с периферии лексической системы к центру» [Маринова 2006: 249–250].

Новации распределяются по тем тематическим группам, которые отражают наиболее востребованные современным обществом реалии. Так, неологизмами

стремительно пополняется политическая и идеологическая, экономическая и финансовая, религиозная и медицинская лексика; новые номинации требуются для называния паранормальных явлений, новшеств в сфере моды, массовой и молодежной культуры [Скляревская 2001].

Ученые отмечают, что процессы неологизации (появления новых языковых элементов) и архаизации (устаревания языковых элементов) являются определяющими в развитии любого языка. В то же время «скорость процессов неологизации значительно увеличивается в периоды крупных общественных перемен, затрагивающих носителей конкретного языка – в частности, в нынешний период новейшей истории России и стран СНГ» [Пристайко 2009].

Пополнение лексики национального языка может идти разными путями. А.А. Брагина пишет: «Новые реалии и новые явления требуют наименований. Так возникают обусловленные внешними (неязыковыми) причинами новые слова, но было бы неверно понимать неологизмы только как слова абсолютно новые и только такие слова отмечать и анализировать <...>. Новая лексика формируется и путем переосмысления старых слов, и путем новых словосочетаний, и путем новых комбинаций старых морфем и частей старых слов» [Брагина 1973: 213]. Наиболее очевидный и заметный для неспециалистов путь образования новых лексических единиц – заимствование из иностранных языков. Другими, вероятно менее осознаваемыми для носителей языка, способами порождения инноваций являются внутренние заимствования (из нелитературных форм национального языка), словообразовательная и семантическая деривация, семантико-морфологическая деривация, агрегатирование.

В результате семантической деривации у существующих в языке слов появляются новые значения, т.е. образуются неосемемы, или семантические неологизмы. Так, например, НСЗ-90 фиксирует новые значения у слов *бомонд* ‘высший свет, элита современного общества ... // о ведущих деятелях, профессионалах высшего класса из какой-л. сферы деятельности ... // элита какого-л. социального слоя’ (образовано в результате метафорического переноса от

‘верхушка буржуазного дворянского общества; высший свет’); *взломать* ‘устранить защиту какого-л. компьютера, информационной сети с целью нелегального доступа к хранящейся там информации’ (образовано также в результате метафорического переноса от ‘ломая, вскрыть запертое, целое’); *зашить* ‘подвергнуть операции по вшиванию специальной ампулы с лекарством для прерывания алкогольной зависимости’ (образовано в результате сужения значения ‘положив, поместив внутрь чего-л., закрепить швом’) и т.д. Необходимо отметить, что новое значение слова *бомонд* фиксируется также в БАС-3, где подается как оттенок значения (‘верхушка буржуазно-дворянского общества; высший свет // верхушка современного общества (о представителях властных кругов, крупных политиках, предпринимателях, известных деятелях культуры и т.п.)’). Это свидетельствует о высокой степени освоения данного семантического неологизма, об адаптации нового значения в литературном языке исследуемого периода (ср., например, употребление в речи: *Многие из них принадлежат к бомонду «северной столицы», где смешались бизнесмены, интеллектуалы и деятели искусств* [НКРЯ]).

Кроме внутрисловной семантической деривации неологизмы, созданные одним из морфологических способов, могут совпадать с уже существующим в языке словом формально и сближаться с ним семантически, хотя напрямую и не выводиться из значения последнего: «появление нового значения у слова обусловлено не закономерностями развития системы его значений, а одновременным присоединением аффикса и сопровождающими его семантическими сдвигами» [Попова, Рацибурская, Гугунава 2005: 51–52]. Таким образом, возникновение нового значения происходит вторичной номинации: *декабристы* ‘члены депутатской группы Государственной Думы «Либерально-демократический союз 12 декабря»’ (ср. в БАС-3 ‘участники дворянского революционно-освободительного движения, завершившегося в декабре 1825 г. восстанием против самодержавия и крепостничества’); *зеленеть* ‘1. Мыслить с позиций экологии; поворачиваться к решению проблем сохранения природной среды; 2. Подниматься по отношению к курсу американского доллара (о курсе

русского рубля)» (ср. в БАС-3 «делать зеленым, окрашивать в зеленый цвет») (см. подробнее об этом в п. 1.2.).

Наиболее яркая отличительная черта семантических неологизмов – формальное совпадение с уже существующими словами. В некоторых случаях подобное совпадение создается осознанно, для того, чтобы вновь возникшее наименование было более выразительным, запоминающимся, вызывало необходимые (положительные или негативные) ассоциации. При этом «появление нового значения невозможно объяснить законами семантического развития русских слов», слово используется в качестве «условного названия», происходит агрегатирование значения [Попова, Рацибурская, Гугунава 2005: 52]. На рубеже XX – XXI веков в результате агрегатирования появились и были зафиксированы в НСЗ-90 новые значения у таких слов, как, например, *гусь* «самоходная машина на гусеничном ходу» (в данном случае новое наименование связывается и с усечением части «гусеничный трактор»); *дерево* «деревянные рубли» и др.

Интересно отметить, что в качестве семантических неологизмов в словаре НСЗ-90 фиксируются в том числе лексемы, восходящие в общеславянского фонду (или пришедшие из генетически родственного старославянского языка), входящие в активный словарный запас и уже имеющие в русском языке несколько значений. Так, новые значения развиваются у слов *быстрый* (в сочетании *отряд, группа быстрого реагирования*, в БАС-3 у данного прилагательного отмечается пять значений, которые существовали ранее, при этом у каждого имеются также оттенки значений); *жёлтый* (в сочетании *жёлтые дети* – «1. Дети с врожденной желтухой...; 3. Азиатский, относящийся к Японии и странам Юго-Восточной Азии»; в БАС-3 отмечено два значения, а также оттенки значения), в новых значениях могут употребляться слова *война, воздух, жесткий* и др. И.В. Ерофеева отмечает, что активизация процессов трансформации семантики слов связана с изменениями в жизни общества, в экономике, науке и других социальных сферах. В частности, очень активны процессы семантических изменений в политической сфере: «Слова, не имевшие ранее отношения к политике, получают политическое

звучание. Чаще всего новые значения слова приобретают вследствие метафорического переосмысления, при этом они характеризуются ярко выраженной коннотацией, чаще всего отрицательной, выражая оценку современной общественной ситуации» [Ерофеева 2001].

В русском языке конца XX века «обычные, привычные ... слова» претерпевают настолько глубокие изменения, что их новая семантика оказывается «закрытой, непонятной для человека, чье языковое сознание осталось на уровне 1985 года», – отмечает проф. Г.Н. Складеревская [Складеревская 2001]. Вместе с тем следует помнить, что «слово, обращенное к другому объекту мира, меняет свою семантику, одновременно меняя для говорящих сам фрагмент языковой картины мира» [Складеревская 2001].

Еще один процесс, ярко проявившийся в лексике русского языка конца XX – начала XXI веков, – актуализация единиц, в советскую эпоху находившихся в пассиве, на периферии литературного языка. Так, в 90-е годы XX века перестают быть историзмами слова *губернатор* (ср. в БАС-2 – ‘1. в доревол. России – начальник губернии...’), *гимназия* (ср. в БАС-2 – ‘в доревол. России, в некоторых зарубежных странах и в СССР с 80-х гг. XX в. [выделено нами. – Е.Ж.] – среднее образовательное учебное заведение’) и мн.др. Входит в активное употребление религиозная лексика, в первую очередь православная – названия церковных книг, таинств, праздников, должностей в церковной иерархии. Так, составители «Толкового словаря русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» как активно функционирующие в современной речи рассматривают слова *дьякон* (диакон), *Евангелие*, *катехизация*, *подворье*² ‘территория с церковью ..., принадлежащая церковным организациям или монастырю и находящаяся вдали от него...’ и др. Возвращение в активный запас слов, связанных с церковной тематикой, объясняется кардинальным изменением отношения власти и Церкви, прекращением гонений, отказом от атеистического воспитания. Более того, изменение государственной политики в области конфессиональных отношений приводит к тому, что некоторые исследователи начинают говорить об особой

функциональной разновидности литературного языка – «церковно-религиозном стиле» (В.А. Салимовский) [Кожина 2008: 412–432].

Причинами возрождения старых, давно перешедших в разряд историзмов слов являются, очевидно, экстралингвистические факторы. Определенную роль играет мода, положительный ореол царской России, активно возрождаемый в произведениях современного искусства (см., например, некоторые песни в исполнении И. Талькова или Ж. Бичевской, позднее – детективные романы Б. Акунина, в которых действие переносится в XIX век и др.) и противопоставляемый советскому прошлому. Возвращение исторических наименований (далеко не всегда последовательное – например, стала предметом обсуждения ситуация, когда есть *губернаторы*, но нет *губерний*) может быть объяснено воздействием политических факторов: таким образом политики и власти как бы отказываются от советского наследия, советской формы жизни и постулируют себя как наследников императорской России – страны с «незапятнанной репутацией». Мода на переименования — это не языковое открытие конца XX века. Подобное же явление наблюдалось и в начале века, после Октябрьской революции.

Со своеобразной политической модой на переименования [см.подробнее: Костомаров 1994] связан и еще один процесс, наблюдающийся в русской лексической системе конца XX века, – уход в пассив значительной группы слов, называвших реалии советской эпохи, создававших своеобразный «языковой фон» (Г.Н. Складарская). Г.Н. Складарская отмечает, что становятся историзмами единицы, совсем недавно бывшие очень активными в официальном языке и определенным образом формировавшие массовое языковое сознание (*агитпункт, доска почета, партвызыскание, соцлагерь* и др.) [Складарская 2001]. В 1990-е годы происходит массовая перекодификация, смена лексических парадигм в наименованиях явлений политической, административной, социальной сфер. В некоторых случаях новые слова, только что зафиксированные, переходят в разряд историзмов. «За короткий срок проведена широкая десоветизация лексики –

снятием с нее идеологической окраски, устранением самих слов-советизмов ...» [Дуличенко 2001]. По словам В.Г. Костомарова, в 90-е годы «традиционные устои общества, весь прежний строй жизни большинством населения воспринимаются как устаревшие — не только идеология, общественное устройство, но все, включая одежду, питание, бытовое поведение» [Костомаров 1994: 29]. Однако надо отметить, что в наши дни, спустя почти 30 лет после распада СССР, общественные оценки заметно поменялись.

В разряд историзмов сейчас перешли и некоторые неологизмы 90-х годов XX века, причем этот переход осуществляется стремительно, в относительно короткий промежуток времени (в пределах одного десятилетия). О том, что ряд слов 90-х годов заведомо перейдет в разряд историзмов, быстро превратится в группу устаревшей лексики, пишут и авторы НСЗ-90 во Введении к словарю [см. Левашов 2009: 5]. Так, очевидно, в начале XXI века уже стали историзмами, например, новообразования *августовец* ‘1. Тот, кто причастен к каким-л. политическим событиям, происходившим в августе какого-л. года; 2. Член избирательного блока «Август»’; *выбороссы* ‘члены партии «Демократический выбор России» <...>’; *пейджинг-сообщение*; *пирамидчица*; *семибанкищина* и др. Историзмами становятся, в частности, слова, относящиеся к сфере политики (названия партий, сторонников тех или иных политических лидеров и под.), т.к. нестабильная ситуация 90-х годов XX века приводила к появлению партий-«однодневок», возвышению отдельных политических лидеров, которые сменяли друг друга в борьбе за власть (см. также зафиксированные в НСЗ-90 *баркашовцы*, *макашовцы*, *новосильцы*, *пресовцы*; *янаевгейт* и мн. под.). К подобным лексическим единицам, на наш взгляд, вполне применим термин «эфмеризмы» (Е.В. Сенько).

Еще одна группа новых слов, которые легко переходят в разряд устаревших, — названия разнообразных технических устройств (*видеодвойка*, *пейджинг-оператор*, *пейджинг-система* и др.). В целом же слова оказываются историзмами, если исчезают реалии, явления, понятия, называемые ими. Кроме того, некоторые

неологизмы устаревают, выходят из употребления, т.к. не выдерживают «конкуренции с более современными, модными названиями» [Маринова 2011: 122].

Несомненно, русский язык на рубеже XX–XXI веков переживает «настоящий лексический взрыв», обусловленный «стремительными общественными переменами, социальными потрясениями» [Скляревская 1998: 8; см. также Сенько 2007]. Вместе с тем, при сопоставлении языковых процессов, характерных для русского языка в конце XX века, и процессов, имевших место в языке в другие переломные эпохи русской истории, нельзя не обратить внимание на определенное типологическое сходство. В 1921 году А.Г. Горнфельд отмечал: «На наших глазах, можно сказать, произошел – и уже не первый – прорыв словарного языкового фронта. Язык, создание органическое, исполинское, многообъемлющее, живет обычно спокойной, степенной жизнью. Он развивается медленно и последовательно, и в каждый данный момент его движения не видно, как непосредственно не видно движения часовой стрелки, хотя она движется. Но и здесь – как во всем на свете – бывают толчки, бывают стремительные переходы. Новые условия разом преобразуют жизнь – поскольку она поддается преобразованию, новые понятия уж не постепенно, а сразу, массами вторгаются в жизнь, новые ощущения повелительно требуют новой формы – и новые слова, новые обороты, новые выражения неудержимым потоком низвергаются на язык» [Горнфельд 2011: 34–35]. Это замечание, относящееся к языку послереволюционного периода, полностью применимо и при характеристике русского языка рубежа XX – XXI веков. Так, в частности, А.Г. Горнфельд, отмечая возросшее после революции число сложносокращенных наименований (*госбез, автоконбаза, губнаробраз* и др. [Горнфельд 2013]), писал: «Нов не принцип образования этих слов – нова их масса, разом хлынувшая в обиход, нова их обязательность» [Горнфельд 2011: 13]. Однако и в конце XX века исследователи отмечают возросшую, по сравнению с предшествующей эпохой, активность аббревиатур: «наблюдается новая волна аббревиации» [Скляревская 1998: 9]. Так, например, в НСЗ-90 были зафиксированы следующие аббревиатуры: *АБ*

(акционерный банк); АОЗТ (акционерное общество закрытого типа); АОН (автоматический определитель номера); БКЗ (Большой концертный зал); БОД (быстродействующая опиатная детоксикация); верхглавком (верховный главнокомандующий) и мн.др. (подробнее об этом – в главе II). В то же время, в отличие от «неуклюжих, неповоротливых ихтиозавров языка» (А.Г. Горнфельд) 20-х годов XX века, которые «не вживаются в ткань языка, не ведут самостоятельной жизни ..., не дают новых образований» [Горнфельд 2011: 14–15], современные аббревиатуры быстро адаптируются в языке, активно включаются в словообразовательные процессы: так, от сокращения *ГКЧП* (которое возникло в 1991 году и сейчас уже, несомненно, является историзмом) были образованы производные *ГКЧПисты*, *гэкачепизм*, *гэкачепистский*.

Активность аббревиатур – далеко не единственная черта, общая для двух переломных эпох в развитии русского общества и, соответственно, русского языка. В обобщающем труде А.М. Селищева «Язык революционной эпохи», автор, сравнивая, в свою очередь, языки революционных эпох в России 1917 – 1926 гг. и во Франции времен Великой Французской революции, отмечает, что для языка этих эпох показательна «тенденция производить словарные новообразования от имен лиц, характерных участников передаваемых в речи явлений: *ленинизм*, *ленинец*, ..., *троцкизм*, ... *троцкистский* и др.» [Селищев 2003: 64]. Подобные производные от антропонимов весьма частотны и в языке конца XX века: *горбачевизм*, *горбачевский*, *горбачевцы*, *ельцинизм*, *ельцинисты* и мн.др. Можно отметить и другие совпадающие процессы, происходившие в русском словообразовании в начале и конце XX века: активность суффиксов *-изм*, *-ист*, *-изаци(я)*, префикса *анти-*.

Активизация иноязычных заимствований, частое и далеко не всегда уместное употребление иностранных слов, характеризующее русскую речь в конце XX века («употребление иностранного ... становится модным стилистическим приемом современной журналистики, а через средства массовой информации ... этот эталон «хорошей» речи распространяется среди населения, навязывается ему»

[Сиротинина 2003: 550]), находит параллели в языке революционного времени. «Употребление терминов иностранного, книжного, а также канцелярского ... происхождения свойственно и письменной и устной речи. Манера испещрять речь такими терминами очень широко распространена среди коммунистических деятелей», – отмечал А.М. Селищев [Селищев 2003: 93].

Среди отличительных черт языка революционной эпохи А.М. Селищев отмечает в том числе и широкое распространение слов из «жаргона преступников», циничной ругани, а также вообще стремление к «упрощению» языка, демократизации речи: «русские революционеры, как в свое время и французские, не стесняются употреблять в своей речи слова и выражения, считавшиеся фамильярными и грубыми. В устной и письменной речи последних лет в изобилии встречаются такие особенности. Эта манера находит себе широкое распространение в советской общественности, в особенности в молодом поколении. <...> Протест против условности бытовых приличий <в среде революционеров> и соответствующие языковые переживания вели к упрощению языковых передач, к более реальным по значению терминам, к более откровенной, непосредственной передаче настроения, без стеснения в выражениях» [Селищев 2003: 107, а также далее сс. 107–123]. Сходные тенденции отмечаются и современными исследователями при характеристике русского языка конца XX – начала XXI веков: «На словарный состав языка <в конце XX века> влияет также интенсивная демократизация языка, которая в сочетании с отменой цензуры привела к тому, что потоки сниженной, жаргонной, а нередко и нецензурной лексики вышли за пределы устной бытовой речи и буквально затопили все жанры, требующие экспрессии» [Скляревская 1998: 10]. Таким образом, в русском языке 20-х годов XX века и рубежа XX – XXI веков «сходные социальные явления связываются с одинаковыми языковыми фактами» [Селищев 2003: 64; Сенько 2007: 20].

В отличие от периодов социальной стабильности, когда «процессы языкового развития протекают размеренно, постепенно, и языковые изменения затрагивают отдельные, незначительные участки системы» [Скляревская 1998: 7], в эпоху резких

общественных преобразований «кажется, что новшества затопляют родной язык, размывая его границы и угрожая его целостности» [Скляревская 1998: 7]. Так, например, характерным для 90-х годов является мнение, что деструктивные процессы, происходившие «в конце XX столетия на территории бывшего СССР и постсоветской России, охватившие все сферы жизни русского общества от экономики до быта, – все эти процессы оказали и оказывают преимущественно негативное влияние на русский литературный язык и на речевую культуру» [Бельчиков 2004: 28].

Важно отметить, что изменяется не только язык, изменяется речевая культура, изменяются представления об «эталоне хорошей речи». Как отмечает О.Б. Сиротинина, при изучении языковых изменений не всегда должное внимание уделяется сдвигам в представлении об эталоне хорошей речи. «Вместе с тем, – пишет исследователь, – этот фактор имеет большое, а иногда, видимо, даже решающее значение» [Сиротинина 2003: 548]. Смена приоритетов, «отталкивание» от советского прошлого, от советского официоза в том числе и на речевом уровне выражается в речевой раскованности. «Эталоном хорошей речи среди журналистов стала считаться речь максимально насыщенная, с одной стороны, сниженной лексикой, вплоть до нелитературной, а, с другой стороны, – иностранными словами» [Сиротинина 2003: 549—550]. В то же время исследователи призывают сдержанно относиться к оценке наблюдаемых языковых явлений: «развитие языка отражается в образцовых текстах, и если такие тексты не продуцируются данной эпохой, возникает предположение, что «язык разрушается», «язык портится». Это ошибочное, иллюзорное видение языка в его исторической перспективе смущает многие умы и вызывает раздражение пуристов, однако с точки зрения истории в этом временном нарушении нормы нет ничего страшного» [Газда 1997: 158].

Языковые преобразования, произошедшие в русском языке в конце XX века, отличаются от языковых изменений, имевших место в 20-е годы, еще и степенью интенсивности, широтой охвата населения. Как пишет О.Б. Сиротинина, «нигде и никогда (даже в годы становления советской власти) не было такой вольницы в

речи, как в конце XX в. в России» [Сиротинина 2011: 54]. Исследователь замечает, что «в отличие от революционной ситуации начала XX в. эту вольницу вводили, причем намеренно, не безграмотные слои населения, а журналисты. И в их распоряжении имелись невиданные и неслыханные в начале XX в. средства воздействия на массы <...> ... новые журналисты, приглашенные под новые задачи, умели раскованно говорить», но не обладали высокой культурой и не имели специальной подготовки [Сиротинина 2011: 54–55]. Однако с течением времени, благодаря сознательной работе по языковому регулированию (в частности, принят Закон о государственном языке Российской Федерации, работают журналисты, имеющие более высокую профессиональную подготовку и др.) ситуация стала улучшаться. Исследователи констатируют, что в СМИ происходит явное оздоровление состояния русской речи, хотя еще и не полное, положение значительно улучшается [Сиротинина 2011: 55–56].

Как отмечают исследователи, на рубеже XX–XXI веков «мы переживаем новый период в развитии литературного языка. И то, что часто рассматривается как порча, на самом деле это новые качества литературного языка, обусловленные новыми общественными условиями и новой языковой ситуацией» [Солганик 2010: 133].

1.2. Словообразовательные неологизмы в ряду лексических инноваций

1.2.1. Неология как область лингвистики.

Основные критерии неологизмов

Обновление лексики может идти разными путями: появление заимствованных слов из других языков, вхождение в литературный язык элементов территориальных и социальных диалектов, переосмысление значений уже существующих слов (семантическая деривация) и производство новых слов с помощью словообразовательных ресурсов национального языка (лексико-

словообразовательная деривация). Описанием, классификацией и анализом новых явлений в языке занимается одна из новых областей современной лингвистики — неология. Как отмечает Е.В. Сенько, несмотря на то что основы теории нового были заложены еще в исследованиях XIX — начала XX веков, «становление неологии как особой лингвистической специализации относится ко второй половине нашего [двадцатого. - *Е.Ж.*] столетия» [Сенько 2007: 7-8]. При этом развитие отечественной теории неологии связано и с развитием неографии (неологической лексикографии) — раздела лексикографии, занимающегося словарной фиксацией лексических инноваций. Исследователь выделяет в современной неологии два ведущих направления: «1) исследование специфики обновления словарного состава языка (неологизм как объект неологии), 2) выявление и изучение проблематики, связанной с лексикографированием неологизмов (неологизм как объект неографии)» [Сенько 2007: 8]. Таким образом, основным объектом исследования в неологии является неологизм. В то же время, Е.В. Сенько обращает внимание на то, что процесс неологизации охватывает все уровни языка, и определяет неологию как «науку о новых явлениях языковой системы в целом» [Сенько 2007: 10; см. также Котелова 2015; Тогоева 2000].

Само определение неологизма в современной науке далеко не однозначно, а «активная неологизация русской лексики», наблюдаемая в течение последних 25 лет, «требуется уточнения и (в некоторых случаях) пересмотра традиционных представлений о неологизме как единице лексики» [Маринова 2006: 250]; возникает необходимость теоретического переосмысления существовавших ранее взглядов на неологизм [Алаторцева 1998: 18].

С одной стороны, понятие «неологизм» является одним из базовых понятий лексикологии, которое вводится уже в школьном курсе русского языка при характеристике лексического состава языка с точки зрения активного и пассивного запаса, времени возникновения единицы (в этом случае неологизмы противопоставляются историзмам и архаизмам). В учебниках по лексикологии для высшей школы, естественно, тоже рассматривается данная группа слов [Крысин

2007; Фомина 1983; Шмелев 1977 и др.]. Но, с другой стороны, в современной науке, отечественной и зарубежной, не существует единого, принимаемого всеми исследователями, подхода к определению неологизма; выделяется целый ряд теорий, по-разному объясняющих суть неологизмов как вида лексических единиц. Рассмотрим некоторые из существующих трактовок.

Согласно **структурной теории**, неологизм – «новая форма или выражение, <...> созданное либо совсем заново (*Kodak*, выдуманное предпринимателем, решившим ввиду выразительности данного слова использовать его для обозначения щелкающего аппарата), либо путем искажения (*gaz* «газ», сочиненное физиком Ван-Гельмонтом из слова *chaos* «хаос»)» [Марузо 1960: 174]. Это слова, которые обладают «абсолютной структурной, формальной новизной» [Попова, Рацибурская, Гугунава 2005: 16]. Как отмечает А.А. Реформатский, «изобретение слов встречается крайне редко, что лишний раз подтверждает устойчивость языка и его словообразовательных элементов. <...> Язык не терпит изолированных явлений, лишенных преимущества, а стремится все расставить в закономерные ряды, образующие систему языка» [Реформатский 1955: 113]. Более того, в ряде случаев подобные «изобретения» все же опираются на те или иные образцы, на уже существующие слова. Так, например, термин *солипсизм* создан путем усечения слов и их сокращения из латинского *solus ipse sum* + *изм* [Реформатский 1955: 90].

Подобные неологизмы «не играют большой роли в обогащении словарного состава общелитературного языка. Поэтому и сам такой способ занимает в языке периферийное положение» [Новикова 1986: 69]. В то же время, слова с новыми звуковыми оболочками, обозначающие новые реалии и созданные искусственно, не на базе существующих словообразовательных моделей, а путем произвольного изобретения, спорадически встречаются и в современных текстах, в частности они характерны для научно-фантастической литературы (*пифеяне, вурлаг, пикус* и др.) [Новикова 1986]. Некоторые изобретенные слова оказываются в активном словарном запасе, адаптируются в языке, становятся вершинами словообразовательных гнезд. Так, слово *газ* является вершиной развернутого гнезда,

имеет около 170 производных (*газовик, газовицик, газовать* и др.), большая часть которых – сложные слова (*газобетон, газобензин, газолечение, газоуловитель, газохранилище* и мн.др.) [Тихонов 2008, т. 1]. Однако единицы, сконструированные искусственно, хотя и могут войти в активный фонд или использоваться в художественных целях, не становятся основным средством пополнения лексики языка именно в силу своей искусственности: они не встроены в систему языка, не имеют связей с другими словами, без специального дополнительного пояснения не могут быть поняты адресатом текста.

Еще один подход, по-своему трактующий понятие неологизма, – **стилистический** – опирается на субъективное «ощущение новизны» той или иной лексической единицы. Дефиниция неологизма в разнообразных научных работах нередко включает в себя такой экстралингвистический признак, как новизна, «осознаваемая членами языкового коллектива» [Катлинская 2009: 9]. Действительно, многие недавно возникшие слова субъективно воспринимаются носителями языка (как неспециалистами, так и специалистами) как новые, обладающие «эффектом новизны». В.В. Лопатин, отмечая относительность понятия неологизма, пишет: «Закрепляясь в языке, новые слова начинают функционировать наряду со старыми <...>. Сколько лет мы можем считать их неологизмами? <...> пока обозначаемые этими словами предметы, явления действительности <...> сохраняют черты ощутимой новизны, до тех пор и сами эти слова воспринимаются как новые» [Лопатин 1973: 58].

Критически анализируя эту трактовку в понимании природы неологизма, Н.З. Котелова замечает: «хотя в общем верно то, что в большинстве своем неологизмы окрашены стилистически, а в аспекте стилистики имеется разряд новых слов (и слов устарелых) как стилистическая категория, однако многие новые слова сразу усваиваются говорящими и ощущение новизны быстро стирается» [Котелова 2015: 187]. Кроме того, отсутствуют объективные критерии, позволяющие научно определить понятие «налет новизны»: «его говорящий может ощущать у любого впервые услышанного им <...> слова, т.е. необязательно у неологизма» [Маринова

2003]. Напротив, так называемые «слабые неологизмы» (например, некоторые семантические или словообразовательные, созданные по высокопродуктивным моделям) могут и не осознаваться говорящим именно как новые. Таким образом, «определение неологизмов как слов, обладающих эффектом новизны», нельзя рассматривать «как полное и достаточное», т.к. этот критерий оказывается субъективным: «новыми для разных категорий говорящих будут разные слова – в зависимости от языковой компетенции человека» [Алаторцева 1998: 42].

Весьма распространенным [Попова, Рацибурская, Гугунава 2005: 15] является определение неологизма как нового слова, созданного для обозначения новой реалии (так называемая **денотативная теория**): «новое слово как результат процесса словопроизводства фиксируется только в том случае, когда производное соотнесено с **новым** денотатом» [Катлинская 2009: 18]. Так, М.И. Фомина пишет: «Новыми словами называются такие, которые появляются для обозначения новых понятий» [Фомина 1983: 228], хотя ниже и замечает, что возникновение новых наименований возможно и «для тех понятий, которые уже имели в языке название» [Фомина 1983: 229].

Действительно, неологизмы, номинирующие новые понятия или реалии, являются самой многочисленной группой новых слов. Кроме того, именно слова, называющие новые реалии, легко осознаются носителями языка как лексические новации, возникшие вместе с новым предметом. Очевидно, приблизительную (иногда и точную) дату создания того или иного предмета установить несложно, так же нетрудно оказывается и установить время создания номинации данной реалии. Например, в 1998 году было присвоено название *Дубний* новому химическому элементу (открытому несколькими десятилетиями ранее), поэтому авторы НСЗ-90 включают это новое слово в состав словника. Целую группу новых лексических единиц составляют названия новых реалий – денежных знаков. В связи с распадом Советского Союза и обретением его бывшими республиками независимости, перед правительствами новых государств встала задача создания национальных валют. Соответствующие названия денежных единиц в 90-е годы XX века оказываются

неологизмами как для русского так и, вероятно, для других языков и фиксируются авторами НСЗ-90: *вагнорки* (Литва); *зайчики, зайчишки* (Белоруссия); *карбованцы* (Украина); *кириенки, нижегородки* (Россия) и др. Ряды слов, которые, согласно денотативной теории, являются неологизмами, можно продолжать: например, зафиксированные в НСЗ-90 *балаяж* ‘разновидность мелирования’; *банкомат* ‘автоматический аппарат, выдающий деньги с банковского счета по индивидуальной карте клиента какого-л. банка’; *безъядерность* ‘отсутствие ядерного оружия; отказ от него’ и мн.др.

Однако новые слова могут и не обозначать новых реалий, а появляться вследствие тех или иных внутриязыковых тенденций. Изменения в лексике, вызванные действием интралингвистических тенденций, не так заметны: обусловленные ими неологизмы «используются для наименования уже бытующих реалий, которые ранее обозначались либо описательно, либо другими словами» [Алаторцева 1998: 39]. Тем не менее и эта группа новаций должна объясняться через понятие неологизма. Как пишут исследователи, «недостатком этой [денотативной. – *Е.Ж.*] теории является то, что она не учитывает внутриязыковые причины появления неологизмов (стремление носителей языка к экспрессивности, выразительности, экономности номинаций, образование по аналогии и т. п.), и то, что неологизмы могут обозначать разные с точки зрения новизны явления и понятия» [Попова, Рацибурская, Гугунава 2005: 15]. Еще в середине XX века исследователи обращали внимание на то, что некоторые неологизмы могут не обозначать новых реалий. Подобные слова появляются потому, что носителям языка по той или иной причине (например, в связи со стремлением к экономии речевых усилий) надо «дать свежее, новое наименование тому, что свое обозначение в языке уже получило» [Шанский 1959: 241]. Очевидно, что такие зафиксированные в НСЗ-90 слова, как *венбольница* ‘специализированная больница для лечения венерических заболеваний’; *госязык* ‘государственный язык’; *картошка-моркошка* ‘собирает картофель и морковь; распространительно: об овощах’; *квазиблаготворительность* ‘далекая от подлинной благотворительность’; *кирпичнолицый* ‘с красным, цвета

кирпича лицом', вовсе не обозначают новых реалий. Однако авторы словаря-справочника посчитали нужным включить их в словник, т.к. они, по данным составителей, появились и закрепились в русском литературном языке в 90-е гг. XX века [НСЗ-90 2009: 13]. Отказывать этим и подобным образованиям в статусе неологизмов – значит либо существенно ограничивать реальное число новых слов, образовавшихся и употребляющихся в описываемый период; либо выделять подобные новации в особую группу, вводить дополнительную классификацию лексических единиц. Вместе с тем, неологизмы, появившиеся в тот или иной период времени и не называющие новые реалии, также представляют работу внутренних механизмов языкового развития и поэтому весьма важны для исследования.

Таким образом, денотативная теория ограничивает реальное количество новообразований, не учитывает внутренних факторов, влияющих на языковое развитие, «охватывает лишь часть новой лексики и может быть принята с некоторыми оговорками» [Попова, Рацибурская, Гугунава 2005: 16]. С.И. Алаторцева, рассматривая разные подходы в понимании неологизма, пишет, что хотя непосредственная связь между новыми понятиями и новыми словами отмечается многими исследователями, однако «это узкое понимание неологизма, которое не содержит в себе актуализированных слов, а также слов, меняющих свою функционально-стилевую принадлежность» [Алаторцева 1998: 33].

В специальной литературе можно встретить и еще один подход к определению неологизма. Ряд исследователей (в частности, Н.М. Шанский) предлагают разграничивать понятия «неологизм» и «новое слово». При этом под новыми словами понимаются любые недавние по времени возникновения слова, а под неологизмами в свою очередь понимается только одна из разновидностей новых слов – «слова, которые, появившись в языке в качестве определенных значимых единиц, еще не вошли или никогда не входили и не войдут в активный словарный запас языка» [Шанский 1959: 240]. Разграничивая неологизмы и новые слова, ученый отмечает, что новые слова не являются неологизмами, несмотря на то что они возникли недавно, если они активно используются говорящими. «Они до тех

пор лишь и остаются неологизмами, – подчеркивает Н.М. Шанский, – пока окончательно не освоятся языком и не войдут в активный запас лексики, пока воспринимаются как слова, имеющие оттенок свежести и необычности» [Шанский 1959: 240]. Если же новое слово теряет «специфические стилистические качества» и входит «в активный запас языка», то его уже нельзя считать неологизмом [Шанский 1959: 240]. Таким образом, под неологизмами понимаются единицы, ограниченные не только хронологическими рамками, но и сферой и активностью употребления.

Вероятно, подобная точка зрения может быть продуктивной, однако, во-первых, традиционно в научном обиходе понятие «неологизм» приравнивается к понятию «новое слово», а во-вторых, для исследования развития языка, его лексики, словообразования, грамматики важными оказываются любые новации. Кроме того, далеко не всегда можно однозначно разграничить новые слова, уже вошедшие в активный запас, и неологизмы, находящиеся на периферии литературного языка. А новшества, возникшие на определенном этапе функционирования языка и быстро включившиеся в активный словарный запас, становятся яркими показателями тенденций языковой эволюции. К тому же, как неоднократно отмечалось многими исследователями [Брызгунова 1994; Валгина 2001; Дуличенко 2001; Крысин 2002; Маринова 2003; Пристайко 2009; Первухина 2006; Рацибурская 2007; Складневская 2001; Шапошников 2010 и мн.др.], яркой чертой русского языка конца XX века является как раз стремительное вхождение новой лексики (заимствованной или образованной на национальной базе) в активный словарный запас. Поэтому в исследовании нам представляется неправомерным указанное разграничение «неологизм vs новое слово». Данные понятия мы используем как синонимичные, а понятие «лексические инновации (новации)» как гиперонимичное. В то же время надо отметить, что авторы неологических словарей, в частности словаря-десятилетника, в самом названии издания («Новые слова и значения») снимают указанное расхождение, т.к., судя по названию, в неологических изданиях фиксируются «новые слова» независимо от того, какое место они занимают в языке: центральное или периферийное.

Развитая лексикографическая традиция приводит к возникновению еще одного подхода в понимании нового на лексическом уровне: под неологизмами понимаются слова, ранее не зафиксированные в словарях национального языка. Сторонники **лексикографической теории** признают неологизмами «слова, отсутствующие в современных словарях, не отмеченные словарями» [Попова, Рацибурская, Гугунава 2005: 14]. Очевидно, что отсутствие словарной фиксации является одним из ярких признаков неологизмов как группы недавно появившихся слов. В то же время, как правило, не фиксируются словарями так называемые авторские неологизмы (окказионализмы) независимо от времени их возникновения. Кроме того, сам факт наличия или отсутствия у слова словарной фиксации не всегда однозначно указывает на принадлежность или непринадлежность анализируемой единицы к классу неологизмов. Например, очевидным является, что никакой, даже самый полный, словарь не застрахован от случайных пропусков той или иной лексической единицы, от «естественной „утечки“ очень многих производных слов» [Катлинская 2009: 10]. Существующие в языке слова могут не включаться в словари также в связи с существующими идеологическими установками, наличием цензуры и т.п. Напротив, новые слова могут иметь лексикографическую фиксацию, в частности словарную фиксацию имеют все семантические неологизмы, т.е. слова, у которых в определенный период развилось новое значение. Словарную фиксацию могут иметь и так называемые «относительные» неологизмы, которые уже существовали в языке в предшествующие эпохи, но находились на периферии лексической системы. Так, в русском языке конца XX века как относительные неологизмы можно рассматривать слова *акциз*, *акцизный*, *акционер*, *бизнес* и др., которые, хотя и входили в лексический фонд русского языка (зафиксированы в Словаре русского языка в 4-х тт. (МАС-2)), но не были активными; в конце XX века они переходят в группу активного словарного состава и фиксируются в НСЗ-90 с пометами «актуализация» или «актуализация применительно к России». Более того, словарную фиксацию могут иметь и абсолютные неологизмы, которых не было в языке ранее: подобная ситуация имела место, например, в отечественной

лексикографии в середине XX века и на рубеже XX–XXI веков. Так, авторы первого в отечественной лексикографии специального словаря новых слов «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х гг.» (М., 1971) при формировании словника учитывали наличие или отсутствие у единицы словарной фиксации: «в НСЗ-60 была включена лексика, появившаяся или ставшая употребительной в периодической печати и художественной литературе в 1950-1960-х гг. XX века или несколько ранее, но не попавшая в толковые словари. <...> В то же время новая лексика этого периода, зафиксированная в <словарях>, сознательно в НСЗ-60 не включалась» [Буцева 2011: 85], что объяснялось установкой авторов словаря-справочника представить в издании лексику, дополняющую недавно изданные толковые словари. Развитая лексикографическая традиция, и, в частности, публикация двух переизданий Большого академического словаря (Словарь современного русского литературного языка в 20 томах. М., 1991-1994 (тт. 1-6) [БАС-2]; Большой академический словарь русского языка. М.-СПб, 2004—продолжающееся издание [БАС-3]) приводят к тому, что в специализированных словарях новых слов отражаются единицы, уже описанные в других типах словарей. Авторы современных неологических словарей делают установку «на достаточно исчерпывающее представление инновационных процессов» описываемого десятилетия [Буцева 2011: 85]: например, в НЗС-90 зафиксированы неологизмы *бомжевать*, *вампитить*, *ваучер*, *визажистка*, *внеправительственный* и др., несмотря на то что они уже были описаны в томах БАС-3, изданных ранее НСЗ-90. Таким образом, наличие или отсутствие словарной фиксации у лексической единицы не является единственным и однозначным доказательством ее принадлежности или непринадлежности к группе неологизмов. Лексикографический подход в определенной степени удобен как метод выявления неологизмов среди массива слов, субъективно кажущихся исследователю новыми, однако в теоретическом отношении указанный подход не объясняет сути нового слова как новой единицы языка. Как справедливо замечает Н.З. Котелова, «объект нужно определять не по методам его обнаружения (т.е. позитивистки), тем более по

таким ненадёжным, каким является лексикографическая фиксация, а по имманентным, сущностным, отличительным признакам, т.е. онтологически» [Котелова 2015: 188]

Таким образом, рассмотренные подходы в объяснении понятия неологизм – структурный, стилистический, денотативный, лексикографический – ограничивают группу объективно существующих в языке новых лексических единиц, «не имеют абсолютного характера, не обладают достаточной объясняющей силой» [Маринова 2003]. Так, например, определение неологизмов как слов «созданных», «образованных», по справедливому замечанию Н.З. Котеловой, не всегда правомерно, т.к. в группу неологизмов необходимо входят и слова, появившиеся в результате миграции из других языковых сфер или языков (т.е. вхождения) [Котелова 2015: 190]. Массив возникающих в языке новых элементов, их широкое разнообразие создают определенную сложность при их теоретическом осмыслении. В связи с этим Е.В. Сенько отмечает, что «неологизм представляет собой понятие, конкретизируемое в ряде видовых разновидностей», а «традиционный подход к неологизмам, который не дифференцирует собственно неологизмы и другие виды инноваций <...> представляется далеко не полным и недостаточно объективным» [Сенько 2007: 66].

В настоящее время в отечественной неологии существуют и другие теории, стремящиеся объяснить понятие неологизма, исходя из разнообразных оснований. Так, учеными Тверского университета, в частности С.И. Тогоевой, разрабатывается **психолингвистическая теория**, в рамках которой «новое слово» рассматривается как единица индивидуального лексикона и обращается внимание на необходимость разграничения неологизма в лингвистическом понимании и «нового слова как языковой единицы, не встречавшейся ранее в индивидуальном речевом опыте носителя языка» [Тогоева 2000: 37; см. также Попова, Рацибурская, Гугунава 2005].

В рамках нашего исследования мы будем придерживаться конкретно-исторической теории неологизма, предложенной одним из основоположников отечественной неологии и неографии – Н.З. Котеловой. Основные положения

данной теории и определение понятия «неологизма» будут представлены в следующем разделе.

1.2.2. Проблема классификации неологизмов.

Конкретно-историческая теория Н.З. Котеловой.

Ряд исследователей-неологов, в том числе авторы словарей новых слов, в определении неологизма опираются на конкретно-историческую теорию неологизма, разработанную в трудах основоположника отечественной неографии – Н.З. Котеловой [Котелова 2015]. Ее подход позволяет объединить в понятии неологизма целый комплекс разнообразных явлений, характеризуется объективностью и широкими объяснительными возможностями. Н.З. Котелова, отмечая как специфические признаки понятия неологизма его историчность и относительность [Котелова 2015: 189; см. также: Алаторцева 1998], предлагает ввести ряд «параметров-конкретизаторов», которые позволят установить и ограничить эмпирическую область объектов, «охватываемых понятием неологизма», снять существующую относительность свойства новизны, абсолютизировать данное свойство [Котелова 2015: 189–193]. **Первым** конкретизатором, помогающим снять относительность в понимании неологизма, является «указание точек отсчета во времени», т.е. установление временных соотношений [Котелова 2015: 189]. Для того чтобы задать временные рамки, исследователь должен ответить на вопрос «**когда?**», т.е. зафиксировать конкретные точки отсчета (например, вторая половина XX века; рубеж XX–XXI веков; XVIII век и т.п.). Эти точки отсчета «устанавливаются прагматически или обуславливаются степенью обновления словарного состава в определенный период, т.е. «неологической» релевантностью» [Котелова 2015: 189].

Второй определитель, который предлагает исследователь, – это конкретизация по сфере и жанру употребления, т.е. указание на то языковое пространство, в границах которого происходят лексические преобразования. Н.З. Котелова обращает

внимание на то, что слова могут перемещаться из одной формы бытования национального языка в другую. В стихийной языковой жизни общества наблюдается «постоянное взаимодействие между литературным языком как обработанной и нормализуемой формой общенационального языка и языком наук, профессий, диалектов, устной речью» [Котелова 2015: 190]. Таким образом, для того чтобы установить для нового слова рамки пространственные, исследователь должен ответить на вопрос «где?», т.е. ограничить ту область, в которой описываются новообразования. Н.З. Котелова приводит в качестве иллюстрации этого положения слова *верховик* и *запуржить*. Они оказываются новыми для литературного языка 60-х годов XX века, но не являются новыми для общенационального русского языка, т.к. существовали ранее в диалектах. Таким образом, введение конкретизации для разных областей языка позволяет рассматривать в качестве неологизмов и так называемые внутренние вхождения в литературный язык из других форм национального языка (диалектов, жаргонов и т. п.), что оказывается весьма актуальным для русского языка рубежа XX–XXI веков. Как замечает Н.З. Котелова, «устанавливая состав новых слов определенного периода, нужно указывать, где именно эти слова новые, и сопоставлять их с составом слов другого временного периода и **того же ареала** [выделено нами. – *Е.Ж.*]» [Котелова 2015: 190]. Именно благодаря наличию пространственного конкретизатора авторы НСЗ-90 получили право включить в словник справочника и рассматривать как новые слова следующие единицы: *баклан* (‘хулиган’, жаргонное); *баян* (‘шприц (у наркоманов)’, жаргонное); *беспредел* (‘1. о произволе, беззаконии со стороны кого-л., в какой-л. сфере; 2. крайнее проявление чего-л.’); *ботаник* (‘прилежный, примерный учащийся, сосредоточенный исключительно на учебе; отличник, зубрила; ботан’ жаргонное, презрительное) и мн.др. Проникновение элементов субстандарта в тексты, которые по традиции относятся к литературной разновидности национального языка, прежде всего в публицистические тексты, может рассматриваться как внутреннее заимствование, вхождение в литературный язык новых лексических единиц [см. Солганик 2010]. Введение пространственных рамок в определении неологизма

приводит к необходимости четкого разграничения разных областей национального языка, в частности к определению отчетливых границ литературного языка. Но границы между разными подсистемами национального языка подвижны; в результате стилистической перестройки «в разговорность (и в норму) втягивается лексика, относившаяся прежде к просторечию и резкой сниженности» [Ревзина 2012: 250; см. также: Солганик 2010].

Конкретизация в языковом пространстве может применяться и при анализе новых заимствований. Последние могут быть как абсолютно новыми для нескольких языков (например, отмечаемые в НСЗ-90 заимствования *веб-браузер*, *интернет-браузер* и др. являлись в тот период новыми, вероятно, не только для русского, но и для других языков, в частности для языка-донора – английского, т.к. недавно появились сами называемые этими неологизмами явления), так и новыми для одного языка и не новыми, давно существующими для другого языка (так, например, в НСЗ-90 в качестве неологизмов 90-х годов XX века фиксируются единицы *кантри...* (из английского), *каратэ-до* (из японского) и др., которые в языках-донорах неологизмами в 90-е годы не являлись).

Еще один частный случай применения конкретизации в пространстве – указание на принадлежность слова языку или речи, т.е. противопоставление слов, новых для языка, и слов, новых в речи (в последнюю группу могут включаться в том числе индивидуально-авторские новообразования) [Котелова 2015: 190–191].

Н.З. Котелова вводит и еще один конкретизатор-определитель, границы которого определяются ответом на вопрос «**что новое?**». В строгом смысле слова здесь исследователь предлагает классификацию неологизмов, выделяя разные их группы в зависимости от того нового, что появляется в языке: новым может быть слово (и по форме, и по семантике, например в НСЗ-90: *балансодержатель* ‘тот, кто держит что-л. на своем балансе’; *балаяж* ‘разновидность мелирования’; *бизнес-блокнот* ‘блокнот для служебных целей предпринимателя, делового человека’ и др.); значение слова (например, по данным НСЗ-90: *взломать* ‘устранить защиту какого-л. компьютера, информационной сети с целью нелегального доступа к

хранящейся там информации»; *виснуть* 'не реагировать на команды, не действовать (о компьютере, компьютерной программе)' и др.). Новыми могут быть и идиомы: по данным НСЗ-90, в русском языке в конце XX века закрепились такие устойчивые сочетания, как *страховка от дурака, дураков; еда Франкенштейна; живая валюта; жидкая валюта* и др. [Котелова 2015: 191]. Таким образом, **третий** конкретизатор позволяет классифицировать новые единицы языка: неолексемы (новые слова), неосемемы (новые значения), неофраземы (новые фразеологизмы). Впрочем, не все ученые согласны с включением в группу неологизмов неофразем, т.к. понятие неологизма предполагает появление именно нового слова: «новое наименование — это прежде всего лексема, т. е. новый звукоряд» [Сенько 2007: 65]. Л.В. Шалина в связи с этим пишет: «Нецелесообразно причислять к неологизмам единицы несловного характера, в частности, морфемы и словосочетания», т. к. они являются единицами других уровней языка [Шалина 2007: 74].

Анализируя группы новых лексических единиц, Н.З. Котелова вводит и еще один определитель-конкретизатор, с помощью которого можно охарактеризовать структуру нового слова: «**Четвертый** определитель связан с установлением структурных признаков новизны самого слова» [Котелова 2015: 192]. Введение этого конкретизатора требует от исследователя ответа на вопрос «**какие структурные признаки слова позволяют считать его новым словом?** <...>» [Котелова 2015: 192]. Языковые данные показывают, что незапрограммированные, немотивированные внутренней структурой созвучия, т.е. неологизмы искусственно сконструированные, чрезвычайно редки в языке. «Таким стихийным словообразованием занимаются нередко фантасты, чтобы подчеркнуть чужеродность слов «неземного» языка, поэты, лингвисты с звуковыразительной или экспериментальной целью», — отмечает Н.З. Котелова [Котелова 2015: 192–193]. Однако абсолютное большинство неологизмов, появляющихся в языке в тот или иной период, «возникают или из собственных элементов языка, или путем заимствования» [Будагов цит. по: Котелова 2015: 193]. «Таким образом, — заключает Н.З. Котелова, — все новые слова — это слова, в каком-то смысле известные,

«ожиданные», существующие в системе как потенциальные единицы» [Котелова 2015: 193]. Введение исследователем последнего, четвертого, конкретизатора обращает внимание лингвистов на анализ структурных особенностей неологизмов, на выявление наиболее активных в изучаемый период развития языка путей пополнения словарного состава. Так, например, по данным Н.З. Котеловой, в русском языке середины XX века (60-е годы и несколько ранее) при образовании новых слов преобладали способы словосложения (а также сложно-суффиксальный способ) и суффиксации [Котелова 2015: 193]. Отметим, что в 90-е годы XX века, по данным НСЗ-90, эти способы по-прежнему оказываются самыми продуктивными (см. вторую главу диссертации).

Введение указанных конкретизаторов позволило Н.З. Котеловой выстроить новую, четко структурированную теорию неологизма. При определении неологизма, выявления границ его распространения основную роль, очевидно, играют первый (временной) и второй (пространственный) конкретизаторы. Введение же третьего и четвертого конкретизаторов оказывается нужным при классификации и описании новых языковых единиц.

С.И. Алаторцева, анализируя конкретно-историческую теорию неологизма, которая разрабатывалась Н.З. Котеловой и на которой базируются неологические словари русского языка, отмечает, что эта теория «**заключает в себе понимание неологизмов как новых слов, значений слов и сочетаний, существующих узуально в определенный период времени в определенном языке, подязыке, языковой сфере и не существовавших в определенным образом ограниченный предшествующий период в том же языке, подязыке, языковой сфере**» [выделено нами. – *Е.Ж.*] [Алаторцева 1998: 48].

Понимание неологизмов как подвижной социально-исторической категории является весьма продуктивным, т.к. позволяет анализировать новые лексические единицы за любой период вне зависимости от их современного статуса (могут быть проанализированы неологизмы XVIII века, неологизмы XX века и т.д.). Вместе с тем, наличие данных определителей не отвечает на вопрос: как долго неологизм

остается неологизмом? Можно ли, например, в начале XXI века рассматривать новообразования 90-х годов XX века (*анти-НАТО, антиреформатор, банкомат, банкротизация, баранизация, бизнес-мент, бизнес-язык, казахстано-российский* и мн.др., по данным НСЗ-90) как неологизмы? Вероятно, определение «верхних» границ неологизмов, появившихся в определенное время, нельзя задать заранее, как нельзя заранее предположить, сколько лет проживут люди, родившиеся, например, в 1983 году. Именно определение верхних границ бытования неологизма как нового языкового факта является наиболее субъективным. Очевидно, что на закрепление нового слова в языке влияет целый комплекс факторов: происхождение слова (иностранное заимствование / исконное образование); способ образования (семантическая деривация, узуальные или неuzuальные словообразовательные способы); частотность употребления; наличие у анализируемого неологизма производных и производящего, его включенность в словообразовательную подсистему языка и т.д. Как отмечают исследователи, «... продолжительность пребывания слова в статусе неологизма характеризуется экстралингвистической детерминированностью, при этом время появления слова или нового значения следует признать одним из релевантных его признаков» [Касьянова 2008: 54]. Так, например, частотность употребления слова *бомж* (по запросу в НКРЯ выдается более 1,5 тыс. вхождений: www.ruscorpora.ru, дата обращения – 28.04.2013, на 20.04.2019 — более 1,7 тыс. вхождений), наличие у него большого числа производных (*бомжевать, бомжевание, бомжеватый, бомжик*, по данным НСЗ-90, и т.д.), а также развитие у самого слова *бомж* переносных значений ('2. О беспризорных животных; 3. Об учреждении, не имеющем своего постоянного помещения' [НСЗ-90]) свидетельствуют о том, что данное образование вошло в активный лексический фонд, перестало быть единицей пассивного состава и, таким образом, перестало быть неологизмом (по Н.М. Шанскому).

Таким образом, одна из проблем при определении неологизма связана с тем, что некоторые из недавно возникших лексем быстро встраиваются в узус, не обладают «эффектом новизны» или обладают им в незначительной степени

(*двухсотрублёвка, российско-казахстанский*, многие семантические неологизмы), а другие, напротив, легко выделяются носителями языка из общего массива слов и квалифицируются как новые (например, *депутан, интернет-бизнес, интернетизация, ИТ-менеджер* и др.).

Другая проблема, которая неизбежно возникает при определении неологизма, — это классификация новых слов и разграничение смежных понятий. Данная сложность обусловлена и объективными причинами (огромный массив языкового «неологического» материала с трудом поддается описанию и интерпретации), и, отчасти, субъективными. Как справедливо замечает Л.В. Шалина, «почти каждый исследователь, прежде чем начать работу <...> оказывается перед выбором: использовать одну из многих существующих трактовок термина или предложить свою» [Шалина 2007: 74]; нередко «исследователь рассматривает новые слова со своих позиций, выдвигает на передний план критерии, которые соотносятся с его целевой установкой» [Шалина 2007: 75], что в конечном итоге приводит к увеличению числа дефиниций. Кроме того, расширяется терминологический ряд, возникает проблема разграничения терминов-синонимов и терминов, находящихся в родо-видовых отношениях: в исследованиях по неологии, помимо термина *неологизм*, находим термины *новация* и *инновация, новообразование, новое слово, неолексема, неодериват, неоним*, а также *эфемеризм, окказионализм* и мн.др. [подробнее: Алаторцева 1998; Касьянова 2008; Коряковцева 2016; Косович 2015; Несветаило 2008; Пристайко 2009; Сенько 2007; Шалина 2007 и др.].

Т.С. Пристайко отмечает, что термин неологизм может использоваться как гипероним, «объединяющий видовые разновидности новых единиц, с одной стороны, принадлежащие системе языка <...>, а с другой — системе речи <...>» [Пристайко 2009; см. также Сенько 2007: 22]. «Большинство ... исследователей склонны именовать новые слова *неологизмами*, поскольку этот термин представляется семантически наиболее емким, терминологически четким и оправданным с точки зрения неологии» [Касьянова 2008: 51]. В рамках нашего исследования мы будем придерживаться следующего употребления терминов:

термины *новация* и *инновация* будут употребляться как общие наименования любых новых явлений в языке и речи, т.е. как родовые по отношению к термину *неологизм*; под *неологизмами* (в том числе словообразовательными) будут пониматься только узуальные образования, а термины *новообразование* и *неодериват* будут использоваться по отношению к узуальным и неузуальным (окказиональным) новым словам, созданным в русском языке различными словообразовательными способами.

Понимание неологизма как общего родового понятия по отношению к разнообразным лексическим новациям требует дальнейшей классификации, выделения разнообразных типов неологизмов. К настоящему времени в отечественной неологии сформировалась несколько классификаций, которые проводятся на разных основаниях [см.упоминавшиеся выше работы: Алаторцева 1998; Касьянова 2008; Котелова 2015; Сенько 2007].

Классификация неологизмов может быть проведена по нескольким основаниям. На основании признака «интенсивности новизны» (Е.В. Сенько, Е.В. Розен) выделяются *сильные* (типа *СНГовье* [Сенько 2007: 34]) и *слабые* (типа *русскость* [Сенько 2007: 36]) неологизмы, а также неологизмы *переходного типа*. На основании признака «время появления, первого употребления» можно выделить *абсолютные* неологизмы (которые ранее в принципе не существовали в языке) и *относительные* неологизмы (которые использовались в предшествующие исторические эпохи, а затем на долгое время оказались в пассивном словарном запасе). В этом же ряду, видимо, можно рассматривать и *эфемеризмы* — новые слова, которые, будучи широко употребительными в течение недолгого времени, быстро устарели, перешли в разряд историзмов. В нашем материале обнаружено достаточно много языковых единиц, которые в 90-е годы XX века были, несомненно, неологизмами, а спустя несколько лет перешли в разряд историзмов. На основании такого признака, как «происхождение» выделяются неологизмы *исконно русские* и *заимствованные*; среди заимствований выделяются внешние заимствования и внутренние заимствования. По способу номинации нового

выделяются *семантические неологизмы* (неосемемы) (нужно отметить, что семантический перенос может быть обусловлен иноязычным влиянием — калькированием); *словообразовательные неологизмы* и *неофраземы*.

В рамках нашего исследования будут анализироваться словообразовательные неологизмы, зафиксированные в словаре НСЗ-90. Несомненно, однозначное, четкое определение словообразовательного неологизма, его отличия от других смежных явлений (заимствованное слово и окказиональное слово) имеет большое значение не только для теории лексикологии и неологии, но и для лексикографической практики.

1.2.3. Проблема разграничения словообразовательных неологизмов и других видов лексических инноваций

Словообразовательные неологизмы — новые слова, возникшие в результате реализации словообразовательных потенций языка; это только одна из разновидностей лексических инноваций. При выделении словообразовательных неологизмов исследователь сталкивается с объективной трудностью отграничения этих единиц от других, смежных с ними. В частности, проблемы вызывает разграничение словообразовательных неологизмов и потенциальных, окказиональных слов (например, квалификация образований типа *бизнес-мент*, *демонократия*, *думак* [НСЗ-90]), с одной стороны, и, с другой стороны, дифференциация словообразовательных неологизмов, семантических неологизмов и неологизмов-заимствований (типа *веб-издательство*, *веб-представительство*, *ВИП-ресторан* [НСЗ-90] и др.).

1.2.3.1. Словообразовательные неологизмы vs окказионализмы

В современной науке при описании лексических новаций достаточно последовательно применяется противопоставление окказионального слова и неологизма (иногда в этом ряду оказывается еще и т.н. потенциальное слово): «объективное различие между словами, ставшими единицами словарного состава языка, но сохраняющими оттенок новизны, и словами, не вошедшими в

лексическую систему, <...> находит отражение в противопоставлении терминов: неологизм – окказиональное слово» [Габинская 1981: 35]. Исследователями еще в 70-е гг. XX века был описан ряд ярких отличительных признаков, по которым окказиональное слово последовательно отграничивается от узувального нового слова. А.Г. Лыков, описывая «русское окказиональное слово», отмечал, что такие слова обладают «целым рядом только им присущих свойств и особенностей» [Лыков 1976: 5] и выделял девять признаков, «отграничивающих русское окказиональное слово от канонического: 1) принадлежность к речи, 2) творимость (невоспроизводимость), 3) словообразовательная производность, 4) ненормативность, 5) функциональная одноразовость, 6) экспрессивность, 7) номинативная факультативность; 8) синхронно-диахронная диффузность; 9) индивидуальная принадлежность» [Лыков 1976: 11].

Обобщенно можно сказать, что «неологизмы – это воспроизводимые единицы языковой системы <...>, тогда как окказионализмы – это слова с оттенком свежести и новизны, существующие в речи одного лица или небольшой группы лиц и не обладающие регулярной воспроизводимостью в литературном языке» [Чиркова, цит. по: Габинская 1981: 33]. Вместе с тем, анализ языкового материала (в том числе и представленного в словаре-справочнике НСЗ-90) заставляет говорить о том, что четкую границу между словообразовательными узувальными неологизмами и окказионализмами провести не всегда возможно.

Трудности разграничения окказионального слова и узувального неологизма могут объясняться как объективными языковыми причинами (не всегда можно однозначно решить, стало ли слово фактом языка или остается фактом речи, см., например, оценку слов *катастройка* или *прихватизация* разными носителями языка), так и неоднозначностью теоретических подходов. Очевидно, использование термина «неологизм» как родового для любых новых узувальных слов и окказиональных слов поддерживается и благодаря сформировавшейся терминологической традиции: в отечественной науке у термина «окказиональное слово» существуют такие синонимы, как «авторский неологизм», «вечный

неологизм», «индивидуально-авторский неологизм», «неологизм второй степени» и др. [Немченко 1995; Пристайко 2009]. Так, в весьма авторитетном справочном издании – энциклопедии «Русский язык» [Русский язык 2007] эти два типа единиц (окказиональное слово и новое узусальное) по сути объединяются в понятие неологизма: «Неологизмы – слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определенный период в каком-либо языке или использованные один раз <...> в каком-либо тексте или акте речи» [Русский язык 2007: 262]. В то же время в данном справочном издании понятие окказионализма толкуется максимально широко: «Окказионализмы <...> – речевые явления, возникающие под влиянием контекста, ситуации, речевого общения для осуществления какого-либо актуального коммуникативного задания, главным образом для выражения смысла, необходимого в данном случае» [Русский язык 2007: 283–284] – и выделяется особый пласт окказиональных слов, т.к. «более всего окказионализмов в сфере лексики и словообразования» [Русский язык 2007: 283]. При этом сами окказиональные слова определяются как своеобразные «химерические» образования, обслуживающие «сиюминутные надобности речевой коммуникации» [Русский язык 2007: 283]. Таким образом, в одном издании представлены разные теоретические подходы.

По мнению О.А. Габинской, в ряде случаев окказиональные и узусальные новообразования можно не разграничивать. Так, исследователь отмечает, что различие между узусальными и окказиональными словами может быть вскрыто только при диахроническом подходе, т.к. «те и другие слова на определенном синхроническом срезе существования общего литературного языка являются новыми, незнакомыми, необычными, т.е. окказиональными» [Габинская 1981: 30]. Далее ученый пишет о том, что, «если слово реализовано в речи хотя бы единично», оно уже становится «средством общения данного человека с другими людьми и может быть извлечено из его памяти как готовая к использованию единица, подобно любому общеязыковому слову» [Габинская 1981: 41]. В истории языка известно немало случаев, когда авторское новообразование, окказионализм, становилось фактом общенародного языка (так, например, в НСЗ-90 фиксируются авторские

новообразования типа *видеом* или *западнизм*). Определяющим фактором в этом случае оказывается, по всей видимости, социальная значимость, необходимость вновь созданного слова. «Вхождению новообразований в язык предшествует сложный путь их «освоения», отбора языковым коллективом, в результате взаимовлияния различных факторов, многие из которых чрезвычайно трудно поддаются учету, слово или получает, по словам Л.В. Щербы, «безусловное хождение» в языке, или остается индивидуально-языковым образованием» [Габинская 1981: 49]. Более того, применительно к современной ситуации языкового развития, когда, как пишет Е.В. Маринова, «сама категория окказиональности требует, по-видимому, пересмотра и переосмысления, поскольку отдельные окказионализмы, вопреки традиционному представлению об окказиональном слове как слове, «живущем» только в индивидуально-авторском контексте, воспроизводятся подобно узуальным словам» [Маринова 2016: 78], можно говорить о целом классе окказиональных по происхождению слов, которые начинают употребляться массово, – о «массовых окказионализмах» (Е.В. Маринова).

Таким образом, разграничение окказиональных слов и неологизмов нельзя провести однозначно, особенно если анализировать язык с синхронных позиций. Как замечает Е.С. Кубрякова, «для противопоставления окказионализмов и «обычных» неологизмов критерием может <...> служить не только число образцов, с которыми их связывают определенные ассоциации, но и их прагматическая значимость — возможность представить соответствующие новообразования в качестве подходящих для называния определенных ситуаций» [Кубрякова 2010: 20]. Авторы словаря НСЗ-90 включали в словник единицы, «которые в рамках этого хронологического периода проявили активность (неоднократность) употребления» [Левашов 2009: 5], даже если они имеют черты окказионального слова. Так, например, фиксируемые в НСЗ-90 единицы *горбостройка* ‘о перестройке <...>, провозглашенной на XXVII съезде КПСС М.С. Горбачевым’; *ельЦИНИЗМ* ‘о политическом режиме при Президенте РФ Б.Н. Ельцине, отличающемся крайним цинизмом с позиций его оппонентов’ обладают некоторыми признаками

окказионального слова: они экспрессивны, оценочны, созданы путем контаминации (которая нередко рассматривается как «способ окказионального словопроизводства» [Николина 2011: 41]). Глагол *забрежневеть* ‘о начале проявления черт, свойственных брежневизму, брежневщине (застоя в общественно-политической жизни СССР в период руководства страной Л.И. Брежнева (1964-1982))’, имеющий указанные черты окказионального слова, также включается в НСЗ-90. В анализируемый словарь включены и авторские образования: например, введенные в оборот А.А. Зиновьевым слова *западнисты* ‘то же, что западники’, *западоид* ‘западный человек с присущим ему менталитетом; носитель идеологии западнизма’ и т.д.

1.2.3.2. Словообразовательные неологизмы vs семантические неологизмы

Из 4 250 словарных статей, представленных в первом томе НСЗ-90, более 2 500 (т.е. более 60%) посвящено описанию слов, возникших в результате реализации словообразовательных возможностей русского языка. Так, из 48 неологизмов, зафиксированных в словарных статьях НСЗ-90 на букву «Ж», около 30 слов (т.е. около 60%) составляют новообразования, т.е. словообразовательные неологизмы; из более 220 неологизмов на букву «З» словообразовательные инновации составляют более 160 слов (т.е. около 75% от общего числа зафиксированных на данную букву новых слов и значений). Однако надо отметить, что подсчеты несколько затрудняются тем, что не всегда можно однозначно разграничить словообразовательные неологизмы и иные типы неологизмов, в частности семантические неологизмы. Так, новое наречие *звездно** ‘так, как положено звезде (знаменитости); блестяще, фантастически’ дается с пометой «*», т.е. рассматривается авторами НСЗ-90 как семантическое новообразование [НСЗ-90 2009: 14]. Действительно, данное наречие уже было зафиксировано в толковых словарях русского литературного языка, например в БАС-3: *звездно* – ‘1. искристо, сверкающе; 2. (в знач. предикатива) об обилии звезд на небе’. Однако, вероятно, новое значение развилось не на базе уже существующего в результате того или иного типа переноса, а на базе нового значения производящего прилагательного

*звездный** (в НСЗ-90 – ‘относящийся к звезде (знаменитости); принадлежащий, свойственный ей’), а последнее мотивируется в свою очередь переносным значением слова *звезда* ‘тот, кто пользуется широкой популярностью (об артисте, певце, спортсмене и т.п.)’, которое фиксируется, например в БАС-3. В словаре НСЗ-90 можно встретить и другие случаи, когда неясно, возникло ли слово в результате словообразовательной деривации и случайно совпало с уже существующим или его возникновение связано с семантическими сдвигами и имеет место лексическая деривация (например, *желтуха** ‘печатное издание, относящееся к разряду желтой прессы ...’; *зенитчики** ‘то же, что зенитовцы <болельщики футбольной команды «Зенит»>’, ср. в БАС-3 *желтуха* ‘болезнь, характеризующаяся окрашиванием кожи, слизистых оболочек и склер глаз человека в желтый цвет ...; гепатит’; *зенитчик* ‘военнослужащий зенитного подразделения’ и др.). Исследователи (в частности, Е.В. Сенько вслед за Н.З. Котеловой [Сенько 2007; Котелова 2015]) в подобных случаях говорят о агрегатировании: «в этом случае изначально образуется новое слово, которое тут же присоединяется в системе языка к фонетически тождественному исторически предшествующему слову и усваивается как очередное значение полисеманта <...>. В нормативных толковых словарях подобные номинации обычно подаются как значения многозначного слова; многие исследователи рассматривают их как омонимы» [Сенько 2007: 116–117].

М.А. Михайлов отмечает, что применительно к новым языковым единицам далеко не всегда можно однозначно разграничить семантические и деривационные процессы: «Если новообразование совпадает формально с каким-либо существующим в языке словом, оно может быть результатом семантического изменения, затронувшего существующее слово, но может быть и результатом деривационного процесса, формально совпавшим с существующим словом» [Михайлов 1989: 96–97].

Так как в рамках данного исследования нам было важно зафиксировать использование тех или иных словообразовательных средств, выявить продуктивность словообразовательных способов и типов, то в тех случаях, когда

семантический перенос не был очевиден, когда допускалась возможность вторичного образования слова и совпадения нового производного с уже бывшей в языке лексической единицей, мы включали подобные единицы в нашу выборку, опираясь на положение М.А. Михайлова о том, что «каждое производное слово, существующее в языке, должно быть оценено именно как производное – независимо от путей первоначального появления его в речи» [Михайлов 1989: 99].

1.2.3.3. Словообразовательные неологизмы vs неологизмы-заимствования

Затрудняет подсчеты исключительно словообразовательных неологизмов и то, что в ряде случаев проблематично отграничить словообразовательные неологизмы, созданные на русской почве, и иноязычные заимствования [Крысин 1995]. В частности, большую трудность составляет разграничение этих двух типов инноваций в сложных словах с иноязычными элементами *бизнес-*, *веб/вэб/www-*, *данс/дэнс-*, *дартс-*, *панк-*, *пейджинг-*, *пиар-/PR-* и др., когда возможность заимствования не исключает в то же время и возможности образования на русской почве.

Таким образом, если вычесть из числа словообразовательных неологизмов спорные, пограничные случаи, то количество словообразовательных неологизмов несколько уменьшится. Так, если рассматривать спорные новообразования с первой частью *бизнес-* (например, *бизнес-справочник*, *бизнес-стажировка*, *бизнес-статистика*, *бизнес-стиль* и др.) как единицы, созданные на русской почве (хотя и с ощутимым иноязычным влиянием: воздействием иноязычной словообразовательной модели), то число словообразовательных неологизмов на букву «Б» составит более 360 единиц, т.е. около 60% от общего числа неологизмов на букву «Б». Если же рассматривать спорные случаи как заимствованные единицы, то число словообразовательных неологизмов значительно уменьшится и составит уже только около 46%.

В то же время, на наш взгляд, привлечение к анализу как семантических неологизмов, возникших в результате агрегатирования (вторичной номинации), словообразовательной деривации (т.е. семантико-словообразовательных), так и

неологизмов, имеющих пограничный статус – заимствованного / словообразовательного неологизма, – будет полезным для анализа словообразовательной системы современного русского языка. Во-первых, в подобных лексических новациях тоже проявляются словообразовательные потенции языка: активность определенной словообразовательной модели или дериватора; использование в русском языке иноязычных словообразовательных моделей и формантов. Во-вторых, как семантико-словообразовательные неологизмы, так и заимствованные дериваты на словообразовательном уровне оказываются производными словами, в отношении которых возможен словообразовательный анализ [Михайлов 1989: 95–96]. Так, прилагательное *бульдозерный* в значении ‘основанный на насилии, мощный, грубый’ [НСЗ-90] возникло в результате суффиксации на базе производящего *бульдозер* в значении ‘об очень энергичном, упорном, пробивном человеке’ [НСЗ-90], но в то же время здесь можно усматривать и метафорический перенос, т. к. в языке уже существовало слово *бульдозерный* – ‘относящийся к бульдозеру, являющийся им’ [БАС-2]. Подобное прилагательное можно рассматривать как словообразовательный неологизм или как семантический неологизм, но в любом случае оно является производным и принадлежит ведению словообразования.

Так же, как семантико-словообразовательные неологизмы, производными с синхронической точки зрения являются и некоторые заимствованные слова, у которых в русском языке «находятся» производящие; можно сказать, что на глазах исследователей идет процесс переосмысления морфемной структуры слова (осложнения) и «встраивание» нового заимствования в словообразовательную систему русского языка. «Очевидно, что массовый наплыв интернационализмов-англицизмов влияет на словообразовательную структуру принимающих славянских языков, провоцируя разного рода преобразования» [Коряковцева 2018а: 18].

Возможность выявления в русском языке производящих для неологизмов-заимствований свидетельствует об адаптации данного типа неологизмов, об их стремлении войти в русский литературный язык, закрепиться в его системе.

Таким образом, в русском языке нашего времени, несмотря на увеличившееся число внешних и внутренних заимствований, все-таки преобладает обновление лексики за счет словообразовательных инноваций. Как отмечают исследователи, «из всех процессов, поставляющих в русский язык новые единицы, самым активным является процесс словопроизводства» [Маринова 2008: 439]. При этом базой для образования новых наименований могут быть как уже давно известные слова (*брателло* от *брат*; *державник* от *держава*; *злодейчик* от *злодей* и др.), так и новые, недавно возникшие слова, в том числе и новые заимствования (*арт-дизайнерский* от *арт-дизайнер*; *бомженок* от *бомж*; *виповский* от *vip* / *VIP*; *гранжер* от *гранж* и др.). На большое количество слов, произведенных от недавно заимствованных основ, обращают внимание многие исследователи [см. Петрухина 2010: 425—426; Коряковцева 2016, 2018а; Маринова 2008; Радченко 2018 и др.].

Высокая степень задействованности словообразовательных ресурсов при обновлении лексики объясняется, вероятно, влиянием двух факторов. Во-первых, самим устройством русского языка, в котором отчетливо выделяется словообразовательный уровень с собственными единицами (производное слово, словообразовательный тип). «Производные слова образуют существенную часть словарного состава, наиболее изменчивую, гибкую, подвижную, беспрестанно пополняющуюся» [Сенько 2007: 182]. Как отмечает Е.С. Кубрякова, русское словообразование признается «автономной системой языка, направленной на моделирование вторичных единиц номинации со статусом слова» [Человеческий фактор в языке 1991: 113]. Русский язык имеет возможность путем различных сочетаний словообразовательных морфем создавать новые слова, выражающие новые понятия, и это дает «решительное превосходство русского языка над другими европейскими языками по богатству и разнообразию словообразования» (Н.Г. Чернышевский) [цит. по книге: Потиха 1970: 153]. Кроме этой особенности русского языка, связанной, по всей видимости, с его внутренним строением, некоторую роль, вероятно, играет и психологический фактор. По подсчетам ученых,

производная лексика вообще занимает в словарях разных языков большое место – по многим данным более 60% [Человеческий фактор в языке 1991: 120], а ее использование, «лексическая связанность слов», облегчает усилия говорящего, т.к. значение производного слова «вытекает каким-то образом» из значения производящего [Человеческий фактор в языке 1991: 119]. Производное и производящее слова существуют в лексиконе не на равных правах, т.к. «зная одну <лексическую единицу>, мы легче усваиваем и используем затем другую», а «при их описании одну и ту же информацию не надо повторять дважды» [Человеческий фактор в языке 1991: 119]. Таким образом, производные-неологизмы не только легче встраиваются в языковую систему, но и позволяют быстрее встроить обозначаемое ими новое понятие в существующую систему понятий, усвоить его, логически связывают новое, неизвестное, со старым, известным. Исследователи отмечают, что «словообразование – это процесс, целиком ориентированный на коммуникацию, на передачу знаний о мире, на структурирование тех элементов окружающего мира, которые в процессе деятельности субъект выделил и которыми овладел» [Человеческий фактор в языке 1991: 213], а «соотношение производной и непроизводной лексики в словарном составе любого языка позволяет понять, какие смыслы были предметом особого внимания человека» [Вендина 2002: 44]. Таким образом, анализ словообразовательных неологизмов позволяет выявить специфику познания мира современными носителями языка; производные слова выступают как «лексические репрезентанты категоризованных языком знаний, полученных в ходе осмысления человеком окружающего мира» [Крючкова 2009: 222].

1.3. Проблемы лексикографической фиксации словообразовательных неологизмов

1.3.1. Лексикографическое описание новаций в словарях разных типов

Будучи зафиксированным в словаре, получив «лексикографическую прописку», новое слово как бы «приобретает права гражданства» в языке, факт его реального функционирования в языке получает документальное подтверждение: «академический словарь призван преимущественно описывать слова, прошедшие определенный этап социализации, получившие достаточную степень распространения» [БАС-3, т. 1, 2004: 5]. Лексикографическое освещение неологизмов – одна из серьезных проблем современной науки. Недавно возникшие слова могут быть отражены в разных типах словарей, например в общих словарях: в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (М., 1999, 4-е изд., дополненное) [СОШ] описано «более 3 тыс. новых слов и выражений, большое количество новых значений и устойчивых сочетаний, отражающих активные процессы в современной русской лексике и фразеологии» [СОШ 1999: 4]. В настоящее время (с 2004 года) осуществляется издание Большого академического словаря русского языка (М.-СПб., «Наука»), который включает в себя «общеупотребительную лексику русского языка от эпохи Пушкина до наших дней» [БАС-3, т. 1, 2004: 3], в том числе и неологизмы, которые прочно вошли в употребление, стали фактом языка. Однако «общие, недифференциальные словари не отражают и не могут отразить своевременно новое в лексике и фразеологии, и, кроме того, интересующимся именно неологией трудно извлечь самостоятельно соответствующий массив из всего корпуса общего словаря» [Котелова 1995: 4]. Поэтому актуальной оказывается фиксация новаций в аспектных словарях — словарях неологизмов, динамических словарях и под.

Несмотря на то что необходимость словарной фиксации новой лексики осознавалась еще Петром I, аспектные словари неологизмов появились

относительно недавно [подробнее см.: Козырев, Черняк 2004; Левашов 2006]. Еще в начале XX века академик Л.В. Щерба призывал уделять большое внимание изучению неологизмов и отражению их в словарях: «Что же касается новых слов, новых словообразований и новых значений старых слов, то собирание и издание их <...> должно составить особую задачу<...>. На обязанности Отделения русского языка и словесности <...> лежит время от времени выпускать добавления к Словарю (современного русского языка), содержащие в себе все вошедшее в литературный язык за определенный период времени. Эти добавления будут крайне поучительны, т.к. будут наглядно представлять современные изменения в языке в связи с изменениями в структуре общества» [цит. по: Попова, Рацибурская, Гугунава 2005: 116–117]. Но только во второй половине XX века отечественная лексикография пополнилась новым жанром словарей – стали регулярно издаваться словари новых слов. Конечно, словарная фиксация лексических инноваций имела место и ранее: новые слова включались в издающиеся толковые словари русского языка, например немало неологизмов начала XX века было зафиксировано в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова. Однако только в 60-е годы XX века, после издания «Словаря современного русского литературного языка», стала возможной подготовка мобильного издания, отражающего языковые новации того или иного времени. «Насущная потребность своевременного отражения в словарях приращений лексико-фразеологического состава привела к созданию специальных словарей новых слов русского языка как оптимальной формы регистрации новаций языка и речи» [Алаторцева 1998: 236]. Появление первого словаря подобного типа – «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов» под ред. Н.З. Котеловой и Ю.С. Сорокина (М., 1971) – воспринималось лингвистическим сообществом как важное научное событие. Р.А. Будагов, рецензируя данное издание, отмечал его несомненную значимость и актуальность: «Нельзя не приветствовать появление этого интересного и нужного «Словаря-справочника» <...> «Словари-справочники» рецензируемого типа удачно дополняют толковые словари и готовят для них же новый материал, который в той или

иной степени включается в последующие издания толковых словарей» [Будагов 1971: 359]. Практическая деятельность лексикографов (а подготовка и издание словарей новой лексики продолжается уже более полувека) способствовала формированию новой научной отрасли – неологической лексикографии, или неографии, которая определяется как «наука об особенностях проектирования и составления словарей неологизмов, о специфике нового слова и словосочетания как объектов таких словарей» [Алаторцева 1998: 238].

Необходимо заметить, что ценность словарей новой лексики исследователи видят не только в фиксации недавно возникших в языке элементов, но и в том, что, изучая материалы словаря, ученый может наблюдать глубокие изменения «которые претерпела лексика русского языка за одно только десятилетие» [Будагов 1971: 362]. Выводы, сделанные более 40 лет назад, сохраняют свою актуальность и сейчас, а словари-справочники, отражающие лексические инновации, «необходимы не только для русского языка, но и для русской культуры» [Будагов 1971: 363]. На значимость словарей новой лексики как объекта не только собственно лингвистических, но и исторических, культурологических, социологических изысканий указывали многие ученые, т.к. несомненно, что «прослеживание изменений в употреблении языковых единиц, анализ их этимологии, способов выражения понятий очень информативен, в т.ч. экстралингвистически» [Алаторцева 1998: 189].

Лексикографическое описание неологизмов имеет несомненную практическую ценность: осмысление процессов и результатов, происходящих в лексике, их оценка и фиксация имеют большое значение как в целом в общественно-историческом, культурно-познавательном аспектах, так и в частности – в теоретической и прикладной лингвистике для изучения и описания языков [Котелова 1995: 4]. Кроме того, «ознакомление с живыми явлениями и процессами русской речи, выявление инноваций, изучение путей их возникновения, построение их типологии, определение тенденций развития имеют большое значение для нормализаторской деятельности <...>, для работы по повышению культуры речи», – отмечает Н.З. Котелова [Котелова 1995: 4]. Эти задачи призван решать такой тип

изданий, как неографические словари, публикуемые Институтом лингвистических исследований РАН с 1971 года. При этом в основе создания словарей новых слов лежит мысль, «выходящая за пределы собственно лингвистической: необходимость регулярно и оперативно вводить обнаруженный неологический материал в научно-справочный обиход» [Левашов 2009: 4].

Неография, целью которой является составление словарей неологизмов, к настоящему моменту уже сформировалась самостоятельное направление отечественной лексикографии. Мобильные словари, описывающие новую лексику за разные промежутки времени, регулярно издаются Институтом лингвистических исследований РАН с 1971 года.

В настоящее время неографические (неологические) издания представлены тремя жанрами: во-первых, ежегодные словари-бюллетени «Новое в русской лексике. Словарные материалы» (первым изданием стал сборник «Новое в русской лексике. Словарные материалы-77», а последним – «Новое в русской лексике. Словарные материалы-94»). Подобные словари были призваны включать «отсутствующие в лексикографических изданиях новые слова, новые значения слов и выражения, зарегистрированные по текстам массовых периодических изданий в определенный период. [В этих изданиях. – *Е.Ж.*] <...> делается попытка показать поток стихийной языковой жизни, продемонстрировать факты рождения, изменения или вхождения в язык слов во всем их многообразии» [Котелова 1986: 5]. Кроме узуальных неологизмов, авторы словарных материалов «Новое в русской лексике ...» включали в выпуски серии и окказиональные или индивидуально-авторские слова. В настоящее время ежегодные словари перестали издаваться, т.к. «создание выпусков, посвященных лексическим инновациям года, представляется слишком трудозатратным и потому нецелесообразным», с одной стороны, а, с другой стороны, использование современных компьютерных технологий, обращение к специализированным сетевым ресурсам позволяет точно датировать время появления новообразования [Буцева 2011: 88].

Еще одним жанром неографических изданий стали издания, в которых отбирались неологизмы за десятилетний период, – «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы». К настоящему моменту опубликовано четыре таких словаря (по материалам 1960-х, 70-х, 80-х и 90-х годов XX века), ведется работа над словарями-десятилетниками, описывающими инновации XXI века. Объектом описания в словарях подобного типа становится уже новая лексика за десятилетний период. Причем в первых изданиях временные границы могли размываться, в словари могла включаться и лексика предшествующих периодов, если она по какой-то причине оказалась не зафиксированной в предыдущем словаре-справочнике. «В первые два словаря, помимо лексических инноваций этих десятилетий, включались и инновации предшествующего периода <...>. Так, в НСЗ-60 [словарь «Новые слова и значения 60-х годов...». – *Е.Ж.*] была включена лексика, появившаяся или ставшая употребительной в периодической печати и художественной литературе в 1950-1960-х гг. XX в. или несколько ранее, но не попавшая в толковые словари» [Буцева 2011: 85]. Но, в то же время, в подобных словарях могли быть зафиксированы не все новообразования указанного десятилетия. В последующих изданиях (НСЗ-80 и НСЗ-90) авторы ограничивают материал только указанными в заголовке хронологическими рамками в целях более полного отражения именно новой лексики, а сами издания оказываются «ориентированными на отражение инновационных процессов конкретного десятилетия» [Буцева 2011: 86–87].

В ходе подготовки десятилетних словарей-справочников, авторы опираются в том числе и на данные словарей-ежегодников. В десятилетние словари включаются только новообразования, которые в указанный период проявили активность (неоднократность) употребления [Левашов 2009: 5]; индивидуально-авторские новообразования, напротив, в словарь не включаются.

Третий тип неологических словарей представлен одним изданием – «Словарем новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов)» (СПб., 1995). Это сводный, дополненный и нормативный словарь русской лексики и

фразеологии, в котором были выборочно сведены материалы существующих изданий по новой лексике с добавлением дополнительных материалов. Словарь охватывает новые слова, значения и выражения в современном русском языке второй половины XX века и может быть назван «Словарем новых слов русского языка» [Котелова 1995: 6].

Неологические словари имеют большую практическую ценность: данные, представленные в этих словарях, могут использоваться в практике преподавания и перевода, а новации, впервые отраженные в таких справочниках, позднее могут попасть и в толковые словари литературного языка. Например, в БАС-3 отмечены такие единицы, впервые зафиксированные в словарях новых слов, как *автокомбинат*, *автокрановщик*, *автолюбитель* (НСЗ-60), *автобан*, *автоград*, *автомодельный (спорт)*, *автостоянка* (НСЗ-70), *автоматом (нареч.)* (НСЗ-80). Очевидна и общетеоретическая ценность этих изданий: «именно благодаря разнообразию существующих типов неологических словарей лексические новации русского языка второй половины XX века оказались описаны <...> в той степени, которая позволяет делать объективные выводы о тенденциях развития словарного состава русского языка во второй половине XX века» [Буцева 2006: 8]. В целом же «сформировавшаяся в последние десятилетия неологическая лексикография открывает особые возможности для осмысления «новейшей истории» русской лексики» [Козырев, Черняк 2004: 77].

В русской лексикографии в конце XX века в связи с очевидной необходимостью отразить в словарях язык переломной эпохи появился новый жанр словарей – так называемые динамические словари. В этих изданиях «на переломе двух веков воплотилась языковая динамика, отражающая движение в сторону актуализации и переориентации семантики одних слов и спад активности употребления других, появление новообразований и устаревание значительных пластов лексики» [Лексикография русского языка 2009: 202; см. также Козырев, Черняк 2004]. Подобные словари описывают «динамику слова в русском языке в определенный исторический период» [Лексикография русского языка 2009: 202].

Так, например, авторы одного из динамических словарей – «Толкового словаря русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» (2008) (далее – ТСРЯАЛ) – отмечают, что в тематическом аспекте их издание «описывает именно те лексические разряды и группы, которые наиболее активно функционируют и формируют языковое сознание современников» [ТСРЯАЛ 2008: 6]. Первым динамическим словарем стал Словарь перестройки под редакцией В.И. Максимова (СПб., 1992), к динамическим словарям относятся также Толковый словарь языка Совдепии В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной (СПб., 1998; СПб., 2005) и несколько словарей, подготовленных под редакцией проф. Г.Н. Складневской. При этом основное внимание составителей «направлено на те реальные ... факты и явления, которые наиболее характерны и существенны для данного периода» развития языка [ТСРЯАЛ 2008: 5]. Динамические словари, таким образом, включают в свой состав не только новые слова, появившиеся в данную (рубеж XX–XXI веков) эпоху, но и слова, уходящие в пассив, а также единицы, давно существовавшие в языке, но проявляющие в данный период большую активность (по сравнению, например, с предшествующим советским периодом развития русского языка). Так, в ТСРЯАЛ отмечены слова, относящиеся к тематическим группам религии или верований, которые, очевидно, существуют в языке далеко не одно столетие: *ангел* (в т.ч. и *День ангела*), *ангел-хранитель*, *аналой*, *Евангелие*, *заговенье* и др. Включение этих слов в словник именно динамического словаря объясняется активизацией их употребления в конце XX века в связи с изменением отношений между властью и церковью, а также целью подобных изданий – представить активную лексику языка на определенном этапе развития, дать как бы «моментальный снимок» лексики эпохи. Динамические словари, несомненно, вносят большой вклад в отечественную лексикографию, они имеют много достоинств (в том числе мобильность), однако так же, как и толковые словари, представляют новую лексику в общем списке слов, что не очень удобно для исследователей, интересующихся именно новообразованиями.

Представление неологизмов в разных типах словарей отражает разные этапы узуализации новых лексических единиц: слова, впервые зафиксированные в

употреблении и находящиеся на границе узуального и окказионального, попадают в словари-ежегодники, а затем (с определенным отсевом) – в словари-десятилетники; слова, проявившие активность в употреблении, фиксируются в динамических словарях; слова, закрепившиеся в узусе и лексикографии, включаются в общелитературные толковые словари. Так, например, в НСЗ-90 отмечается более 130 бесприставочных новообразований (как исконных, так и заимствованных) с корнем *-бизнес-*: *бизнес-адвокат, бизнес-встреча, бизнес-вумениша, бизнес-городок, бизнес-десант, бизнесменовский, бизнесменствовать, бизнес-мент, бизнесовый* и др.; а в БАС-3 зафиксировано только 7 бесприставочных слов с корнем *-бизнес-*, из которых 2 отмечаются также в НСЗ-90 (*бизнес-..., бизнесмениша*), а другие либо не являются неологизмами 90-х годов (*бизнесмен, бизнесменский*), либо оказались не зафиксированными в НСЗ-90, хотя и отмечались в других словарях, описывающих лексику 90-х годов (*бизнесменка, бизнесменство*).

1.3.2. Лексикографическое описание словообразовательных неологизмов в словаре «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века»

Источником материала настоящего исследования стал последний из опубликованных неологических словарей — «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века» (СПб., 2009—2014). Словарь был опубликован в трех томах, общий объем словника составляет более 10500 словарных статей. Сейчас словарь выставлен на сайте Института лингвистических исследований РАН и доступен в электронном виде (<https://iling.spb.ru/dictionaries.html.ru>).

Данное издание, с одной стороны, продолжает традиции словарей-десятилетников (НСЗ-60, НСЗ-70, НСЗ-80). С другой стороны, редакторы словаря отмечают, что работа над ним носила переходный характер: она начиналась как работа в русле «традиционной» — бумажной — лексикографии, а завершалась уже

в рамках компьютерной лексикографии. Данный факт имел непосредственное влияние как на время, затраченное на подготовку издания, так и на его объем: «использование интернет-ресурсов привело к значительному увеличению словника данного издания по сравнению с предыдущими словарями этой серии» [Буцева 2012: 244]. Рецензенты отмечают, что объем словаря является одним из фундаментальных отличий данного издания, связывая это как с привлечением электронных сетевых ресурсов (крупнейший архив СМИ «Интегрум», а также Google Books, Национальный корпус русского языка), так и с «беспрецедентным ростом неологических единиц» [Ефремов 2014: 16] в русском языке рубежа XX—XXI веков.

В качестве несомненных достоинств НСЗ-90 В.А. Ефремов отмечает жесткую фиксацию хронологических рамок — словарь описывает лексику «именно и исключительно 1990-х годов» (в предшествующих словарях-десятилетниках хронологические рамки выдерживались нечетко); точную датировку первой письменной фиксации новой лексической (фразеологической) единицы; фиксацию продуктивных словообразовательных моделей, в том числе «широкое описание гибридизации разных типов» и т. д. [Ефремов 2014: 16—18]. Важно отметить, что НСЗ-90 «способствует расширению и углублению представлений об изменении словарного состава русского языка в конце XX века, сделанных в известной монографии „Русский язык конца XX столетия (1985-1995)“» [Буцева 2012: 242].

Конечно, рецензенты словаря высказывали и отдельные замечания: отмечались объективное «запаздывание» в подготовке словаря, возможно излишняя насыщенность иллюстративным материалом [Ефремов 2014]; спорные критерии разграничения разных значений у многозначных слов и под. [Шелов, Рацибурская 2011]. Однако в целом словарь НСЗ-90 получил весьма высокую оценку специалистов [Ефремов 2014; Маринова 2011; Рацибурская, Шелов 2011]: Л.В. Рацибурская и С.Д. Шелов отмечают, что НСЗ-90 является «новым достижением отечественной неологии и неографии, особенно в антропоцентрической парадигме научного знания» [Рацибурская, Шелов 2011: 309].

Академические неографические издания предоставляют исследователю богатый и репрезентативный материал, позволяющий проанализировать тенденции развития языка как в целом, так и на отдельных участках системы. Анализируемый словарь с полным правом «можно считать лингвистическим портретом России на исходе столетия» [Рацибурская, Шелов 2011: 307]. Несомненно, словари новых слов, в том числе НСЗ-90, – важнейший источник лингвистических, социологических, философских исследований, т.к. они являются свидетельствами духовной жизни народа в ее языковом преломлении.

Наибольшую часть инноваций в русском языке составляют словообразовательные неологизмы: богатые деривационные возможности русского языка помогают ему адекватно реагировать на общественные потребности в наименовании нового. Естественно, и в словарях новых слов большую часть словников составляет эта группа неологизмов: как отмечают авторы словарей, «80-90% словников неологических словарей составляют производные образования» [Денисенко 2006: 41]. Вместе с тем, многие словообразовательные новации, образованные по продуктивным словообразовательным типам, относительно легко встраиваются в систему языка, часто они конструируются с помощью исконных средств, быстро адаптируются и имеют большую возможность закрепиться в языке, чем, например, внешние заимствования: см., например, отмечаемые в НСЗ-90 новообразования *внецензурный* ‘не подлежащий, не подвергшийся цензуре’, *внутриарабский* ‘происходящий, существующий между арабами, арабскими государствами’, *дожонок* ‘щенок дога’, *драматургесса* ‘женщина-драматург’, *злодейчик* ‘мелкий злодей, пакостник’, *казахско-китайский* ‘относящийся к Казахстану и Китаю, к их взаимоотношениям...’, *сверхдемократ* ‘ярый, радикальный сторонник демократии’ и др.)

В связи с этим возникает проблема включения или невключения подобной лексики в словарные издания, проблема лексикографической фиксации словообразовательных неологизмов. Еще в 1983 году В.П. Берков и В.М. Павлов критиковали авторов словарей новых слов за наличие в неографических изданиях

таких разрядов производной лексики, как сложные прилагательные, в том числе сложные прилагательные с первым компонентом — числительным (типа *ливийско-ангольский, одиннадцатикилометровый* и под.): «весь массив таких образований не может и не должен регистрироваться, т. е. такие слова не могут и не должны включаться в словари как «полноправные» единицы, в виде отдельных статей, с толкованием» [Берков, Павлов 1983: 60-61]. Однако для анализа продуктивности словообразовательных моделей и выявления того, что носители языка определяют данными прилагательными, важно учитывать и подобные производные [подробнее: Котелова 1983].

Как отмечает Т.Н. Буцева, «новые системные образования, произведенные от давно известных слов, ощущения новизны вообще могут не вызывать», их новизна может быть установлена лишь с опорой на лексикографические данные [Буцева 2006: 9]. Поэтому прежде всего для словообразовательных неологизмов особенно актуальна «презумпция новизны» [Денисенко 2006: 39] (как известно, слово является новым, если не доказано обратное), в соответствии с которой производят отбор словников неографы.

Лексикографическая фиксация словообразовательных неологизмов открывает огромные возможности для исследователей. Обзор большого числа источников, который возможен благодаря работе целого коллектива, сложившиеся традиции выборки инноваций и опора на теорию неографии позволяют рассматривать словари новых слов как максимально возможно объективные издания для общего анализа новой производной лексики и для определения тенденций развития деривационной системы национального языка.

В целом же можно отметить, что анализ материалов НСЗ-90 позволяет сделать интересные выводы о развитии словообразовательной подсистемы русского языка в переломную для российского общества эпоху, а также об оценке тех социальных изменений, которые переживало общество в «постперестроечную» эпоху. «В русской лексикографии в соответствии с воззрениями Л.В. Щербы обосновывается роль и значение словаря как лексикологического и комплексного

лексикографического труда, который, с одной стороны, обобщает данные разнообразных теоретических исследований (в области семантики, стилистики, социолингвистики, словообразования, грамматики, истории языка и т. д.), а другой стороны, сам является источником и базой дальнейших теоретических изысканий, так как в нем собраны, систематизированы, обобщены и комплексно представлены все сведения о слове как основной структурно-семантической единице языка» [Славянская лексикография 2013: 579]. Данное наблюдение Г.Н. Складневской вполне можно отнести и к анализируемому словарю «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века».

ВЫВОДЫ

Российское общество в конце XX века пережило по сути революционную смену общественно-политического строя. Изменения экономического уклада, идеологии, кардинальная перестройка политической системы не могли не отразиться в языке, по самой своей природе являющемся социальным образованием. На развитие русского языка в 90-е годы XX века активно влияли как экстралингвистические, так и интралингвистические факторы. Расширение и активизация международных связей, обусловленные падением «железного занавеса», «амероглобализация» (Е.И. Коряковцева) привели к значительному увеличению количества иноязычных заимствований, в первую очередь из английского языка; известное «раскрепощение» нравов, отказ от цензуры нашли отражение в так называемой «демократизации» языка, проникновению в литературный язык элементов, прежде находящихся за его пределами, – в том числе разного рода жаргонизмов, ранее характерных для речи маргинальных групп населения (преступников, наркоманов, люмпенов). Активно действуют в конце XX века и внутриязыковые законы, в частности «экономии речевых усилий».

Языковые преобразования ярче всего проявляют себя на лексическом и словообразовательном уровнях. В последнее десятилетие XX века русский язык

обогатился тысячами новых слов – язык новейшего периода, по замечанию исследователей, переживает так называемый «неологический бум». Резкий рост количества лексических новаций потребовал уточнения понятия «неологизм». В отечественной лингвистике в настоящее время существует несколько теорий, по-разному определяющих данное понятие, – денотативная, стилистическая, лексикографическая и т. д. Наибольшей объяснительной силой обладает конкретно-историческая теория, описанная в трудах основоположника отечественной неологии и неографии Н.З. Котеловой. В диссертационной работе под неологизмами, вслед за Н.З. Котеловой, понимаются новые лексические единицы (слова, значения слов, фразеологизмы), вошедшие в язык на конкретном этапе его развития и ранее не существовавшие в данном языке.

Среди русских неологизмов значительную часть составляют слова, созданные с помощью словообразовательных ресурсов русского языка, – так называемые словообразовательные неологизмы. Но далеко не всегда можно однозначно отнести конкретную лексическую новацию к данному типу неологизмов. Практические трудности вызывает разграничение словообразовательных неологизмов и таких смежных языковых единиц, как окказионализмы (индивидуально-авторские неологизмы), семантические неологизмы, неологизмы-заимствования.

Функционирование в языке новых слов требует их лексикографической фиксации. В русской лексикографии во второй половине XX века выделилась особая отрасль, ставящая задачей словарное описание новой лексики и теоретическую разработку принципов такого описания, – неография. На протяжении более чем полувека группой «Словарей новых слов» отдела лексикографии русского языка Института лингвистических исследований РАН готовятся и публикуются разного рода неографические (неологические) издания – словари-ежегодники, словари-десятилетники, сводные словари. Последним изданным неологическим словарем стал трехтомный словарь-справочник «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века» (СПб., 2009–2014), который и стал основным источником материала

для настоящего исследования. Данные этого словаря позволяют сделать объективные выводы о функционировании и развитии словообразовательного механизма русского языка конца XX столетия, а также о влиянии на словообразовательную систему языка социокультурных факторов.

ГЛАВА II.
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА
НОВЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ
В СЛОВАРЕ «НОВЫЕ СЛОВА И ЗНАЧЕНИЯ.
СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК ПО МАТЕРИАЛАМ ПРЕССЫ И ЛИТЕРАТУРЫ
90-Х ГОДОВ XX ВЕКА»

Словообразовательные неологизмы традиционно составляют наибольший процент от общего числа лексических инноваций. Развитая и постоянно обновляющаяся русская деривационная система позволяет производить большое число новообразований как на базе исконно русской лексики, так и на базе иноязычных основ, а «производные слова образуют существенную часть словарного состава, наиболее изменчивую, гибкую, подвижную, беспрестанно пополняющуюся» [Сенько 2007: 182]. Словообразовательные новации относительно легко встраиваются в систему языка, они могут быстро адаптироваться и имеют большую возможность закрепиться в языке. Нередко значение словообразовательного неологизма легко выводится из значений составляющих его частей, а сами новообразования быстро утрачивают «эффект новизны» (или вообще изначально им не обладают), например: *нардепка* ‘1. Участница Съезда народных депутатов — высшего органа власти в СССР (1989-1991) и РСФСР (1990-1993); 2. О женщине — депутате Государственной думы’; *наркобизнесмен* ‘делец в сфере производства и сбыта наркотиков’; *НТВшник* / *НТВэшник* ‘сотрудник российского телеканала НТВ’; *попсовость* ‘наличие черт, особенностей, присущих попсе <...>’ и мн.др.

Вместе с тем очевидным является тот факт, что «в процессе словообразования находят яркое отражение изменения в словарном составе языка, связанные с развитием общества», а «продуктивность тех или иных словообразовательных типов органически связана с «социальным заказом» на определенные разновидности наименований» [Сенько 2007: 182]. В периоды же «значительных

общественных сдвигов, когда новые слова появляются в массовом количестве <...> происходят изменения и в действующей системе словообразовательных типов, их роли в общем процессе образования наименований» [Сенько 2007: 188].

Анализируя новую производную лексику, мы должны помнить, что «словообразовательная система языка — это не только отдельные слова с прозрачной структурой <...>, это вместе с тем сложный механизм, создающий новые слова» [Сенько 2007: 183]. Как отмечает Е.В. Сенько, «изучение словарных инноваций показывает, что процесс неологизации происходит в рамках той комплексной единицы системы словообразования, которая называется *словообразовательным типом*» [Сенько 2007: 185—186]. Е.А. Земская обращает внимание на то, что «именно в пределах словообразовательного типа и происходит преимущественно образование новых слов» [Земская 2009б: 190].

В современной отечественной дериватологии существует два близких термина — *словообразовательный тип* и *словообразовательная модель*. В ряде случаев они используется «недифференцированно, как синонимы» [Земская 2009б: 201], но исследователи склонны разграничивать их употребление. В академической РГ-80, дающей наиболее полное описание словообразовательной системы русского языка, употребляется только термин *словообразовательный тип*: «основной единицей классификации словообразовательной системы является словообразовательный тип. Это схема построения слов определенной части речи, абстрагированная от конкретных лексических единиц, характеризующаяся: а) общностью части речи непосредственно мотивирующих слов и б) формантом, тождественным в материальном и семантическом отношении» [РГ-80: §198]. Е.А. Земская предлагает использовать термин *модель* «для обозначения морфонологических разновидностей внутри одного и того же словообразовательного типа» [Земская 2009б: 201; Мусатов 2010: 230—240]. В.Н. Немченко под *словообразовательной моделью* понимает «общую формулу, схему построения производных слов», которая может служить «образцом для создания новых словарных единиц» [Немченко 1994: 218], а под *типом* -- «структурно-семантическую (формально-семантическую) схему

производных слов, построенных по определенной модели и имеющих одинаковое словообразовательное значение» [Немченко 1994: 221; Николина 2005: 112—113]. Е.В. Сенько под *словообразовательным типом* понимает объединение производных слов по двум признакам («1) общность семантического соотношения между производящими и производными, 2) тождество словообразовательного форманта»), и разграничивает понятия *словообразовательный тип* и *словообразовательная модель* следующим образом: «что касается частеречной принадлежности производящих слов, то она рассматривается как фактор образования *словообразовательной модели* — варианта словообразовательного типа» [Сенько 2007: 186]. По мысли Е.С. Кубряковой, «вся область словообразования – это область аналогического выравнивания указанных единиц, а то, что определяется как отдельная словообразовательная модель, может интерпретироваться как формула повторения особого (конкретного) образца в результате ее распространения на то или иное число случаев» [Кубрякова 2010: 18].

В рамках нашей работы в тех случаях, когда мы будем оперировать схемами, «формулами», по которым строятся новые производные слова, будет использоваться термин *словообразовательная модель*, в тех же случаях, когда будет учитываться и словообразовательное значение, будет употребляться термин *словообразовательный тип* – в соответствии с определениями, предложенными В.Н. Немченко и авторами РГ-80 [Немченко 1994; РГ-80].

Значительную часть от общего числа неологизмов составляют новые производные имена существительные. В количественном отношении новых слов, относящихся к другим частям речи, существенно меньше, чем субстантивов: так, по данным только первого тома НСЗ-90, количество новообразований-существительных составляет около 43% от общего числа неологизмов, в том числе неологизмов-заимствований, а количество новых производных прилагательных и глаголов только 16% и 4% соответственно.

Подобное частеречное распределение новой лексики не является случайным, ведь «категория имени существительного обеспечивает возможность мыслить

предметно, в форме названия, даже отвлеченные понятия о качествах и свойствах» [Виноградов 1972: 46]. Кроме того, исследователи отмечают, что частотность употребления существительных возрастает в связи с развитием абстрактного мышления: «Когда языки становятся старыми, они <...> тяготеют к номинальным конструкциям, в особенности когда эти конструкции долгое время служили средством научного мышления» [Винокур 2006: 57]. В целом же, преобладание имен существительных является общей тенденцией современных процессов неологизации: «субстантивы в разных языках мира являются самой неогенной частью речи» [Попова 2004: 44].

Естественно, что огромное количество новых существительных было создано самыми разнообразными способами деривации, которыми располагает современный русский язык, по разным моделям. При этом в процессе словообразования происходил и своеобразный отбор существующих в системе способов и средств деривации. Анализ инноваций показывает, какие словообразовательные модели, типы, способы, форманты продуктивны и востребованы в новейшее время, а какие – оказываются на периферии. Данные НСЗ-90 говорят о том, что в словообразовании существительных на современном этапе развития языка наиболее востребованными оказываются способы **сложения** (в самом широком понимании), **аффиксоидации** и **суффиксации**. Эти результаты соотносятся с выводами других исследователей [Касьянова 2012; Плотникова 2017; Рацибурская 2003, 2007, 2010; Сенько 2007 и др.].

2.1. Неологизмы-существительные, образованные способом сложения

Наиболее активно при образовании новых субстантивов используется такой способ, как сложение, при этом ученые отмечают, что «словосложение в высшей степени характерно для словопроизводства как существительных, так и прилагательных» [Земская 2009а: 44], а «новые лексические единицы, образованные посредством сложения, представляют собой более экономное и выразительное средство общения» [Касьянова 2006: 35; см. также Безрукова 2016]. Исследователи связывают большое число новых сложных слов с внутриязыковым законом экономии речевых усилий: «Одной из наиболее значительных тенденций, проявляющихся в русском языке в последнее время, продолжает оставаться тенденция к языковой экономии. Она находит проявление в значительном увеличении количества композитов различных типов» [Плотникова 2017: 311].

В рамках нашей выборки было обнаружено более 1500 новых композитов, что составило примерно 30% от общего количества новых производных субстантивов, зафиксированных в НСЗ-90. Еще около 700 новых единиц типа *бизнес-идея*, *компьютер-блокнот*, *наркотерроризм*, *ТВ-приставка* и др., включенных в нашу выборку, согласно словообразовательно-этимологическим справкам, приводимым авторами НСЗ-90, являются заимствованиями. Однако мы учитывали подобные заимствованные единицы, т. к. по своей морфемной структуре они являются сложными словами, а модель их построения оказывает влияние на развитие словообразовательной системы русского языка [Коряковцева 2016]. Таким образом, количество сложных слов (образованных на русской почве и заимствованных), без учета слов с аффиксоидами, составляет примерно 45% выборки, а если традиционно рассматривать образования с аффиксоидами как сложные слова, то процент композитов составит 60%.

Ученые отмечают, что сложные «неодериваты представляют несомненный исследовательский интерес для неологии», а «способность языка создавать сложные слова отражает специфику формируемой данным языком картины мира» [Касьянова

2012: 87]. Вместе с тем необходимо отметить, что в современной дериватологии вопрос о границах сложения как способа словообразования не является окончательно решенным. Так, А.Н. Тихонов как самостоятельные способы словообразования выделяет сложение (подразделяя его на сложение производящей основы и производящего слова и сложение производящих слов), сращение и аббревиацию [Тихонов 2008: 36–37]. Е.А. Земская отдельно анализирует составные наименования типа *соледобыча*, образованные с помощью соединительных элементов, составные наименования типа *магазин-склад*, при образовании которых не используются соединительные элементы, а также аббревиатуры, контаминированные образования и сложносокращенные слова, состоящие из сокращенной части и целого слова [Земская 2009а: 43–58]. В.Н. Немченко, напротив, в рамках чистого сложения (словосложения) описывает и сращение, и аббревиацию, обращая внимание на то, что «сложносокращенные наименования, или аббревиатуры», представляют «особую категорию сложных слов, чистых сложений» [Немченко 1994: 266–270]. Н.А. Николина, разграничивая сложение, сращение и аббревиацию, выделяет и несколько разновидностей сложения: «1) сложносоставной способ – сложение самостоятельных знаменательных слов без помощи интерфикса <...>: *бизнес-клуб*, *попкорн-аппарат*; 2) чистое сложение — образование производного слова путем соединения одной или нескольких основ с самостоятельным знаменательным словом: *лесостень* <...>; 3) образование сложных слов с первым неизменяемым связанным компонентом интернационального характера, развивающим высокую деривационную активность, *авиа-*, *агро-*, *био-*, *гидро-*, *видео-*, *метео-*, *рок-* и др.» [Николина 2006: 450–451].

В рамках данной работы сложение (словосложение, чистое сложение) вслед за В.Н. Немченко [Немченко 1994] понимается максимально широко. Аббревиация рассматривается как частный случай словосложения. В рамках словосложения также описывается контаминация, которая обычно трактуется как неузואльный способ словообразования. Отдельно нами рассматриваются производные с

аффиксоидами, хотя нельзя не признать, что разграничение сложения и аффиксоидации дискуссионно.

Среди сложных слов наиболее устоявшуюся группу представляют слова, образованные в результате чистого сложения с использованием соединительного элемента. Подобные композиты фиксируются и в НСЗ-90: *лесодоллары* ‘о валюте в американских долларах, получаемой за экспортируемый лес’ (здесь и далее примеры и их толкования приводятся по НСЗ-90); *мясозаменитель* ‘продукт, заменяющий мясо (животный белок) при его отсутствии или при отказе питания им; добавка растительного происхождения, заменяющая мясо’; *снегоприёмник* ‘специальный пункт приема убираемого в городе снега; снегоприемный пункт’; *ядомогильник* ‘место захоронения ядовитых отходов производства’, а также *нефтекороль*, *нефтеолигарх* и др. Однако на общем фоне новой лексики подобные новообразования не частотны.

Анализ созданных в 90-е годы сложных слов показывает, что среди них немало единиц, образованных в результате сложения производящих слов («составные сложные слова» [Немченко 1994: 269]): *женщина-предприниматель* ‘женщина, занимающаяся предпринимательской деятельностью’; *инженер-компьютерщик* ‘инженер – специалист по компьютерной технике’; *кафе-подвальчик* ‘род небольшой закусочной, ресторана в подвальном помещении’; *клип-концерт* ‘о телевизионной или радиопрограмме, в которой представлены короткометражные видеофильмы или аудиозаписи (клипы)’; *усадьба-памятник* ‘усадьба, являющаяся памятником истории и культуры’, а также *женщина-кандидат*; *косметолог-массажист*; *космонавт-спасатель*; *няня-домработница*; *обед-ужин* (ср. *обедоужин*); *платье-футболка*; *самолёт-такси*; *сумка-визитка* и мн. др. При этом «составное слово выступает как целостная номинативная единица, которая предназначена для выражения *качественно нового значения*» [Плотникова 2017: 314]; подобные сложные слова, «объединяя в одно наименование два самостоятельно употребляющихся в языке слова, <...> несут новую смысловую нагрузку» [Плотникова 2016: 184].

Большое количество таких производных отмечалось при анализе новообразований последней трети XX века: «процесс образования указанных сращений [типа «плащ-палатка». - *Е.Ж.*] является одним из самых активных процессов современного словообразования» [Юркина 1991: 12]. Материалы НСЗ-90 свидетельствуют, что указанные процессы имеют место и в последнее десятилетие XX века. При этом новые номинации типа *куртка-косуха* или *лекция-проповедь* не всегда легко отличить от атрибутивных сочетаний с приложениями [см.подробнее: Юркина 1991]. В данном случае основанием для отнесения языковой единицы к сложным словам является факт ее словарной фиксации в НСЗ-90.

К группе композитов типа *косметолог-массажист*, в которых склоняются оба составляющих сложное слово элемента, примыкает группа сложных новообразований, в которых первая часть не склоняется и выполняет атрибутивную функцию: *интернет-пресса* ‘совокупность интернет-газет и интернет-журналов; интернет-СМИ’; *квилт-клуб* ‘клуб любителей квилта, мастеров, работающих в технике лоскутного шитья’; *КВН-газета* ‘газета, выпускаемая Клубом веселых и находчивых’; *киногурман* ‘тот, кто любит киноискусство, досконально разбирается в каких-л. его особенностях’ и мн.др. Фиксируются целые серии слов с начальными элементами *кино-* (*кинобогиня, кинобюджет, кинокарнавал, кинокудесник, киночиновник* и др. — всего около 80 производных); *панк-* (*панк-ветеран, панк-идеология, панк-песня* и др. — всего без учета заимствований более 40 единиц); *пиар- / PR-* (*пиар-контора, пиар-структура, PR-услуги* — около 40 новообразований); *рок-* (*рок-праздник, рок-тусовка* — около 20 производных, без учета заимствований) и др.

Уже в 70-х годах XX века М.В. Панов выделял подобные образования в самостоятельную группу, рассматривая их как аналитические прилагательные: «за последние полвека в русском литературном языке сложилась особая часть речи: аналитические прилагательные» [Панов 2004: 137]. В своей известной статье «Об аналитических прилагательных» ученый выделяет 19 групп «аналит-прилагательных», относя к ним элементы разного происхождения (приставки в

словах *экс-президент*, *суперкризис*, первые части сложных слов (корни) в словах *лжеучение*, *лжедрузья*, имена числительные, например *космонавт-два*, *командарм-четыре*, а также наречия и частицы в сочетаниях типа *жулик поневоле*, *сабля наотмашь*, *тоже-политики* и проч. [Панов 2004]). В конце XX века языковые факты свидетельствуют об активизации той словообразовательной модели, которую М.В. Панов назвал конструкцией с аналитическими прилагательными: в НСЗ-90 весьма широко представлены новообразования типа *гольф-площадка*, *допинг-проба*, *рэп-исполнитель* и под., как заимствованные, так и созданные на базе русского языка [Горбов 2010; Коряковцева 2016].

Данные образования являются относительно новым для русского языка явлением, но, несомненно, ярким, «получившим, однако, в последние годы большое распространение и продолжающим интенсивную экспансию» [Горбов 2010: 26]. Исследователи обращают внимание на то, что связь между компонентами подобных композитов «является подчинительной и носит атрибутивный характер», однако «зависимость не выражена никакими сегментными средствами» [Горбов 2010: 27], а атрибутивный компонент не имеет форм словоизменения. В рамках нашего исследования мы исходим из уже имеющейся в НСЗ-90 словарной фиксации подобных единиц.

По данным исследователей, эта модель начала распространяться еще в середине восьмидесятых годов, что можно объяснить с прагматической точки зрения: «сложные слова этого типа обеспечивают компрессию текста ...» [Бенины 2003: 340—341], однако на рубеже XX—XXI веков наблюдается «очевидная активизация» использования данной модели, по образцу заимствований создаются целые серии «структур типа *рок-движение*, *рок-тусовка*, *тележизнь*» [Земская, Рудник-Карватова 2010: 212].

В подобных новообразованиях в качестве словообразовательных элементов могут выступать аффиксоиды (префиксоиды). Группа производных с аффиксоидами будет рассмотрена в отдельном параграфе, хотя отделение неадериватов с аффиксоидами от сложных слов представляет известную трудность.

Еще один теоретически сложный вопрос, который возникает при анализе новых композитов, – это вопрос разграничения словообразовательных неологизмов и заимствований. Так, например, многие новообразования с начальными элементами *бизнес-*, *веб-* / *web-*, *интернет-*, *панк-*, *ПР-* / *PR-*, *секс-* (*бизнес-авиация*, *бизнес-администратор*, *бизнес-банк*, *бизнес-группа*; *веб-служба*, *веб-страница*, *веб-услуги*; *интернет-агентство*, *интернет-бизнес*, *интернет-гуру*, *панк-дива*, *панк-клуб*, *ПР-акция*, *секс-журнал*, *секс-рабство* и др.) определяются авторами НСЗ-90 как заимствования (в том числе и как кальки или полукальки). Однако наряду с указанными англицизмами в НСЗ-90 фиксируются исконно русские образования, созданные по той же модели (*бизнес-дело*). В ряде случаев (например, у неологизмов *интернет-журнал*; *интернет-издательство*) авторы в словообразовательно-этимологической справке указывают оба возможных пути возникновения слова, т.к. однозначно трактовать его происхождение затруднительно.

Е.И. Коряковцева, анализируя подобные образования, пишет: «заимствование некоторых англо-американских аффиксов и деривационных моделей композитов способствует переносу системных явлений английского языка на словообразование русского, польского, чешского языков, усиливая в них черты аналитизма и агглютинативности, способствуя появлению новых способов сложения основ слов» [Коряковцева 2016: 119, см. также Горбов 2010; Земская, Рудник-Карватова 2010 и др.]. Исследователи отмечают, что «под воздействием английской агглютинативной модели композитов» в русском языке «происходит становление и развитие нового словообразовательного типа сложных слов, образуемых без помощи соединительной гласной» [Коряковцева 2016: 122]. Славянские языки, по замечанию Е.И. Коряковцевой, творчески осваивают пришедшую из английского языка модель: славянским композитам присущи «а) цельнооформленность слов; б) общность словообразовательного значения синтагматического типа, которое заключается в выражении неконкретизированных атрибутивно-объектных отношений в рамках сложного понятия об объекте или ситуации; в) общность способа словообразования,

который состоит в грамматически неоформленном «сцеплении» двух существительных, преимущественно иноязычных по происхождению» [Коряковцева 2016: 122].

Анализ многоосновных неологизмов, появившихся в русском языке на рубеже XX–XXI веков, еще раз подтверждает тезис Н.А. Янко-Триницкой о том, что в языке нередки пограничные случаи, когда однозначно квалифицировать языковую единицу нелегко: «между словосочетанием и сложным словом, а также между сложным словом и простым словом есть много переходных случаев, как например, между словосочетанием с приложением и сложным словом из двух существительных без соединительной гласной, а также между сложным словом и простым словом с суффиксоидом или префиксоидом» [Янко-Триницкая 2001: 375].

Особый интерес представляют зафиксированные в НСЗ-90 контаминированные образования: *детскотека* ‘дискотека для детей (от 6 до 12 лет) и их родителей’ – *детская* + *дискотека*; *досидент* ‘диссидент, отсидевший в заключении весь срок без реабилитации’ – *досидеть* + *диссидент*; *сетература* ‘то же, что сетевая литература; интернет-литература’ – *сетевая* + *литература*. Их относительно немного (нами зафиксировано около 50 образований), однако факт их лексикографической фиксации важен при интерпретации словообразовательных тенденций в русском языке рубежа XX–XXI веков. Н.А. Николина, понимая контаминацию максимально широко — как случаи, когда «формально в новообразовании представлены, хотя бы одной буквой (точнее, фонемой), оба исходных слова» [В.З. Санников, цит. по: Николина 2011: 42] и анализируя отличительные черты «контаминации как особого способа русского словообразования», отмечает, что «в течение длительного времени контаминация рассматривалась в русистике как способ окказионального словопроизводства, причем часто характеризовалась как маргинальное явление» [Николина 2011: 41]. В то же время, языковая ситуация в России рубежа XX–XXI веков, которую образно называют «праздником вербальной свободы» [Радибурская 2007], стремление говорящих дать образную, эмоциональную оценку происходящему, тенденция к

экономии речевых усилий способствовали тому, что «в конце XX века наблюдается своеобразный «взрыв» в сфере контаминации» [Николина 2011: 44], а сами «гибридные слова начинают активно участвовать в общественной борьбе, отражая позиции разных социальных групп и политических движений» [Николина 2011: 44].

Нередко производные слова, образованные с помощью контаминации, относятся к группе политической лексики и обладают ярко выраженной оценочностью (в первую очередь негативной): *депутан* и *депутана* (*депутат* + *путана*), *дерьмократы* (*дерьмо* + *демократы*), *катастройка* (*катастрофа* + *перестройка*), *кремледворец* (*Кремль* + *царедворец*) и др. В других случаях контаминация используется для создания шуточных наименований или вовсе безоценочно, хотя значительная доля экспрессии присутствует во всех производных контаминантах: *господарищи* (*господа* + *товарищи*), *грибалка* (*грибы* + *рыбалка*), *дельфиада* (*дельфийские игры* + *олимпиада*) и др. Н.А. Лаврова отмечает, что в настоящее время «в общественном сознании возникает потребность фиксировать слова, которые созданы посредством стяжения и которые постепенно приобретают характер воспроизводимости, то есть фигурируют более или менее часто» [Лаврова 2010: 132].

Таким образом, можно говорить, что на рубеже XX–XXI веков контаминация «из периферийного приема создания окказионализмов <...> постепенно превращается в активно действующий способ компрессивного словообразования» [Николина 2011: 45; Николаев 2010, Рацибурская 2017б], и за счет этого происходит перераспределение способов узуального и окказионального словообразования.

Описание сложных неoderиватов будет неполным без анализа аббревиатур. Конец XX века — период очередного «аббревиатурного всплеска». Аббревиация рассматривается как разновидность сложения [Немченко 1994: 269—270], при этом аббревиатуры (сложносокращенные наименования) представляют собой неоднородную группу слов: выделяются инициальные аббревиатуры (буквенные или звуковые), слоговые, смешанные [Немченко 1994: 269—270]. В материалах НСЗ-90 представлены разнообразные типы аббревиатур — всего около 240 единиц:

БД ‘Белый дом’; *БКЗ* ‘Большой концертный зал’; *ГИБДД* ‘государственная инспекция безопасности дорожного движения’; *НПФ* ‘негосударственный пенсионный фонд’; *РПЦ* ‘Русская православная церковь’; *гендир* ‘генеральный директор’; *музтусовка* ‘музыкальная тусовка’ и мн.др.

Е.В. Сенько, характеризуя сложение как весьма востребованный на современном этапе развития русского языка способ словопроизводства, делает вывод, что «новые сложные слова образуются по исконно действующим словообразовательным моделям, а также по моделям, ранее не свойственным русской словообразовательной системе», а активизацию данной структурной группы новой лексики рассматривает как «одно из проявлений более общего процесса — лексической конденсации, выступающей как закономерное следствие универсальных принципов экономичности и избыточности в языке» [Сенько 2007: 189]. Как справедливо отмечает Л.Ю. Касьянова, «сложные неогликиды <...> являются неиссякаемым источником развития, преобразования и обогащения словарного состава русского языка, средством динамичного обновления языковой картины мира» [Касьянова 2012: 92].

2.2. Неологизмы-существительные, образованные с помощью аффиксоидов

Активное участие в словопорождении в русском языке конца XX века принимают так называемые аффиксоиды – морфемы переходного типа, восходящие к корневым морфемам, как исконно русским, так и греко-латинским, а в настоящее время и английским. Яркой особенностью аффиксоидов (полуаффиксов) считается их словообразовательная активность, широкая сочетаемость с разнообразными основами, а также семантическая и генетическая связь с корневыми морфемами [Немченко 1994: 66]. «Производные слова, содержащие аффиксоиды, обычно рассматриваются как сложения» [Немченко 1994: 66], но ряд исследователей (Е.И. Коряковцева, Л.В. Рацибурская и др.) в настоящее время выделяет

аффиксоидацию в качестве самостоятельного способа словообразования [Коряковцева 2016]. В связи с большим объемом и специфическими особенностями словообразовательного форманта (морфема переходного типа) считаем закономерным рассматривать производные, образованные с помощью аффиксоидов, особо.

Прежде чем анализировать новые производные, необходимо дать определение аффиксоидов и обозначить принципы разграничения аффиксоидов, аффиксов и корневых морфем. В современной отечественной лингвистике определение понятия аффиксоида является дискуссионным, существует несколько различных трактовок этого явления. Авторы РГ-80 не вводят понятия *аффиксоид*, а в списке морфов указывают «повторяющиеся компоненты сложений и аббревиатур» (опорных или предшествующих опорным) [РГ-80: 764–765]. Объективная сложность языкового материала и наличие разных теоретических подходов приводит к тому, что одна и та же единица некоторыми исследователями относится к аффиксоидам, а другими исследователями — к аффиксам или корням. Так, например, В.Н. Немченко как служебные («собственно аффиксальные») морфемы рассматривает элементы *гидро-*, *микро-*, *-лог*, *-скоп*, *-фил* и др. [Немченко 1994: 63], т. к. они «не соотносительны с корневыми морфемами, лишены свойственной корню самостоятельности, не употребляются вне сочетания с собственно корнями или основами» [Немченко 1994: 63], а к аффиксоидам, вслед за Н.М. Шанским, относит только морфемы, которые не утратили генетической связи с корнями, могут использоваться как полноценные корневые морфемы: *сам-* (*само-*); *-вед*; *-воз*, *-ход* и др. [Немченко 1994: 62–66]. Н.А. Янко-Триницкая высказывает противоположную точку зрения: «если подобные компоненты встречаются в виде самостоятельных слов или даже в виде связанных аффиксами корней в простых словах, то мы имеем право признавать эти компоненты вторыми корнями сложных слов» [Янко-Триницкая 2001: 356], а об аффиксоидах можно говорить в тех случаях, когда данные компоненты «в функции корня простых слов не встречаются» [Янко-Триницкая 2001: 356–357]. Е.И. Коряковцева относит к аффиксоидам, в частности, морфемы *-гейт*, *-завр*, -

(о)голик, -(о)номика и традиционно рассматриваемую как суффикс морфему -oid [Коряковцева 2016: 115, 123–124], а О.В. Григоренко – элементы *бизнес-*, *рэп-*, *тату* и мн.др. [Григоренко 2019]. А.Б. Копелиович на основании соотнесения морфемного и словообразовательного уровней языка делает вывод о том, что «составляющие композита равны между собой по признаку мотивированности, являясь по отношению друг к другу формантами, определяющими совместно деривационное значение композита, и в то же время оказываются компонентами мотивирующей базы <...>. Именно это явление и составляет суть аффиксоидности. <...> В сложной основе возникает избыточность категориальных признаков слова: наличие двух и более корневых морфем в слове снижает статус корнесодержащих компонентов композита, придавая им служебный характер и уравнивая их в этом отношении с аффиксами. С этой точки зрения любая моно- или полиморфемная основа, участвующая в образовании сложной основы, уже тем самым становится аффиксоидом, уподобляясь аффиксам по его категориальным признакам – формантности, служебности, местоположению в слове» [Копелиович 2008: 118].

В 2009 году был опубликован словарь «Аффиксоиды русского языка» [Левашов, Козулина, Шагалова 2009], в котором представлено широкое понимание аффиксоидов: «аффиксоиды являются промежуточным, гибридным – аффиксально-корневым – словообразовательным компонентом сложных слов» [Козулина, Левашов, Шагалова 2009: 4–5], при этом аффиксоиды в содержательном плане, согласно словарю, несут корневую нагрузку, т.е. имеют материально-предметное, конкретное, вещественное значение. В качестве одного из признаков аффиксоидов, которые легли в основу отбора языковых единиц для словаря, авторы называют то, что аффиксоиды «не существуют в языке в качестве самостоятельных слов (их основ)» [Козулина, Левашов, Шагалова 2009: 4]: по этой причине в словарь не включаются элементы типа *бизнес-*, *гей-*, *секс-* и др. Данная позиция, теоретически достаточно обоснованная, на практике не всегда может быть реализована: так, элементы *авто-* (‘автомобильный’), *видео-* или *порно-*, включенные в словарь аффиксоидов, могут употребляться в качестве самостоятельных слов – в НКРЯ

зафиксированы, например, такие контексты: *Для того чтобы пуститься в путь на личном **авто**, придётся обзавестись страховым полисом [НКРЯ]; Фильм сделан так, что тут же возникло желание посмотреть всего Росселлини, которого на лицензионном **видео**, конечно же, не оказалось [НКРЯ]; Сейчас ходит по сети забавное **видео**, кошка ездит на роботе-пылесосе, играет с ним [НКРЯ]; Огромную подпольную студию, транслирующую на весь мир через Интернет "живое" **порно**, обнаружили вчера стражи порядка в подмосковном Королеве [НКРЯ]* и т.д. В то же время, отнесение подобных элементов к аффиксоидам (префиксоидам) в целом признается исследователями.

Трудности в определении аффиксоидов связаны и с тем, что этим понятием обозначаются как исконно русские элементы (*сам(о)-, -мер* и др.), так и заимствованные, в том числе относительно недавно. «Нерешенных вопросов, связанных с выделением аффиксоидов в иноязычной по происхождению лексике, достаточно много» [Зеленин 2012: 278; Русакова 2013]. На наш взгляд, следует признать отсутствие четких границ между морфемами разных видов (корни — аффиксоиды – аффиксы), обусловленное эволюцией языковой системы, наличие среди аффиксоидов «центра» и «периферии», а также сложившуюся традицию отнесения тех или иных морфем к аффиксоидальным. В рамках настоящей работы при отнесении морфем к аффиксоидам, корням или аффиксам использовались на данные словаря «Аффиксоиды русского языка», а также указатель морфов, приведенный в РГ-80 [РГ-80: 755–765].

Среди сложных слов, как уже упоминалось выше, мы отдельно выделили группу новообразований, созданных с помощью аффиксоидов. Подобных неологизмов было выявлено около 700: это новообразования с префиксоидами *авиа-, авто-, астро-, био-, вело-, зоо-, лже-, медиа-, микро-, нарко-, порно-, теле-* и др. и с суффиксоидами *-вед, -лог, -ман* и др. Префиксоиды, как известно, преобладают, а материалы НСЗ-90 показывают и их более высокую по сравнению с суффиксоидами деривационную активность.

По степени активности (продуктивности) префиксоиды различаются между собой. Анализ новых производных, образованных в результате префиксоидации (присоединения к основе префиксоида), показал, что в большинстве случаев количество неограниченных с конкретным формантом относительно невелико – в среднем с одним и тем же префиксоидом фиксируется не более 10 новых единиц. Невысокую активность демонстрируют префиксоиды *астро-*, *вело-*, *гидро-*, *зоо-*, *крио-*, *полу-*, *психо-*, *ретро-*, *эко-*, *этно-* и нек.др.: по данным НСЗ-90, каждый из них участвует в образовании менее чем 10 неологизмов: *астроминералогия*, *астропсихолог*; *велошорты*; *гидроаэробика*; *зоозащита*, *зооиндустрия*; *криолечение*, *криопорошок*; *полубомж*, *полудиссидент*, *полурынок*; *психопрограммирование*; *ретроавтомобиль* / *ретро-автомобиль*; *экобезопасность*, *экомузей*; *этнотуризм*, *этночистка* и др.

Другие префиксоиды оказываются более активными в процессе словопорождения – зафиксировано более 10 новообразований с формантами *аудио-*, *кибер-*, *коммуно-*, *медиа-*, *нео-*, *промо-* и др.: *аудиомагнитофон*, *аудиопират*, *аудиорынок*; *кибервойна*, *киберкафе*, *киберпреступность*; *коммунопатриоты* / *коммуно-патриоты*, *коммуношовинисты* / *коммуно-шовинисты*; *медиаимперия* / *медиа-империя*, *медиакороль* / *медиа-король*, *неонэпман*, *неопанк* / *нео-панк*, *неототалитаризм*; *промо-клип*, *промо-команда*, *промо-сайт* и др. Часть из рассмотренных префиксоидов обнаруживается в заимствованиях из английского: *медиаменеджер* / *медиа-менеджер* от англ. *media manager*; *нанокomпьютер* / *нано-компьютер* от англ. *nanocomputer*; *экотерроризм* от англ. *eco-terrorism* и др. Исследования аффиксоидов в новообразованиях XXI века свидетельствуют о том, что аффиксоиды в заимствованных словах могут проявлять деривационную активность и на русской почве [Социокультурные и лингвопрагматические ... 2018].

Особо следует выделить наиболее продуктивные префиксоиды, которые обнаруживаются в нескольких десятках дериватов: *видео-* (около 70 производных), *лже-* (более 30 производных), *мини-* (около 40 производных), *порно-* (более 50 производных), *теле-* (около 40 производных): *видеоновинка*, *видеохит*, *видеошоу*;

лжебизнесмен, лжереформатор, лжеэкспорт; мини-НАТО, мини-перестройка, мини-пивоварня, мини-СССР; порномафия, порносайт; телегенерал, теледива, телепроект и др. Наибольшее число производных (около 80), по нашим данным, было зафиксировано с префиксоидом *нарко-*: *наркобазар, наркобарон, наркоденьги, наркодилер, наркокафе, нарколобби, наркомусыка, наркопритон* и мн.др. Такая высокая частотность данного префиксоида объясняется, видимо, экстралингвистическими причинами (более подробно об этом — в главе III) и не может не вызывать беспокойства.

Хотя суффиксоиды менее активно используются в процессе словопорождения в русском языке конца XX века, они также востребованы при конструировании новообразований. В НСЗ-90 отмечено более 50 новообразований, в создании которых использовались такие суффиксоиды, как *-вед, -воз, -ман, -фил* и др.: *фабержевед* ‘специалист по изделиям российской ювелирной фирмы Фаберже (середина XIX – начало XX в.)’; *деньговоз* ‘специализированный бронированный автомобиль для перевозки денег и других ценностей, снабженный надежными средствами защиты и охраной’; *пивоман* ‘то же, что пиволуб; пивник’; *китаефил* ‘любитель всего китайского (языка, культуры, обычаев и т.п.)’; а также *мышкодром, литрбол, похметолог* и др.

Нужно отметить, что не всегда способ создания новообразования определяется однозначно. Это связано как с внутриязыковыми причинами (отсутствие возможного производящего слова, влияние аналогии), так и с некоторыми нерешенными теоретическими вопросами: например, спорным является статус элементов *-крат(ия), -ман(ия), -фил(ия), -фоб(ия)*. Следует ли их рассматривать как элементы, состоящие из двух морфем – аффиксоидов *-крат, -ман, -фил, -фоб* и суффикса *-и(я)*, – или рассматривать их как самостоятельные суффиксоиды, что в принципе возможно, если учитывать вероятность образования неологизма по конкретному образцу [Зеленин 2012; Козулина, Левашов, Шагалова 2009; РГ-80: §556]. К тому же, *мания* и *фобия* функционируют в русском языке как самостоятельные лексемы. На наш взгляд, подобные элементы ввиду их

частотности и словообразовательной активности могут рассматриваться как непосредственные дериваторы. Однако трудности вызывает интерпретация парных образований типа зафиксированных в НСЗ-90 *алисомания – алисоман; дискомания – дискоман; натомания / НАТО-мания – натоман; ретромания – ретроман; ворократия —ворократ, кавказофобия — кавказофоб* и под.: следует ли рассматривать их как словообразовательные пары, в которых слова с финалью *-и(я)* – производные [РГ-80: §556], или же, наоборот, допустить обратное словообразование и считать производными наименования лиц (в соответствии с семантическим критерием: *алисоман* – *‘тот, кто испытывает алисоманию’), или, наконец, рассматривать их как кодериваты [Зеленин 2012]. Нам ближе последняя позиция: применительно к новейшему языковому материалу нельзя однозначно утверждать, как было сконструировано новое слово, что повлияло на причину его создания – наличие потенциально производящего, влияние аналогии, конкретный образец и под. Эта позиция поддерживается следующим наблюдением: в НСЗ-90 фиксируется ряд образований с элементом *-ман(ия)*, у которых нет парных производных: *врагомания* ‘чрезмерная страсть к необоснованным поискам идейных противников, врагов’; *динозавромания* ‘повышенный интерес к динозаврам, страстное увлечение ими’; *президентомания*. Однако образования *врагоман; динозавроман; интернетоман*; выдаются в ответ на запрос в поисковой системе «Яндекс»: *Но, клянусь шляпой, вся эта идейная грязь от пришельцев — врагоманов* (всего на запрос выдано 3 ответа, возможно, данное новообразование – индивидуально-авторское); *Всем динозавроманам посвящается этот пост! Увлечением динозаврами переболели оба моих ребенка* (всего на запрос выдан 191 ответ); *В конце концов, "интернетоман" может довести дело до полной потери всех социальных связей* (всего на запрос выдано 2 тыс. ответов) (примеры с сайта www.yandex.ru (дата обращения 10.07.2013)). На запрос в НКРЯ это производные не выдаются.

Выборка из НСЗ-90 показала высокую частотность формантов *-ман / -ман(ия)*. Вторыми по частотности использования оказываются элементы *-фоб / -фоб(ия)*:

кагэбэфобия; мигрантофобия; чернофоб – чернофобия; чеченофобия и др. Употребление этих формантов в качестве дериваторов объясняется, видимо, экстралингвистическими причинами и подробнее будет рассмотрено в главе III.

С помощью элемента *–вед* образовано 6 производных: *высоцковед* ‘тот, кто изучает жизнь и творчество поэта, актера, певца В. Высоцкого’; *гербовед* ‘специалист по гербоведению’; *канадовед* ‘специалист по изучению Канады (ее истории, экономики, культуры и т.п.)’ и др. Производные называют лицо «по профессиональному занятию» [РГ-80: §579], специалиста в той или иной области знания. Авторы РГ-80 относят подобные производные к сложениям с опорным (вторым) компонентом – глагольной основой. Однако устарелость глагола *ведать*, а также регулярность и частотность использования элемента *–вед* в словообразовании, описание элемента *-вед* в словаре аффиксоидов [Козулина, Левашов, Шагалова 2009: 48], фиксация неологизма *вед* как самостоятельного слова в НСЗ-90 (‘специалист в какой-л. области знания (чаще об искусствоведе, критике)’) позволяют предполагать, что новые производные образуются непосредственно с помощью этого форманта. Среди производных преобладают образования от имен собственных, в первую очередь от фамилий деятелей культуры, писателей: *достоевед* ‘исследователь жизни и творчества Ф.М. Достоевского’; *дюмавед* ‘исследователь жизни и творчества французского писателя А. Дюма’; *набоковед*. При построении новообразований часто используются соединительный гласный *–о–* (*дракуловед* ‘тот, кто занимается изучением всего того, что связано с именем Дракулы – знаменитого персонажа литературы и кино’ < *Дракул(а) + о + вед*; *гербовед* < *герб + о + вед* и др.), хотя в отдельных случаях он может отсутствовать (*дюмавед* < *Дюма + вед*). В новообразовании *достоевед* наблюдается усечение производящей основы и наложение морфем (*Достоевск(ий) + о + вед* > *достоевед*), при этом у данного новообразования отмечаются дублетные *достоевсковед* и *достоевист* (последнее – по данным НСЗ-90).

В создании новообразований, зафиксированных в НСЗ-90, участвуют также элементы *–крат / крат(ия)*; *–лог / лог(ия)*; *–фил / –фил(ия)*: обнаружены

немногочисленные примеры типа *геронтократ* ‘правитель страны, чиновник высокого ранга в преклонном возрасте // о государственной правящей элите преклонного возраста’; *муллократия*; *криминократия*; *германофилия* ‘пристрастие, любовь к Германии, ко всему немецкому; германофильство’; *этнофилия*, *чеченофилия*; *имиджелогия* ‘наука, рассматривающая различные стороны имиджа как явления’; *сомнология*, *феминология* и т.д.

В рассматриваемой группе новообразований необходимо отметить также ряд слов, происхождение которых может трактоваться по-разному. В частности, отдельные неологизмы могут рассматриваться и как заимствования, и как словообразовательные неологизмы, имеющие несколько производящих: в словообразовательно-этимологической справке к новации *гомофоб* ‘тот, кому свойственна гомофобия’ авторы НСЗ-90 указывают возможный английский этимон *homophobia*, а также два возможных пути происхождения слова на русской почве – как производное от *гомофобия* (тоже новообразование 90-х гг. XX века, ‘неприятие гомосексуализма, нетерпимость к гомосексуалистам’) и как образованное в результате сложения элементов *гомо...* + *...фоб*.

Среди новообразований с суффиксоидами есть как безоценочные (*гирудолог*, *имиджелогия*), так и оценочные (*геронтократ*, *демонократия*) единицы (подробнее об этом – в главе III).

Кроме эмотивных помет новообразования снабжаются стилистическими пометами, указывающими на преимущественную сферу функционирования новации. Так, весьма частотной оказывается помета «публицистическое»: она сопровождает слова *геронтократ*, *ворократ*, *ворократия*; *центрофобия* и др. Наличие данной пометы представляется вполне закономерным, т.к. анализируемые неологизмы характеризуют общественно важные, значимые реалии, дают им своеобразную оценку, использование подобных новаций позволяет воздействовать на слушателя или читателя текста, навязать ему соответствующее отношение к описываемым фактам, а все это присуще публицистическим произведениям. Ряд

неологизмов сопровождается пометой «разговорное» (*кагэбэфобия*, *клиподел*, *пиволюб*) или «профессиональное» (*доплеография*).

«Активно протежируя новообразованиям указанного типа, язык тем самым отдает предпочтение таким тенденциям, как лингвистическая экономия и регулярность; эти тенденции обеспечивают стандартность языковых единиц, в чем чувствуется давление на общелитературный язык терминологических подсистем» [Сенько 2007: 246].

2.3. Неологизмы-существительные, образованные способом суффиксации

Вторым по степени активности способом образования новых существительных является суффиксация (этим способом образовано более 1500 существительных, обнаруженных нами в НСЗ-90, т. е. около 30%). Широкое использование суффиксального способа при образовании неологизмов не случайно, поддерживается на морфемном уровне языка: как отмечают исследователи, «более 60% всех суффиксальных морфов — это морфы существительных» [Улуханов 1996: 105].

Имена существительные, образованные в результате суффиксации, представляют собой многочисленную и весьма неоднородную группу новых слов, включающую в том числе и универбаты: *ваучеризатор*; *мануальщик*; *марсоходик*; *общеобразовалка* и мн.др. Новые субстантивы могут быть мотивированы как существительными, так и глаголами и прилагательными, а при их образовании весьма активно используются разнообразные словообразовательные модели и типы, существующие в русском языке. Среди новых имен существительных можно выделить представительные группы неологизмов, обозначающих лицо, неодушевленный предмет, отвлеченный признак или отвлеченное действие (отвлеченный процессуальный признак по РГ-80). Неологизмы с иными словообразовательными значениями (женскости, невзрослости, субъективной оценки) также представлены в НСЗ-90, но в значительно меньшем объеме.

2.3.1. Новые существительные со значением лица

Наименования лиц — одна из наиболее многочисленных тематических групп в лексическом фонде русского языка, что вполне легко объясняется воздействием экстралингвистических факторов, стремлением говорящих дать номинации людям, объединенным какой-либо общей чертой, характеристикой. Велико число слов данной группы и среди новой лексики — как отмечают исследователи, это один из «ярких „неогенных“ участков лексической системы» [Григоренко, цит.по: Карева 2012: 93], а по данным неологической картотеки Словарного отдела ИЛИ РАН, существительные — имена лиц составляют около 10% выборки новой лексики [Карева 2012: 93]. Новые наименования лиц могут быть созданы разными путями (заимствование, развитие нового значения), а словообразовательная подсистема русского языка предоставляет широчайшие возможности для конструирования подобного рода номинаций, как от основ существительных, так и от основ прилагательных и глаголов.

2.3.1.1. Существительные со значением лица, мотивированные существительными

Наиболее значительную группу имен существительных (более 100 единиц), обозначающих лицо, образуют неологизмы, созданные с помощью суффикса *-ец / -и(ы)*, который может присоединяться к производящим основам при помощи интерфиксов. В отечественной науке существует мнение, согласно которому производные типа *вузовец* или *ленинец* являются отадъективными [РГ-80: §287], однако в рамках данной работы мы придерживаемся позиции Е.А. Земской и рассматриваем подобные производные, семантически мотивированные существительными, как отсубстантивные [Земская 2009б: 269—271].

Новообразования с суффиксом *-(ов)ец* чаще всего обозначают «лицо — сторонника, последователя того или иного деятеля, названного производящим

словом», а также «лицо, по роду деятельности связанное с организацией, названной производящим словом», например: *бериевцы* ‘сотрудники научно-технического комплекса им. Г.М. Бериева’; *ГУОПовцы* / *гуоповцы* ‘сотрудники ГУОПа (Главного управления по борьбе с организованной преступностью)’; *интерполовец* ‘сотрудник Интерпола’; а также *гринписовцы*, *ЛАЭСовцы*, *ЛУКойловцы* / *лукойловцы*, *полумарафонцы*, *черномырдинцы* и др. Д.А. Осильбекова, анализируя производные подобного типа, отмечала, что «такие новообразования имеют прозрачную внутреннюю форму и понятны вне контекста» [Осильбекова 2012: 31].

Многие неологизмы, образованные с помощью суффикса *-(ов)ец*, мотивированы именами собственными, являются производными от антропонимов - фамилий российских и зарубежных политических деятелей, лидеров, известных деятелей культуры и т.п.: *болдыревцы* ‘члены политического блока, возглавляемого Ю.Ю. Болдыревым’; *говорухинцы* ‘1. Сторонники, последователи деятельности С.С. Говорухина как кинорежиссера; 2. Члены фракции «Демократической партии России», возглавляемой им’; *живковцы* ‘идейные сторонники бывшего политического лидера Болгарии Т. Живкова’ и др. В качестве производящих могут выступать и имена собственные (в том числе и в виде аббревиатур), называющие те или организации: *альфовец* ‘член антитеррористического подразделения спецслужб «Альфа» ...’; *апрелевец* ‘член ассоциации российских писателей «Апрель»’; *вестевец* ‘сотрудник редакции информационной телевизионной программы «Вести»’; *видовцы* ‘сотрудники телекомпании «Вид»’ и др. От инициальных аббревиатур образованы неологизмы *АОДовец* / *аодовец* ‘член АОД (общественно-политическая организация – Армянское общенациональное движение)’; *бээнэфовцы* ‘члены, сторонники БНФ (Белорусский народный фронт – одна из оппозиционных политических организаций Белоруссии)’; *ЛДПРовцы*, *насовцы*, *СОБРовцы* / *собровцы*, *УЭПовцы* / *уэповцы* и др.

В статусе производящих оказываются и названия республик: *башкортостанцы* ‘жители Республики *Башкортостан* (Башкирии)’; *ичкерийцы* ‘граждане Чеченской Республики — *Ичкерии*’; *татарстанцы*. Любопытно

отметить, что новообразования называют не народность (для подобных обозначений в языке уже есть наименования – *башкиры, чеченцы*), а группу лиц, проживающих на определенной территории.

Ряд отмечаемых в НЗС-90 новообразований дается с разного рода пометами, указывающими на сферу их употребления и стилистическую окраску: помета «разговорное» сопровождает слова *ДВРовцы* ‘члены партии ДВР ...’; *дисбатовец* ‘подвергнутый уголовному наказанию военнослужащий, проходящий службу в дисциплинарном батальоне (дисбате)’, *НДРовцы, ОВРовцы, омоновец / ОМОНовец* и др. С пометами «разговорное профессиональное» толкуются неологизмы *аифовец, бериевцы, взглядовец* и др.

Рассмотренной выше словообразовательной модели «основа существительного + *-(ов)ец*» оказывается синонимична еще одна продуктивная модель: «основа существительного + *-ист*». Она оказывается достаточно активной в русском языке в конце XX века (в НЗС-90 зафиксировано более 90 отсубстантивных производных с дериватором *-ист*) и используется для создания номинаций лиц «по принадлежности к общественно-политическому, идеологическому, научному направлению, по сфере занятий, склонности, названным мотивирующим словом» [РГ-80: §343]. По данной модели созданы такие неологизмы, как *айкидоист* ‘тот, кто занимается восточным единоборством айкидо ...’; *календарист* ‘собиратель, коллекционер календарей’; *кармист* ‘специалист по определению, исследованию и т.п. кармы (предопределенности судьбы человека); диагност по карме’, *оригамист, панк-металлист, пуцист, руцкист, ушуист* и др. При этом в качестве производящих нередко выступают основы заимствованных, в том числе и относительно недавно, слов (например, *бестселлер, гербалайф, квилт* и др.): *бестселлерист* ‘автор бестселлера, бестселлеров’; *гербалайфист* ‘то же, что гербалайфщик ...’; *квилтист* ‘кто работает в технике лоскутного шитья, создает произведения в стиле квилт’ и др. Среди новообразований, созданных по данной модели, отмечаются производные как от имен нарицательных (*гольфист – гольф; граффитист – граффити*), так и от имен собственных (*достоевист – Достоевский*;

звиадисты ‘сторонники Звиада Гамсахурдиа; члены возглавляемого им националистического движения’ – *Звиад* (Гамсахурдиа)). В.В. Лопатин и И.С. Улуханов выделяют словообразовательный подтип со значением «лицо, по своим идейно-политическим, научным, эстетическим и т. п. взглядам являющееся сторонником того, что названо или кто назван мотивирующим существительным, а также принадлежащее к политической организации, связанной с именем лица или событиями какого-л. времени (месяца), названными мотивирующим существительным» [Лопатин, Улуханов 2016: 394]. Надо отметить, что производных от имен собственных с суффиксом *-ист* меньше, чем с суффиксом *-(ов)ец*.

Интересным оказывается сопоставление новообразований *достоевист* – *жириновцы*, которые, при общности характера производящей основы и морфонологических явлений (основы – имена собственные с финалью *-вский*, где часть *-ск-* при словопроизводстве усекается), различаются не только дериваторами, но и семантикой: *достоевист* – ‘тот, кто изучает жизнь и творчество Ф.М. Достоевского’, а *жириновец* – ‘тот, кто является идейным сторонником, последователем В.В. Жириновского’.

Названием ученого по объекту изучения является и новообразование *дерматоглифист* ‘специалист в области дерматоглифики’. На принадлежность к тому или иному общественно-политическому направлению указывают новообразования *антимонетарист* ‘сторонник антимонетаризма’; *логоцентрист* ‘сторонник, последователь логоцентризма – признания абсолютной ценности слова’; *некрореалист*, *перформансист* / *перфомансист*, *суперэкуменист* и др. При этом, в соответствии с языковой системой, у мотивирующих основ усекается суффикс *-изм* (*логоцентризм*, *некрореализм*, *суперэкуменизм* и др.).

Среди неологизмов отмечается группа имен – номинаций спортсменов, мотивированных названиями соответствующих видов спорта: *боулингист* ‘тот, кто увлекается игрой в боулинг; спортсмен, занимающийся боулингом’; *VELOальпинист* ‘спортсмен, занимающийся велоальпинизмом’; *кёрлингист* ‘спортсмен, играющий в

кёрлинг ...»; *пауэрлифтингист* 'спортсмен, занимающийся пауэрлифтингом ...'; *сумоист* и *сумист*, *ушуист* и др.

Новые существительные с суффиксом *-ист* могут быть как нейтральными, стилистически не окрашенными, так и стилистически окрашенными. С пометой «книжное» (в целом весьма редкой для НСЗ-90) дается новообразование *вуайерист* '1. Тот, кто страдает вуайеризмом; 2. Тот, кто склонен к подглядыванию, к пассивному равнодушному наблюдению за кем-, чем-л.'. Напротив, весьма частая в НСЗ-90 помета «разговорное» сопровождает и некоторые новообразования анализируемой модели: *ваучерист* '2. Скупщик ваучеров; торговец ценными бумагами, специализирующийся на ваучерах'; *камазист* 'водитель автомобиля КамАЗ'; *пофигист* и др. С пометой «публицистическое» даются новообразования *ельцинисты*, *демофашисты*, *катастрофист* 'тот, кто нагнетает катастрофизм (ощущение бедственности, катастрофичности момента, положения)'. Обладают отрицательной коннотацией неологизмы *ваучерист*; *натофашист* / *НАТО-фашист* (с пометами «неодобрительное») и *содомист*, *фекалист* (с пометами «презрительное») и др.

Достаточно продуктивным при образовании новых наименований лиц в русском языке конца XX века оказывается тип «основа существительного + *-щик* / *-чик*», со словообразовательным значением 'лицо, «характеризующееся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом»' [РГ-80: §331]. В НСЗ-90 фиксируется около 50 новообразований, созданных по данному типу: *автостопщик* 'тот, кто путешествует автостопом ...'; *галерейщик* 'владелец художественной галереи ...'; *граффитчик* 'то же, что граффитист (тот, кто создает граффити)'; *партноменклатурищик*, *пирамидчик*, *суверенищик*, *флаерищик* и т.д. От внешних заимствований *вэлфер* / *вэлфэр* / *велфер* / *велфэр* 'государственная помощь иммигрантам и малоимущим в США в виде специальных пособий, бесплатных продуктовых талонов и т.п.' (*welfare*, англ.); *Интернет* (*Internet*, англ.), *PR* и др. образованы производные имена лиц *вэлферищик* / *велфэрищик* / *вэлфэрищик* 'тот, кто получает вэлфер'; *интернетчик* 'тот, кто пользуется Интернетом' *пиарищик* и др.

Мотивируются внутренними заимствованиями такие новации, как *беспредельщик* ‘тот, кто творит беспредел, беспредельничает ...’; *катраник* ‘1. Содержатель катрана (игорного притона); 2. Картежный мошенник’ и др. В качестве производящих могут выступать и слова, существующие как бы на грани узуального и окказионального: так, зафиксированное в НСЗ-90 производное *катастройщик* ‘о том, кто инициирует, осуществляет, поддерживает перестройку, ставшую катастрофой’ образовано от контаминанта *катастройка* (*катастрофа* + *перестройка*), тоже описанного в НСЗ-90.

Интересными для анализа представляются слова *антикварищик* ‘1. Специалист по антиквариату, коллекционер антиквариата // предприниматель в сфере антикварного бизнеса; 2. Вор, специализирующийся на краже антиквариата; 3. Работник правоохранительных органов, специализирующийся на раскрытии преступлений, связанных с кражей антиквариата’; *биолокаторщик* ‘специалист по биолокации ...’ и *блокираторщик* ‘то же, что блокиратор; блокировщик’, в которых имеет место так называемая «доаффиксация». Как отмечала Н.А. Янко-Триницкая, явление доаффиксации (чаще всего – досуффиксации) довольно широко распространено в языке и состоит в том, что «безаффиксные или аффиксальные имена или глаголы приобретают суффикс или префикс для вящей выразительности того значения, которое в слове уже есть» [Янко-Триницкая 2001: 61]. Суть же этого явления заключается в том, что слову сообщается большая «словообразовательная или семантическая выразительность» [Янко-Триницкая 2001: 61]. Действительно, с одной стороны, производящие *биолокатор* ‘1. Экстрасенс, оказывающий услуги в области биолокации; ...’ и *блокиратор* ‘2. Сотрудник специальных служб, осуществляющий блокировку автомобиля с помощью такого устройства [*блокиратора* в 1-м значении. – **Е.Ж.**]’ могут обозначать лицо – производителя действия. С другой стороны, типы с суффиксом *-атор* обладают весьма широкой семантикой и могут называть «лицо, предмет, вещество, характеризующееся отношением к тому, что названо мотивирующим словом» [РГ-80: §342], а также «лицо, производящее действие, названное мотивирующим словом, или предмет,

предназначенный для его осуществления» [РГ-80: §224], поэтому и производные оказываются многозначными либо омонимичными. Таким образом, присоединение суффикса *-щик* к производящим основам с суффиксом *-атор* ограничивает значение производного, которое начинает обозначать только лицо.

Новообразование *антикварищик* также оказывается, на первый взгляд, семантически избыточным, тавтологичным, т.к. его производящее *антиквар* указывает только на лицо – ‘1. Торговец антиквариатом; 2. Любитель, знаток и собиратель антиквариата’ [БАС-3]. Однако производное возникает вполне обоснованно: во-первых, благодаря дериватору оно встраивается в обширную группу слов – наименований по роду деятельности, профессии (ср.: *зеленищик*, *мороженщик*, *старьевщик*, *тюремщик* [РГ-80: §331], отмечаемое в НСЗ-90 *галерейщик* и др.). Во-вторых, новое *антикварищик* и уже существовавшее *антиквар* частично расходятся по семантике: ‘торговец антиквариатом, его собиратель или любитель’ несколько не то, что ‘предприниматель в сфере антикварного бизнеса’, ‘специалист или коллекционер, вор или сотрудник правоохранительных органов’ – можно сказать, что на семантику нового слова оказывает влияние иная социокультурная ситуация.

Интерес для анализа представляет существительное *братчик* ‘член Белого братства’, которое, по мнению авторов НСЗ-90, мотивируется названием религиозной секты «Белое братство». Таким образом, семантика корневой морфемы *-брат-* выражается менее отчетливо, в то время как значение суффикса начинает играть более значительную роль в формировании лексического значения слова, т.к. благодаря суффиксу новое слово легко встраивается в ряд слов, указывающих на принадлежность к определенной группе лиц (ср. *комбедчик* [РГ-80: §331]).

В большинстве случаев новообразования с суффиксом *-щик* оказываются стилистически окрашенными: например, с пометой «разговорное» даются слова *балконщик* ‘тот, кто выращивает плодово-ягодные и овощные культуры на балконе’; *героинщик* ‘наркоман, употребляющий героин’, *автостопщик*, *психотронщик*, *рок-н-ролльщик* и др. Эта помета оказывается самой частотной в рассматриваемой

группе неологизмов, причем иногда она как бы «повышает» статус новой единицы: так, характеристика слова *беспредельщик* как «разговорного» частично снимает с него жаргонный «шлейф», который был свойствен его производящему *беспредел*. С пометой «разговорное профессиональное» подаются неологизмы *масс-медийщик*, *мультимедийщик*, *хай-эндщик*; помета «жаргонное» характеризует, например, слова *гамщик*, *катраник*, *распальцовщик*; а экспрессивное новообразование *катастройщик* дается с пометами «публицистическое неодобрительное», которые характеризуют и производящее слово *катастрофа*.

Многие новообразования с суффиксом *-щик* фиксируются в НСЗ-90 как однозначные слова, в то же время часть неологизмов трактуется как полисемантические единицы: отмечено несколько значений у неодериватов *антиквариик*, *гербалайфчик*, *катраник*, *лохотроник* и др.

В НСЗ-90 отмечаются также семантические неологизмы с суффиксом *-чик*. Однако, на наш взгляд, в некоторых случаях имеет место семантическое агрегатирование (вторичная номинация): например, наименование болельщиков спортивного клуба «Зенит» совпало с названием военнослужащих зенитных подразделений: *зенитчики** ‘то же, что зенитовцы (болельщики футбольной команды «Зенит»)’, ср. в БАС-3: *зенитчик* ‘военнослужащий зенитного подразделения’.

Новые отсубстантивные существительные со значением лица активно образуются и с помощью суффикса *-ник* (около 50 новых производных): *бытовушник* ‘тот, кто находится под следствием или осужден за преступление на бытовой почве’; *державник* ‘1. Сторонник единого, неделимого, сильного, независимого государства, соблюдения его основных интересов // сторонник государства, политика которого имеет великодержавный, имперский характер; 2. Представитель, сторонник социально-патриотического движения «Держава»’; *киосочник* ‘владелец киоска, киосков; продавец в киоске’, *новостник*, *остеохондрозник*, *пирамидник*, *ЧСник*, *яблочник* и др. Вообще, словообразовательный тип «основа существительного + *-ник*» обладает весьма

широкой семантикой: слова, созданные по рассматриваемому типу, могут обозначать лицо, животное, растение, помещение, неодушевленный предмет и т.д. [РГ-80: §329]. Однако среди новообразований, встреченных в НСЗ-90, преобладают существительные со значением лица.

Интересны морфонологические явления, возникающие на стыке производящей основы и рассматриваемого дериватора. Во-первых, наблюдаются регулярные чередования: *киоск* – *киосочник*; *барсетка* – *барсеточник* ‘вор, специализирующийся на краже барсеток, сумок ...’ ([к // ч]); *беспредел* – *беспредельник* ‘то же, что беспредельщик’ ([л // л’]). Во-вторых, при сочетании с производящими-аббревиатурами или с производящими – основами неизменяемых слов, имеет место интерфиксация (по Е.А. Земской): *агэшник* ‘приверженец андеграунда ...’, от *АГ* (*андеграунд*) [агэ]; *гибэдэдэшник* ‘сотрудник ГИБДД’; *ГРУшник* ‘сотрудник Главного разведывательного управления Министерства обороны РФ’; *каратэшник* ‘то же, что каратэка (тот, кто занимается карате) ...’, *СНГшник*, *ЧПшник* и др.

Авторы РГ-80, как известно, используют термин интерфиксация в ином значении, а подобные случаи рассматривают как разные морфы определенной морфемы. Морф –*шник* в списке морфов в РГ-80 не указывается, а образования с подобной финалью трактуются как производные от прилагательных (например, *киношник* [РГ-80: §285]). Однако с точки зрения семантической мотивированности рассмотренные новообразования очевидно выводятся из имен существительных, являются отсубстантивными, а не отадективными, поэтому и с формальной точки зрения в словах типа *агэшник* можно выделить суффикс –*ник*/–*шник*, а не –*ик*, несмотря на наличие прилагательных *каратэшный*, *КГБиный* (отмеченных в НСЗ-90), *агэшный*, *гибэдэдэшный* (фиксируемых в НКРЯ). При этом необходимо отметить, что практически все рассматриваемые существительные с финалью –*шник* даются с пометой «разговорное», а разговорной речи свойственны «самые разнообразные механизмы номинации» в том числе и «не предусмотренные системой нормированного языка» [Верещагина 1980: 105].

Помета «разговорное» оказывается преобладающей и для тех неологизмов, у которых нет интерфикса *-ш-*: ею сопровождаются слова *вечерочник* ‘сотрудник ежедневной вечерней газеты ...’; *киосочник* (ср. уже существовавшее и неокрашенное *киоскер* с несколько другим, хотя и близким значением – ‘продавец в киоске’ [БАС-3]) и др. Нередко эта помета дополняется пометами «профессиональное» (*бытовушник, вечерочник, новостник*), «ироническое» (*думник*), «неодобрительное» (*пирамидник*) и под. Интересны пометы у неологизма *державник*: в первом значении, которое мотивируется словом *держава* как именем нарицательным ‘1. Независимое, самостоятельное государство ...’ [БАС-3], оно дается с пометой «публицистическое высокое», а оттенок значения сопровождается пометой «неодобрительное», что свидетельствует о неоднозначной оценке разными группами говорящих обозначаемого неологизмом явления. Во втором значении, которое мотивируется уже именем собственным «Держава» (название движения), неологизм сопровождается пометой «разговорное». Такое расхождение в стилистической окраске, вероятно, обуславливается характером мотивирующих основ.

С пометой «жаргонное» даются новообразования *гон-стопник* ‘вор, грабитель’; *кислотник* ‘1. Кто употребляет синтетические наркотики (кислоту) ...’. Такая стилистическая окраска новых образований диктуется в том числе и сферой употребления производящих слов (производящие *гон-стоп* и *кислота** также фиксируются в НСЗ-90 с пометой «жаргонное»).

Надо отметить, что некоторые новообразования с дериватором *-ник* трактуются авторами словаря как полисеманты, например: *девятичник, державник, кислотник*. При этом многозначность вызывается не разного рода переносами, не тем, что новое слово быстро адаптировалось в языке, а разными значениями производящей основы. Как отмечает Д.А. Осильбекова, «многократная деривация субстантивов от одной основы и по одной словообразовательной модели совмещает в себе признаки омонимии и полисемии: деривационные акты порождают словообразовательные двойники-омонимы. Которые затем функционируют в языке

как многозначные слова» [Осильбекова 2007: 346]. В результате в словарной статье для одной лексемы даются как лексико-семантические варианты (ЛСВ), связанные общностью значения, так и ЛСВ, не имеющие общих сем. Например, у новообразования *кислотник* разные значения ‘1. Кто употребляет синтетические наркотики ...; 2. Исполнитель, поклонник разновидности музыки техно ...; 3. Представитель молодежной субкультуры (связанной с такой музыкой, с такими наркотиками)’ выводятся из разных значений слова *кислота**, которое является семантической калькой англ. *acid*. В то же время общность значений очевидно подчеркивается третьим ЛСВ, который как бы объединяет два других значения. Другой случай наблюдается в толковании неологизма *девяточник*: в первом значении ‘сотрудник Девятого управления КГБ’ он мотивируется разговорным названием этого управления – *девятка*, а второе значение ‘водитель девятки – автомобиля марки «Жигули» девяносто девятой модели’ выводится из разговорного названия марки автомобиля. Таким образом, объединение этих ЛСВ в рамках одной словарной статьи оказывается в некоторой степени условным.

Кроме рассмотренных выше, наиболее продуктивных суффиксов, при образовании субстантивов в русском языке конца XX века могут использоваться и другие суффиксы, которые оказываются не такими активными: с помощью суффикса *-ант*, сочетающегося с основой существительного, образованы новации *дезадаптант* ‘человек ..., испытывающий дезадаптацию, который не может приспособиться к ведению нормального, общепринятого образа жизни’; *инаугурант* ‘президент страны, проходящий процедуру инаугурации, официально вступающий в должность’; *контактант*, *митингант*, *номинант*, *репрессант*, а также *интервьюент* ‘тот, у кого берут интервью’, в котором используется морф *-ент*, сочетающийся, согласно РГ-80, с основами глаголов. Суффикс *-ант* используется и в ряде отглагольных образований, которые будут проанализированы ниже. В некоторых случаях, видимо, возможна двойная мотивация — и существительным, и глаголом (*контактант* — ‘тот, кто вступил в контакт (с внеземными

цивилизациями) / тот, кто контактировал'; *номинант* — 'тот, кто участвует в номинации / тот, кто номинирован' и под.).

Суффиксы *-ор (-ёр)* и *-ер* сочетаются с основами заимствованных слов при образовании неологизмов *гранжёр* 'поклонник гранжа ...' и *граффёр* 'то же, что граффитист', а также *триллионер* и нек.др.

Авторы НСЗ-90 рассматривают суффикс *-ор* в качестве дериватора и в новообразованиях *банкротизатор* 'тот, кто проводит банкротизацию' и *дискредитатор* 'тот, кто ... дискредитирует кого-, чего-л.', однако здесь, скорее, вслед за авторами РГ-80, можно выделить суффикс *-атор* (с усечением производящих основ *банкротизация* и *дискредитация*). Модель с суффиксом *-атор* используется и при образовании неологизмов *капитализатор* 'сторонник капиталистического пути развития, перехода к капиталистическому производству, капиталистическим общественным отношениям ...', *суверенизатор*.

Словообразовательное значение «название лица ... по болезни» [РГ-80: §344] реализуется в неологизме *дислексик* 'то же, что дислектик (тот, кто страдает дислексией (нарушением работы головного мозга, при котором человек не может воспринимать написанный текст ...))', образованном с помощью суффикса *-ик*. В НСЗ-90 фиксируется его дублет — *дислектик*, который, согласно словообразовательно-этимологической справке, является заимствованием из английского (*dislectic*). Однако неологизм *дислектик* в русском языке новейшего периода может рассматриваться как суффиксальное производное, тем более что наблюдающееся в нем чередование *с//т* разрешается системой русского словообразования (ср. *эпилепсия* — *эпилептик* [РГ-80: §344]). Отсутствие же чередования в паре *дислексия* — *дислексик* может рассматриваться как отступление от существующих словообразовательных норм.

Таким образом, анализ малопродуктивных суффиксов показывает, что они сочетаются прежде всего с основами заимствованных слов, а новообразования с указанными формантами нередко ограничены по сфере употребления: например, помета «профессиональное» есть у слов *дезадаптант*, *дислексик*. Вероятно, и такие

неологизмы, как *гранжер*, *ню-эйджер*, *арт-терапевт*, *гирудотерапевт* используются только отдельными группами говорящих, объединенных общностью сферы деятельности (медицина) или интересов (направления в современном искусстве). Ограничения в употреблении новообразования *инаугурант* обусловлены внешними факторами: тем, что обозначаемое неологизмом понятие в жизни встречается редко, раз в несколько лет (в прессе принято освещать инаугурацию президентов России, США, некоторых других стран).

В качестве дериватора при наименовании лиц может использоваться суффикс *-арь*, который наблюдаем в новообразованиях *губарь* 'военнослужащий, отбывающий наказание на губе (гауптвахте)' и *джипарь* '1. ...; 2. Страстный любитель джипа'. Неологизмы созданы по продуктивному в разговорной речи и просторечии типу, который имеет словообразовательное значение «предмет, характеризующийся отношением к предмету <...>, названному мотивирующим словом» [РГ-80: §340]. Оба новообразования стилистически окрашены – даются с пометами «жаргонное» и «разговорно-профессиональное» соответственно.

Суффиксы *-ак*, *-оид*, *-ят(а)*, *-ик* также используются для образования новых субстантивов: *думак*, *линуксоид*, *чубайсята* / *чубайсенек*, *гайдарики*. Производные с данными формантами обладают ярко выраженной экспрессивностью, а их появление и функционирование чаще всего связано с политической сферой. Подробнее такие новообразования будут рассмотрены в главе III.

Таким образом, при номинировании новых названий лиц наиболее продуктивными оказываются суффиксы *-(ов)ец*, *-ист*, *-щик* / *чик*, *-(ш)ник*. Образования с другими суффиксами составляют незначительную часть среди новых наименований лиц, при этом ограниченность в сочетаемости может быть связана с характером производящей основы (заимствованная), с ограниченной сферой употребления нового слова или же с особой экспрессивной нагрузкой. Отмечаются случаи отступления от словообразовательной нормы, которые обусловлены влиянием разговорной речи или стремлением к созданию выразительного новообразования.

2.3.1.2. Существительные со значением лица, мотивированные прилагательными

Субстантивы со значением «лицо – носитель признака» могут быть образованы с помощью разнообразных суффиксов: *-ик*, *-щик*, *-ист* и др. Высокую продуктивность в языке современного периода обнаруживает суффикс *-ик* – с его помощью создано около 70 новообразований – имен лиц: *белогорячечник* ‘тот, кто находится в состоянии белой горячки; белогорячечный’; *богородичник* ‘член религиозной секты Богородичный центр’; *застойник* ‘1. О противнике преобразования советского общества и экономики; стороннике застоя, человеке с застойным, консервативным мышлением; застойщик’; *кассационник* ‘осужденный, не согласный с решением суда и подавший апелляцию (кассационную жалобу) ...’; *клановик* ‘представитель замкнутой группировки людей (клана), объединенных хозяйственными и общественными связями’; *мажоритарник*, *налоговик*, *одномандатник*, *черномасочник* и др. Продуктивность в разговорной речи словообразовательного типа с данным суффиксом была отмечена и авторами РГ-80. Проанализированные новообразования создаются без системных нарушений. В ряде случаев, однако, можно говорить о множественности мотивации: так, неологизм *зоозащитник* ‘тот, кто занимается зоозащитой, участвует в зоозащитном движении’ может быть мотивирован не только прилагательным *зоозащитный* (как предлагают авторы НСЗ-90), но и существительным *зоозащита*, т.к. в словообразовательной подсистеме языка есть и модель «прилагательное + *-ик*», и модель «существительное + *-ник*» (ср. *фокусник*, *путник*, *ягодник* [РГ-80: §329]). Аналогичная интерпретация возможна и для существительных *застойник* (ср. *застой*) или *клановик* (ср. *клан*). Затруднительно однозначно определить мотивирующее для неологизмов *ипотечник* ‘1. Служащий ипотечного банка; 2. Тот, кто приобретает жилье на условиях ипотеки’ – это может быть и прилагательное *ипотечный*, и существительное *ипотека*; *камуфляжник* ‘тот, кто одет в камуфляжную форму’ – *камуфляжная форма* и *камуфляж*. На возможность объяснить производные с суффиксом *-ик* не только прилагательными указывают и

авторы РГ-80: «многие слова мотивированы не только прилагательными, но и – опосредованно – существительными и глаголами, которыми эти прилагательные мотивированы» [РГ-80: §285].

Еще одна особенность новых производных, относящихся к анализируемому типу, – наличие у них нескольких значений, например: *антивирусник* – ‘1. То же, что антивирусная программа, антивирус; 2. Специалист по антивирусным программам, их разработчик; вирусник’; *дальник* – ‘1. Летчик авиации дальнего действия; 2. Самолет авиации дальнего действия’; *карточник* – ‘1. Сторонник введения в обращение карточек при карточной системе нормированного распределения чего-л. в условиях дефицита; 2. Специалист по внедрению, использованию системы карт, карточек в качестве платежного средства или с какими-л. другими функциями; 3. О картоприемнике’. Многозначность неологизмов может объясняться весьма широким словообразовательным значением рассматриваемого словообразовательного типа: совпадением в обозначении одушевленных и неодушевленных предметов, а также тем, что производные-неологизмы могут быть мотивированы разными словосочетаниями (ср., в частности, *ипотечник* от *ипотечный банк* и *ипотечный кредит*). Подобные производные могут трактоваться как универбаты; явление универбации будет рассмотрено ниже, в п. 2.3.2.2.

Надо отметить, что неологизмы с суффиксом *-ик* в НСЗ-90 в ряде случаев представлены как семантические: *верховник** ‘представитель верховной власти страны или региона’; *карманник** ‘1. О карликовой собачке. ...’ и др., несмотря на то что в данных случаях имеет место вторичная номинация (семантическое агрегатирование), а лексический перенос не очевиден (ср. зафиксированные в БАС-3 значения: *верховник* – ‘член Верховного тайного совета’; *карманник* – ‘карманный вор’ [БАС-3]).

Кроме субстантивов, образованных от прилагательных, отмечаются неологизмы, мотивированные порядковыми числительными: например, дублиеты *девяностики* и *девяностники* (‘представители общества (преимущественно

интеллигенции), мировоззрение и нравственные ценности которых сформировались в 90-е гг. XX в.').

Инновации нередко сопровождаются теми или иными пометами, указывающими на стилистическую окраску и сферу употребления неологизма: *богородичник*, *групповик*, *налоговик*, *одномандатник* – «разговорное»; *дальник*, *лучевик* – «разговорное профессиональное»; *забугорник* – «разговорное, пренебрежительное»; *неосторожник* – «жаргонное».

Часто отадъективные существительные со значением лица образуются с помощью суффикса *-щик*. В выборке были отмечены такие новообразования, созданные по модели «основа прилагательного + *-щик*», как *авиационщик*, *аномальщик*, *антимонопольщик*, *виртуальщик*, *мажоритарщик*, *межрегиональщик*, *радийщик* и др. – всего около 20 производных. Эта модель является продуктивной для разговорной и профессиональной речи (по данным РГ-80). Зафиксированные в НСЗ-90 неологизмы также даются с пометами «разговорное» (например, *аномальщик* – ‘тот, кто изучает аномальные явления’; *антимонопольщик* – ‘чиновник государственного учреждения антимонопольной деятельности’; *инициативщик* – ‘тот, кто проявляет инициативу, член инициативной группы’), «разговорное, профессиональное» (*броневищик* – ‘специалист по изготовлению брони’). У неологизма *виртуальщик* отмечается два значения, что свидетельствует о быстрой адаптации данной инновации в языке, о востребованности обозначаемой ею реалии говорящими. При этом первое значение (‘специалист по созданию виртуальной реальности’) дается с пометой «разговорное», а второе, развившееся в результате метафорического переноса от первого значения (‘о том, кто занимается измышлениями, искажает факты’) дается с пометами «переносное, публицистическое, неодобрительное». Вероятно, такой переход новообразования из разговорной сферы в область книжной лексики – к какой традиционно причисляется и публицистика – является еще одним свидетельством общезыковой тенденции к демократизации.

Значение лица может передаваться и с помощью других суффиксов: с помощью суффикса *-ист* от имен прилагательных были созданы такие новообразования, как *виртуалист* ‘то же, что виртуал’; *западнисты* ‘то же, что западники – политики, выступающие за сближение России с Западом; ... сторонники западного образа жизни, слово введено в оборот А.А. Зиновьевым’; *мануалист* и др. Неодериваты нередко даются со стилистическими пометами, указывающими на сферу их употребления и коннотацию: *виртуалист* – «разговорное», *западнист* – «публицистическое, неодобрительное». Надо отметить, что чаще суффикс *-ист* сочетается с основами существительных.

Новообразования с общим значением лица могут создаваться и при помощи суффикса *-ец* [РГ-80: §287]. В НСЗ-90 было встречено всего несколько неологизмов, образованных с помощью этого форманта от основ прилагательных: *неотразимец* (от *неотразимый*), *образованец* (от *образованные* люди) и нек.др. При этом предлагаемое авторами НСЗ-90 отнесение неологизмов *белодомовцы* ‘оппозиционно настроенные по отношению к исполнительной власти, президенту депутаты ВС РФ, участвовавшие в защите Белого дома от правительственных войск в октябре 1993 г.’; *демороссовцы* ‘то же, что демороссы; члены общественно-политического движения, партии «Демократическая Россия»’ к отадъективным, мотивированным прилагательными *белодомовский* и *демороссовский*, является, на наш взгляд, дискуссионным.

Яркой стилистической окраской, которая возникает отчасти и благодаря сочетанию с дериватором *-ак* (или орф. *-як*), обладает новообразование *взросляк* ‘1. Взрослый, совершеннолетний парень, человек’. Это слово сопровождается пометой «жаргонное» и ранее было зафиксировано в Большом словаре русского жаргона (со значением ‘взрослый вор’). Данный тип отадъективных существительных с суффиксом *-ак(-як)* «проявляет продуктивность в разговорной речи и просторечии» [РГ-80: §291]. При этом словообразовательный тип имеет широкое словообразовательное значение: обозначает не только одушевленный (в т.ч. лицо), но и неодушевленный предмет; ср. второе указанное в НСЗ-90 значение слова

взросляк ‘место лишения свободы, отбывания наказания совершеннолетних преступников’.

Значение лица отмечается также и у новообразования *западоид* ‘западный человек с присущим ему менталитетом; носитель идеологии западнизма’. Эта единица обладает яркими признаками окказионального слова: известен ее автор (А. Зиновьев, «Глобальный человек»), она экспрессивна, оценочна (дается с пометой «презрительное») и создана с нарушением словообразовательной модели, т.к. обычно суффикс *-oid* сочетается с основами существительных. Вместе с тем, анализируемое новообразование уже оторвалось от контекста, свободно употребляется в других текстах (на запрос в поисковой системе www.yandex.ru было получено около 2 000 ответов, дата запроса – 06.07.2012) и поэтому в настоящее время вряд ли может трактоваться как окказионализм.

Несистемным оказывается неологизм *кесаренок* (мн. *кесарята*), образованный от словосочетания *кесарево сечение* с помощью модификационного суффикса со значением невзрослости *-онок* (орф. *-ёнок*). Этот дериватор является продуктивным в языке и сочетается с основами существительных (ср. *тигр* – *тигренок*). Вероятно, нарушение словообразовательной модели связано с «яркой», легко выводимой носителями языка семантикой суффикса, которая позволяет дать односложное название ‘младенцам, появившимся на свет с использованием кесарева сечения’. Данный неологизм сопровождается пометой «разговорное».

Небольшое число новых существительных со значением лица образуется от имен прилагательных и в результате субстантивации (по В.Н. Немченко – флексийным способом): *краснопиджачные*, *непродвинутый*, *нетитульный*, *нововерующий* и др.

2.3.1.3. Существительные со значением лица, мотивированные глаголами

Словообразовательная система русского языка располагает целым рядом синонимичных словообразовательных типов с общим значением «лицо – производитель действия, названного мотивирующим глаголом», в которых в качестве формантов могут выступать как русские, так и заимствованные суффиксы.

В Краткой русской грамматике приводятся 16 мутационных суффиксов со значением «лицо – производитель действия». Часть из них, такие как *-тель* (*учитель*), *-ник* (*шутник*), *-щик* (*регулирущик*), *-атор* (*реставратор*), *-ун* (*бегун*) [Краткая русская грамматика 2002: 53–54] и др., весьма продуктивна и регулярно используется в деривационных процессах. Другие суффиксы в современном языке являются малопродуктивными или непродуктивными – например, *-арь* (*пахарь*, *пекарь*), *-ок* (*игрок*, *ходок*) и др. [Краткая русская грамматика 2002: 53–54].

Для образования новых отглагольных субстантивов со значением «лица – производителя действия» русский язык в конце XX века использует далеко не все предлагаемые системой дериваторы. Востребованными при производстве новых слов оказываются такие служебные морфемы, как *-ант*, *-атор*, *-л(а)*, *-льщик*, *-тель*, *-шк(а)*, с помощью которых образуются существительные мужского рода (*бомбила*, *возглавитель*, *приватизатор*, *голосовальщик* и др.). К ним примыкает группа неологизмов со словообразовательным значением «лицо женского пола – производитель действия», образующихся с помощью суффикса *-лк(а)* (*давалка*). В целом надо отметить, что отглагольных новообразований со значением «лица – производителя действия» немного: было обнаружено около 30 неодериватов. Связано это, вероятно, с небольшим числом производящих глаголов.

С помощью суффикса *-ант* образованы слова *вручант* ‘тот, кто вручает призы на каком-то конкурсе, фестивале’, *реформант*, *содержант* и нек.др. Словообразовательный тип с данным суффиксом продуктивен в русском языке, однако авторы РГ-80 отмечают то, что его продуктивность ограничена образованиями, относящимися к специальной терминологии [РГ-80: §226]. Нередко производные слова с суффиксом *-ант* относятся к книжной лексике: например, единицы *мигрант*, *оккупант*, *оппонент*, *репатриант* в [СОШ] даются с пометой «книжн.» и др. В русском языке рубежа XX—XXI веков данное стилистическое ограничение, видимо, преодолевается: неологизмы могут сопровождаться пометами «публицистическое» (*поддержант*) или даже «разговорное, шутливо-ироническое» (*вручант*, *награждант*); стилистическая окраска суффикса переосмысливается.

Кроме того, к данной словообразовательной модели можно было бы отнести и неологизмы *дискуссант* ‘участник дискуссии, дискуснт’ и *декларант*, однако авторы НСЗ-90 квалифицируют эти новообразования как заимствования из английского языка (*discussant* и *declarant*). Вероятно, в этом случае имеет место взаимовлияние, диффузия словообразовательных возможностей русского и английского языков. Со строго диахронической точки зрения эти единицы являются заимствованиями, а с синхронической точки зрения их статус можно определять двояко, в зависимости от языковой компетенции говорящих.

С помощью суффикса *-атор* образованы слова *ваучеризатор* ‘тот, кто проводит приватизацию госсобственности с помощью ваучеров, является сторонником ваучеризации’ от *ваучеризировать*; *демократизатор* ‘1. О том, кто или что способствует демократизации общества или внедряет демократию силой ...’ от *демократизировать* и нек.др. Суффикс *-атор* в современном русском языке регулярно используется в словопроизводстве. В РГ-80 отмечается, что словообразовательный тип с этим суффиксом продуктивен в сфере научно-технической терминологии [РГ-80: §224], однако рассмотренные новообразования указывают на то, что данный тип продуктивен и при образовании слов, принадлежащих к другим тематическим группам: так, неологизм *демократизатор* дается с пометой «публицистическое».

С помощью весьма продуктивного суффикса *-тель* образованы существительные *возглавитель* ‘тот, кто возглавляет что-л.; глава, лидер’, *листатель*, *оболваниватель*, *расчленитель* и нек.др. Любопытно отметить, что новообразование *возглавитель* оказывается синонимичным узואльным словам *глава*, *руководитель*, *вождь*, *лидер*, *начальник* и др. [Александрова 1971]. Таким образом, несмотря на наличие в лексической подсистеме русского языка достаточно большого ряда слов, обозначающих близкие явления, говорящим оказалось нужным создать для наименования ‘лица, возглавляющего что-л.’, еще одно обозначающее. Возможно, это связано со стилистической окраской нового производного – оно дается с пометой «часто ироническое».

При образовании новых отглагольных существительных со значением лица может использоваться и суффикс *-льщик*. «Существительные с суффиксом *-льщик* называют лицо, производящее действие, названное мотивирующим словом» [РГ-80: §214]. Таким образом созданы слова *голосовальщик* ‘тот, кто формально или за деньги участвует в голосовании’; *кайфовальщик* ‘кто любит получать удовольствие, наслаждение от чего-л.; ярый поклонник чего-л.’; *обещальщик* и нек.др. от глаголов *голосовать*, *кайфовать*, *обещать*. Слово *голосовальщик* дается с пометами «разговорное, неодобрительное», слово *кайфовальщик* – с пометой «разговорно-сниженное», *обещальщик* — с пометой «разговорное, пренебрежительное». Вероятно, в данных случаях отрицательная окраска новообразований объясняется характером денотата, неодобрительным отношением говорящих к обозначаемым новообразованиями лицам. В то же время следует отметить, что словообразовательный тип с данным формантом характерен для профессиональной и разговорной речи [РГ-80: §214].

На периферии литературного языка, на границе с жаргоном находятся субстантивы *бомбила* ‘1. Частный извозчик; 2. Бандит, занимающийся разбоем и грабежом’ и *катала* ‘1. Картежный шулер; 2. Ведущий игры в кости, наперсток и другое, выступающий часто как организатор обмана сторонних партнеров игры; 3. Вор, мошенник’. Оба неологизма даются в НСЗ-90 с пометой «жаргонное». Они образованы от глаголов *бомбить* и *катать* (также дающихся в НСЗ-90 с пометой «жаргонное») с помощью продуктивного суффикса *-л-* и не нарушают существующую словообразовательную модель. Отнесенность новообразований к периферии литературного языка может объясняться не только характером производящей основы, но и спецификой дериватора. Как отмечается в РГ-80, существительные с суффиксом *-л-* обозначают в том числе «лицо, названное по характерному обычно выполняемому действию». При этом производные обладают «экспрессией неодобрения», а словообразовательный тип в целом оказывается более характерным для разговорной речи и просторечия [РГ-80: §230; см.также: Лопатин, Улуханов 2016].

Еще один словообразовательный формант, который используется для образования новых отглагольных существительных со значением действующего лица, – суффикс *-ашк(a)*. С его помощью образуется слово *барабаашка* ‘мифическое сверхъестественное существо, отождествляемое с домовым или полтергейстом; шумный дух’. Вероятно, использование в данном случае несистемного дериватора можно объяснить тем, что производящий глагол *барабить* (‘буяннить’) является диалектным словом. Других неологизмов, образованных от глаголов с помощью суффикса *-ашк(a)*, в НСЗ-90 нами не обнаружено.

В качестве словообразовательного форманта при образовании отглагольных имен лиц женского пола может употребляться и суффикс *лк(a)* – *давалка*. Данное новообразование мотивируется переносным значением глагола *давать* (‘вступать в половые отношения (о женщине)’), обладает негативной коннотацией: дается с пометами «разговорно-сниженное, презрительное».

2.3.2. Новые существительные со значением предмета

Производные имена существительные, обозначающие неодушевленный предмет, часто образуются по одной и той же модели, с помощью тех же дериваторов, что и производные – названия одушевленного лица. В связи с этим авторы грамматик русского языка (РГ-80 и Краткой русской грамматики) объединяют подобные производные и описывают их в рамках одного словообразовательного типа. И.С. Улуханов пишет, что существует «своего рода принудительная семантическая связь в системе значений суффиксов <...> между значениями лица и неодушевленного предмета» [Улуханов 1996: 114], объясняемая наличием «общего инвариантного значения „субстанция, имеющая отношение к тому, что названо мотивирующим словом“» [Улуханов 1996: 114]. Другие исследователи отмечают, что типы со словообразовательными значениями «лицо – нелицо» могут выступать как омонимичные [Балалыкина, Николаев 1985: 158].

Авторы НСЗ-90 в данном случае идут вслед за РГ-80 и подают в рамках одной словарной статьи слова, обозначающие лицо и предмет. В результате в НСЗ-90 оказываются зафиксированными неологизмы, многозначность которых связана с семантикой словообразовательных подтипов: таковы, например, многозначные *антивирусник* '1. То же, что антивирусная программа; антивирус; 2. Специалист по антивирусным программам, их разработчик ...'; *дальник* '1. Летчик авиации дальнего действия; 2. Самолет авиации дальнего действия' и др. Однако, на наш взгляд, слова, обозначающие лицо, представляют собой достаточно однородную семантическую группу, и описание новообразований, называющих лицо и неодушевленный предмет, в рамках одного раздела не вполне целесообразно.

2.3.2.1. Существительные со значением предмета, мотивированные существительными

При образовании новых слов, обозначающих разнообразные неодушевленные предметы, используется суффикс *-к(а)*: *кравчучка* 'двухколесная складная тележка или большая хозяйственная сумка на колесиках для перевозки тяжестей (на Украине)' (от имени собственного Л.М. Кравчук). С помощью суффикса *-к(и)* образованы новые наименования денежных единиц: *вагнорки* (ед.ч. *вагнорка*) 'неофициальное наименование талонов – временного платежного средства в Литве при переходе от советских рублей к национальной валюте (в 1991 – 1993 гг.)' (от имени собственного Г. Вагнорюс); а также, с возможным наложением, *кириенки* (только мн.ч.) 'временные региональные деньги, не получившие широкого хождения' (от имени собственного С.В. Кириенко); *кравчучки*, *явлинки* (от имени собственного Г.А. Явлинский) и под. Подобные производные даются с пометой «разговорное», которая указывает на сферу их употребления – обиходно-бытовое общение, хотя, например, неологизм *кириенки* подается еще и с пометой «профессиональное». Возникновение данных новообразований и наличие у некоторых из них помимо функционально-стилистической еще и оценочной коннотации (толкуется с пометой «пренебрежительное» неологизм *гайдарки* '1. О деньгах, денежных купюрах, обесценившихся вследствие инфляции в период

гайдаризации ...') свидетельствует о неустойчивой экономической ситуации, сложившейся в 90-е годы XX века на территории бывшего СССР, и о негативной оценке некоторыми группами говорящих подобных процессов.

При образовании новых наименований неодушевленных предметов может использоваться и суффикс *-ик(и)*, как, например, в разговорном неологизме *дольчики* 'утепленные цветные, рисунчатые колготки ...', произведенном от имени собственного – названия итальянской фирмы «Дольче Кальце».

В группу неодушевленных наименований предметов можно отнести и зафиксированные в НСЗ-90 терминологические наименования: *арменикум* 'препарат для лечения СПИДа, созданный в Армении'; *дубний* '104-й химический элемент в таблице Менделеева' и др. Термины образованы от топонимов (*Армения* и *Дубна* соответственно) с помощью продуктивных в области терминологии формантов: *сит* (лат. 'с помощью') и *-иј*. Финаль *-кум* можно обнаружить в названиях некоторых лекарственных препаратов (например, *бронхикум*, *дормикум*¹), а элемент *-иј* регулярно используется в названиях химических элементов, ср.: *калифорний* (95 элемент таблицы Менделеева), *резерфодий* (104 элемент таблицы Менделеева), *эйнштейний* (99 элемент таблицы Менделеева) и др., поэтому неологизмы не нарушают существующих закономерностей в терминообразовании. Рассмотренные новации даются в НСЗ-90 без каких-либо ограничительных помет.

2.3.2.2. Существительные со значением предмета, мотивированные прилагательными

От имен прилагательных активно и регулярно образуются субстантивы, обозначающие неодушевленные предметы – носителей того или иного признака: *планишетник*, *взросляк* и др.

Частотным при образовании имен – названий предметов оказывается суффикс *-к(а)*: с его помощью создано около 70 отадъективных существительных: *автогражданка*, *безвозмездка*, *велосипедки*, *вертолетка*, *внутрянка*, *панелька*, *противоугонка*, *ювелирка* и мн.др. В большинстве случаев новообразования

¹ примеры с сайта <http://www.zdorovie.ru/?pt=4&lit=4> (дата обращения: 21.10. 2012)

мотивируются не одним прилагательным, а словосочетанием «прилагательное + существительное» (например, *гуманитарка* от *гуманитарная помощь*). Исследователи неоднократно отмечали продуктивность этого словообразовательного типа: «это настолько живой и продуктивный способ, что его не удерживает даже возникновение омонимов как со словами других образцов, так и со словами, образованными по этому же образцу, но включающими значение другого существительного» [Янко-Триницкая 2001: 380, см. также Дозорова 2015]. Как отмечается в РГ-80, являясь высокопродуктивным, этот тип оказывается «основным средством образования однословных неофициальных наименований предметов и явлений» [РГ-80: §293].

Новые образования создаются, как правило, без нарушения существующей модели, во многих случаях производящая основа усекается – отбрасывается суффикс прилагательного: *аналитичка* от *аналитическая (статья)*; *виртуалка* от *виртуальная (действительность)* и т.п., хотя зафиксированы и новообразования без усечений: *бомжовка* от *бомжовый (притон)*. Большинство новообразований дается с пометой «разговорное», что объясняется спецификой функционирования новообразований. Как отмечает Н.А. Янко-Триницкая, «пока такое существительное с включением употребляется наряду со словосочетанием, оно имеет сниженную стилистическую окраску по сравнению с последним» [Янко-Триницкая 2001: 382]. По сфере употребления рассматриваемые новообразования характерны для бытовой или профессиональной речи, «где хорошо известно соответствующее словосочетание» [Янко-Триницкая 2001: 380], поэтому отдельные неологизмы, зафиксированные в НСЗ-90, сопровождаются и пометой «профессиональное»: *двусторонка* (*двусторонняя игра*); *договорнушка* (*договорной матч*); *вертолетка* (*вертолетная площадка*); *казначейка* (*казначейское обязательство*); с пометой «разговорно-профессиональное» описываются неологизмы *минусовка* (*минусовая фонограмма*), *операционка* (*операционная система*) и др. К отдельным новообразованиям дается и помета «жаргонное» – она, в частности, употребляется

относительно одного из значений слова *внутрянка* ‘внутренняя тюрьма (тюрьма при следственном управлении)’.

При общем значении неодушевленного предмета, новообразования с суффиксом *–к(а)* могут быть сгруппированы и по более частным значениям:

- названия помещений и территорий – *бомжовка* (*бомжовский притон*); *брежневка* (*брежневский дом*); *валютка* (*валютный ресторан, магазин*); *внутрянка* (*внутренняя тюрьма*); *гримерка* (*гримерная комната*) и др.;

- названия конкретных предметов и явлений – *двухсотрублевка* (*двухсотрублевая купюра*), в т.ч. видов одежды – *жириновка* (*жириновская кепка*); *велосипедки* (*велосипедные шорты*) и др.;

- наименования понятий, ограниченных временным промежутком, – *двенадцатилетка* (*двенадцатилетнее обучение, двенадцатилетняя школа*); *двенадцатиминутка* (*двенадцатиминутный период*) и т.д.

Кроме того, отмечено новообразование *ангорка* (*ангорская кошка*), имеющее словообразовательное значение «животное – носитель признака».

Данные производные традиционно рассматриваются как универбаты (универбы) — «компактные однословные номинации, соотносимые с адекватными, менее компактными, описательными, мультивербальными обозначениями» [Нещименко 2010: 116—117]. Универбаты «формально мотивируются именем прилагательным исходного словосочетания, а определяемое существительное актуализируется имплицитно в семантике образованной единицы» [Дозорова 2015: 392].

Вопрос об универбатах, границах универбации как языкового явления, не решается в отечественной науке однозначно. Данной проблематике посвящены диссертации Л.И. Осиповой (М., 1999), Д.В. Дозоровой (М., 2018) и др. Достаточно подробно вопрос о понимании универбации в отечественной лингвистике освещается в статье Е.В. Петрухиной [Петрухина 2017]. Так, отмечается неодинаковое понимание самого явления универбации: ряд исследователей рассматривает универбацию как отдельный, самостоятельный способ

словообразования, другие исследователи описывают универбаты как суффиксальные производные [Петрухина 2017]. В связи с тем, что в нашем исследовании мы опирались в первую очередь на описание словообразовательной подсистемы, данное в РГ-80, мы рассматриваем универбаты как суффиксальные производные, созданные по определенным словообразовательным моделям, и не включаем в наше описание универбацию как самостоятельный способ словообразования.

Несмотря на дискуссии о статусе универбации и универбов, исследователи солидарны в том, что образование универбатов в современном русском языке весьма продуктивно [Николаев 2010: 224; Петрухина 2019; Рацибурская 2010 и др.], а «в последние годы заметно растет количество универбов на $-к(a)$, имеющих непредметное значение» [Осипова 1991: 62]: *безвозмездка (безвозмездная помощь); дурка (дурацкий сюжет, дурацкая шутка); запрещенка (запрещенные произведения)* и т. д.

Яркой чертой производных, созданных по данной модели, является широкое распространение среди них омонимии и многозначности, вызванной тем, что образования мотивируются «различными словосочетаниями» [РГ-80: §293]. Эта черта присуща и новообразованиям, зафиксированным в НСЗ-90: *бомжовка* - '1. То же, что бомжиха; 2. То же, что бомжатник; 3. О статьях уголовного кодекса РСФСР, предусматривающих уголовную ответственность за бродяжничество, тунеядство и т.д.' (от *бомжовый притон; бомжовская статья*); *валютка* - '1. Валюта; 2. Магазин, ресторан и т.п., принимающий оплату за товар или услуги в валюте...; 3. Пункт обмена валют; валютнообменный пункт' (от *валютный ресторан, магазин; валютный обменный пункт*); *двусторонка* - '1. Тренировочная игра между двумя частями одной футбольной команды; 2. Сотрудничество двух стран' (от *двусторонняя игра; двусторонние отношения*) и т.д. Вероятно, в отдельных случаях объединение разных значений в рамках одного полисеманта оказывается несколько субъективным.

Некоторые из описанных в НСЗ-90 новообразований формально совпадают с уже существующими в языке словами, омонимичны им: *гражданка** – ‘невоенная гражданская верхняя одежда’ (в БАС-2 ранее фиксировалось два омонима: *гражданка1* – ‘женск. к гражданин’; *гражданка 2* – ‘1. В речи военных – о жизни невоенных, гражданских людей...; 2. О гражданской войне...; 3. В проф.речи – гражданский шрифт’); *духовка* – ‘1. Духовные искания, духовные интересы; духовность; 2. Религиозная духовность; 3. Произведения искусства, отличающиеся высокой духовностью, религиозностью’ (в БАС-2 фиксируется *духовка* - ‘железный ящик ... для приготовления пищи посредством нагретого воздуха’). Последний неологизм интересен еще и потому, что в нем возникает «своеобразная энантиосемия, взаимоотталкивание референциальной функции и ассоциативного компонента, лексического значения производящей основы и разговорно-просторечной окраски суффикса –*к(а)*» [Осипова 1991: 64]. Аналогичный диссонанс между семантикой и стилистикой имеет место в образовании *нетленка* [Осипова 1991].

В ряде случаев суффиксальные новообразования имеют корреляты, возникшие в результате усечения основы производящего прилагательного: *ангорка* – *ангора* (от *ангорская кошка*); *безналичка** – *безнал* (от *безналичные деньги, безналичный расчет*). При этом оба синонима не различаются стилистически (даны с пометой «разговорное»). В семантическом отношении новообразования также мало различаются (толкуются одно через другое), хотя, по данным НСЗ-90, языковая система стремится преодолеть подобную дублетность, значения новообразований могут частично не совпадать: *ангорка* ‘1. То же, что ангора (в 1-м знач.); 2. То же, что ангора (во 2-м знач.); 3. Кошка ангорской породы’ – *ангора* ‘1. Шерсть козы ангорской породы; пряжа, волокно из нее; ангорка; 2. Изделие из такой шерсти; ангорка’.

Все проанализированные новообразования с суффиксом –*к(а)* даются в НСЗ-90 с пометой «разговорное» – такая стилистическая окраска в целом характерна для указанной словообразовательной модели и соответствующего типа [РГ-80: §293].

Значение неодушевленного предмета имеют и новообразования, произведенные при помощи суффикса *-ик*: *валютник, жутик, внедорожник, многотонник, мобильник, мыльник (мыльная опера), персональник, плазменник* и др. – всего более 30 производных. Подобно новообразованиям с суффиксом *-к(а)*, данные производные тоже могут быть мотивированы словосочетанием, т. е. рассматриваться как универбаты: *внедорожник* от *внедорожный автомобиль*; *двухлатовик* от *двухлатовая монета*, *паркетник* от *паркетный внедорожник*, *резиновики* от *резиновые сапоги* и др. Подобных неологизмов меньше, чем новообразований с суффиксом *-к(а)*, но надо учитывать, что в ряде случаев производные, созданные по данной модели, могут обозначать не только предмет, но и лицо (*антивирусник, дальник* и под.). Фиксируемые в НСЗ-90 новообразования часто даны с пометой «разговорное» и обладают несколькими значениями: *цифровик* ‘1. То же, что цифра...; 2. То же, что цифровой фотоаппарат; 3. То же, что цифровая компания; ее владелец или представитель; 4. То же, что цифровой абонент’ и др.

Еще один дериватор, который используется в отадективных субстантивах – суффикс *-ух(а)*. С его помощью образованы слова *групповуха (групповой секс, групповое объединение, групповое преступление, групповой письмо, групповое столкновение автомобилей), выкидуха (выкидной нож), неуставуха (неуставные отношения), разливуха (разливное вино, пиво и т.п.)* и др.; с пометой «семантический неологизм» также *грязнуха* (грязный наркотик), желтуха* (желтая пресса)*. Неологизмы обладают сниженной стилистической окраской, даны с пометами «разговорно-сниженное» (*групповуха*) и «жаргонное» (*выкидуха*). Авторы РГ-80, описывая тип с формантом *-ух(а)*, отмечают, что с его помощью создаются производные, называющие лицо, животное, растение, болезнь и т. п. [РГ-80: §297]. Однако надо заметить, что слова, представленные в НСЗ-90, не подпадают под данную классификацию: *викидуха* ‘то же, что выкидной нож’ имеет предметное значение (возможно, с некоторой стилистической модификацией), а у неологизма *групповуха* отмечено пять значений: он может называть предмет (‘4. Документ

(заявление, письмо и т.п.) с какими-либо требованиями, протестом группы лиц') или иметь собирательное значение ('2. Групповое неформальное объединение; 3. Организованное групповое преступление'). Таким образом, в указанных неологизмах словообразовательное значение оказывается очень широким («неодушевленный предмет, характеризующийся тем или иным признаком»), размытым.

Для названия предмета по его признаку может использоваться и суффикс – *иц(a)*. Авторами РГ-80 тип с данным дериватором рассматривается как непродуктивный. Однако в НСЗ-90 фиксируется неологизм *визитница*, созданный по этому типу для обозначения конкретного предмета – 'разновидность кошелька с прозрачными карманами для визиток'. Новообразование дано с пометой «разговорное», которая, вероятно, указывает на сферу употребления (быт), но можно предположить, что слово в будущем утратит такую стилистическую окраску.

Новообразование *галеника* 'лекарственные препараты, получаемые ... без использования химических веществ; галеновые препараты' имеет словообразовательное значение «совокупность однородных явлений, характеризующихся признаком, названным мотивирующим словом» [РГ-80: §307], такое же, как в словах *синтетика*, *антисептика* [РГ-80: §307] и др.

Новообразование *взросляк* с суффиксом –*як* может обозначать не только лицо, но и неодушевленный предмет – носитель признака ('место лишения свободы', дается с пометой «жаргонное»). Этот же формант используется и при образовании производных *крайняк*, *наличняк*, *неуставняк* и некоторых других, которые даются в НСЗ-90 с пометой «жаргонное».

Интересен для анализа зафиксированный в НСЗ-90 неологизм *Беловежье* 'о Беловежских соглашениях ...', образованный с помощью продуктивного суффикса – *j(e)*. Согласно РГ-80, по модели «основа прилагательного + –*j(e)*» создаются субстантивы, образующие два типа [РГ-80: §305]. Рассматриваемая новация обозначает совокупность однородных предметов (в данном случае – документов, соглашений) и мотивируется словосочетанием *Беловежские соглашения*. Однако

материалы НКРЯ отражают и еще одно потенциально возможное, но не зафиксированное в НСЗ-90 значение – «место, пространство, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом» [РГ-80: §305], в данном случае – ‘территория Беловежского заповедника’: *В тот же день когда Ельцин в Беловежье подписал договор о «тройственном союзе», он позвонил Шапошникову и рассказал о некоторых деталях этого события* [НКРЯ]. К этому типу относятся образования вроде *низовье, Оренбуржье, Ставрополье* [РГ-80: §305], а также зафиксированный в НСЗ-90 неологизм *Эсэнговье / эсэнговие* ‘то же, что Эсэнговия’.

Новообразования, обозначающие названия разного рода помещений, могут быть созданы и в результате субстантивации: *ди-джейская, компьютерная* и др.

2.3.2.3. Существительные со значение предмета, мотивированные глаголами

Словообразовательная подсистема современного русского языка обладает целым рядом суффиксов, посредством которых образуются существительные со значением «неодушевленный предмет (орудие, машина, устройство, приспособление), производящий действие или предназначенный для совершения действия» [Краткая русская грамматика 2002: 54]. В ряде случаев словообразовательные типы с подобными аффиксами (*-тель; -ор; -атор*) совмещают в своей семантике значение одушевленного предмета (лица) и неодушевленного предмета, «имеют общее агентивное значение производителя действия» [РГ-80: §224]. При этом оба значения могут совмещаться в одном слове (см. рассмотренное выше новообразование *блокиратор*). Однако в других случаях в языке реализуется только одно из значений словообразовательного типа. Так, неологизм *взбадриватель* (‘взбадривающее средство’), образованный от глагола *взбадривать* с помощью суффикса *-тель*, называет «вещество, с помощью которого осуществляется действие, названное мотивирующим глаголом» [Краткая русская грамматика 2002: 55]. Других называющих неодушевленный предмет отглагольных новообразований с данным суффиксом в НСЗ-90 нам не встретилось (см. п. 2.3.1.3.).

С помощью дериватора –л(о) образован неологизм *бухло* ‘спиртные напитки’, обладающий разговорно-сниженной окраской. Негативная коннотация создается, видимо, не только за счет суффикса (который иногда используется в образованиях разговорного стиля или просторечия), но и, в первую очередь, из-за того, что производящее слово *бухать* является жаргонным.

Общее значение предмета, предназначенного для осуществления действия, имеют существительные *болталка* ‘то же, что чат’; *бродилка* ‘компьютерная игра приключенческого характера, основанная на перемещении героя по неизвестной местности для нахождения какого-л. объекта’; *леталка*, *ломалка* и некоторые другие, образованные с помощью суффикса –лк(а). Они созданы по продуктивной модели от глаголов *болтать*, *бродить*, *летать*, *ломать* соответственно. Новообразования относятся прежде всего к компьютерной сфере и даются с пометами «жаргонное» или «разговорно-профессиональное». Новые слова достаточно экспрессивны, кроме того, неологизм *болталка*, в отличие от его синонима – заимствования *чат*, обладает отчетливой внутренней формой, которая подчеркивает непринужденность, неофициальность интернет-общения (*болтать* – ‘вести легкий, непринужденный разговор; говорить о чем-л. неважном, несерьезном’) [БАС-3, 2005, т. 2: 116].

2.3.3. Новые отвлеченные существительные

Анализ отвлеченных существительных представляет особый интерес, т.к. «абстрактная, „интеллектуальная“ лексика быстрее и ярче других лексических пластов реагирует на качественные изменения этнического языка, а тенденции ее развития всегда отражали особенности эволюции русского национально-языкового сознания» [Коряковцева 2008: 120]. Отвлеченные существительные могут быть мотивированы как существительными, так и прилагательными или глаголами – словообразовательная подсистема располагает достаточно большим количеством моделей для образования подобных дериватов, однако востребованными в русском

языке конца XX века, по данным НСЗ-90, оказываются далеко не все модели. При этом в ряде случаев один и тот же суффикс может сочетаться с основами слов разных частей речи.

2.3.3.1. Существительные отвлеченной семантики, мотивированные существительными

Среди словообразовательных неологизмов – суффиксальных отсубстантивных существительных, зафиксированных в НСЗ-90, немало слов с отвлеченными значениями: *буревестничество*; *имиджмейкерство*; *примадонство*; *зиновьевизм*; *левшизм*; *лагеризация*; *чубайсизация* и др.

Одной из самых продуктивных является модель «основа существительного + *ств(о)*» – она используется при образовании более 50 неологизмов. Суффикс *-ств(о)* известен с древнейших времен, «относится к общеславянским формантам, формирующим отвлеченную лексику» [Очерки по исторической грамматике 1964: 111]. В современном русском языке существительные с суффиксом *-ств(о)* «называют свойство или занятие лица, названного мотивирующим словом» [РГ-80: §378]: *вице-спикерство* ‘должность, пост вице-спикера, деятельность в этой должности’; *диггерство* ‘деятельность диггеров; диггерское движение’; *рэкети́рство* ‘преступная деятельность, связанная с рэкетом, вымогательством’ и др. Необходимо отметить, что авторы РГ-80 характеризуют данный тип как непродуктивный и относят к нему только те производные, которые не имеют соотносительных прилагательных. Если же подобные прилагательные есть, то с формальной точки зрения субстантивы с суффиксом *-ств(о)* в РГ-80 рассматриваются как отадъективные производные, хотя семантически они могут мотивироваться именами существительными [РГ-80: §317], а тип «основа прилагательного + *-ств(о)*» описывается авторами РГ-80 как продуктивный. По этому типу образуются, согласно РГ-80, слова, обозначающие, например, свойство характера или черту поведения (*геройство*, *чужачество*), идеологическое течение (*славянофильство*), занятие (*учительство*), пребывание в должности, исполнение власти данного лица (*директорство*, *регентство*) и др. [РГ-80: §317]. Однако

существует и другая точка зрения, согласно которой производные типа *учительство*, *регентство* рассматриваются как отыменные – такое толкование языковых фактов можно найти, например, в работах А.Н. Тихонова или Е.А. Земской. Поэтому отсылки к производящему-существительному, которые дают авторы НСЗ-90 в словообразовательно-этимологических справках у анализируемых слов, оказываются теоретически и практически обоснованными.

Новообразования с суффиксом *-ств(о)* характеризуются разнообразием частных словообразовательных значений [РГ-80: §317]. Так, новые производные могут называть:

идеологическое направление: *державничество* ‘убеждения, политика державников; имперское сознание’; *скинхедство* ‘то же, что скин-движение; принадлежность к молодежной субкультуре скинхедов’;

название должности и время пребывания в должности: *вице-президентство* ‘1. Должность, пост вице-президента; период пребывания, деятельность в этой должности ...’; *вице-премьерство* ‘должность, пост вице-премьера; деятельность в этой должности’; *генсекство* ‘пребывание в должности генерального секретаря ЦК КПСС, какой-л. другой организации; положение генсека’ и др.;

занятия, сферу профессиональной деятельности лиц, названных в производящих основах: *ди-джейство* ‘1. Профессиональная деятельность ди-джеев ...’; *дилерство* ‘купля-продажа товара, осуществляемая фирмами-производителями ..., деятельность дилеров...’; *спичрайтерство* и др.;

принадлежность к определенной (социальной, идеологической, профессиональной) прослойке, совокупности лиц: *ди-джейство* во 2-м значении ‘совокупность ди-джеев ...’; *гопничество* во 2-м значении ‘то же, что гопота (гопники, агрессивно настроенные подростки)’; *киллерство* и др.;

свойство, характерное для определенной группы лиц: *гопничество* ‘1. состояние, поведение гопников ...’; *дебильство* ‘тупость; интеллектуальная, духовная ограниченность’; *мажорство* и др.

В качестве производящих для новообразований с суффиксом *-ств(о)* могут выступать основы как простых (*фанатство* ← *фанат* и др.), так и сложных слов (*вирусописательство* ‘создание компьютерных вирусов’ ← *вирусописатель*; *генсекство* ← *генсек* и др.). Необходимо отметить, что часто в качестве производящей выступает основа заимствованного существительного, в том числе и недавнего заимствования: например, в НСЗ-90 фиксируется заимствованный неологизм *дистрибьютор* / *дистрибьютер* / *дистрибутор* ‘оптовый торговец, торговая фирма, обладающие исключительным правом на продажу товаров какой-л. компании на определенной территории’, который, как показывает словарная подача, еще не освоен графически и фонетически, но уже освоен словообразовательно – у него есть производные, в частности *дистрибьюторство* / *дистрибьютерство* ‘оптовая торговля каким-л. товаром на какой-л. территории ...’. Недавнее заимствование *имиджмейкер* также имеет производное – *имиджмейкерство* ‘искусство создания имиджа’.

Авторы РГ-80, характеризуя тип с суффиксом *-ств(о)*, отмечают его высокую продуктивность, в частности в газетно-публицистической, художественной и разговорной речи [РГ-80: §317]. Стилистическими или экспрессивными пометами сопровождается и часть новых субстантивов, описываемых в НСЗ-90: например, с пометой «публицистическое» толкуется новация *державничество*, с пометой «книжное» – *буревестничество*; помета «разговорное» сопровождает такие неологизмы, как *генсекство* и *дебильство* (последнее трактуется как «разговорно-сниженное»). Интересен характер помет у слова *дворничество* ‘1. Работа дворником; 2. Форма протеста – отстранения от участия в общественно-политической, экономической жизни государства, связанная с отказом от работы по специальности и (часто) работой дворником’: в первом значении оно толкуется как «разговорное», а во втором – как «публицистическое». Таким образом, разная семантика оказывается связанной с разной сферой функционирования неологизма и, соответственно, с разным отношением авторов текста к описываемому явлению.

Как семантические неологизмы (с пометой «*») рассматриваются в НСЗ-90 единицы *вампи́рство**, *губерна́торство**, *доно́рство**, причем они тоже сопровождаются словообразовательными справками, т.к. появляются на базе новых (или актуализировавшихся) значений производящих слов *вампир*, *губернатор*, *донор*. Таким образом, продуктивность словообразовательной модели «основа существительного + -ств(о)» поддерживается не только собственно словообразовательными, но и семантическими неологизмами.

Еще одна распространенная модель, которая в русском языке конца XX века активно используется при образовании новых отвлеченных существительных, – «основа существительного + -а́ци(я) / -иза́ци(я)». По этой модели образованы неологизмы *аренди́зация* ‘введение аренды, переход чего-л. на арендные отношения’; *банкроти́зация* ‘признание юридического лица ... неплатежеспособным, банкротом’; *интерне́тизация* ‘широкое распространение Интернета’; *реклами́зация* ‘проникновение рекламы в разные сферы общественной жизни’; *фермери́зация* ‘внедрение, распространение фермерской формы хозяйствования, фермерства’ и др.

В русском языке существует несколько моделей, в которых в качестве дериватора выступает суффикс -а́ци(я): он может сочетаться с основами глаголов, существительных и, реже, прилагательных. Изначально суффикс -а́ци(я) был привербальным (*идеализировать* – *идеализация*; *реализовать* – *реализация*) [РГ-80: §263], однако на протяжении XX века он расширял свои сочетаемостные возможности и в настоящее время достаточно легко присоединяется к основам существительных [Сенько 2007: 226—228; Коряковцева 2016; Рацибурская 2018; Тихонова 2015 и др.]. Анализ словообразовательных неологизмов, зафиксированных в НСЗ-90, показал преобладание в русском языке конца XX века модели «основа существительного + -(из)а́ци(я)», в то время как модель «основа глагола + -а́ци(я)» используется гораздо реже (нами зафиксировано более 30 отсубстантивных производных и менее 10 – отглагольных). В то же время в РГ-80 отмечается, что

«подавляющее большинство существительных со значением процесса (действия или состояния) мотивировано глаголами» [РГ-80: §366].

Надо отметить еще одну черту, характерную для новых существительных, оканчивающихся на *-изаци(я)*: некоторые из них авторами НСЗ-90 рассматриваются как отсубстантивные, несмотря на существование в языке глаголов, которые потенциально могли бы быть производящими. Так, неологизм *ваучеризация* ‘1. Безвозмездная выдача ваучера..., ваучеров; охват всего населения процессом приватизации госсобственности с помощью ваучеров ...’ рассматривается как выводимое не из глагола *ваучеризировать* (он тоже фиксируется в НСЗ-90), а из субстантива *ваучер*. Такая позиция авторов НСЗ-90 может объясняться двумя причинами: во-первых, строго диахроническим подходом (первые употребления единицы *ваучеризация* были зафиксированы раньше, чем единицы *ваучеризировать*, т.е. в момент возникновения анализируемого существительного в языковой системе не было глагола, который мог бы стать производящим); во-вторых, низкой частотностью употребления глагола – на поисковый запрос *ваучеризировать* в НКРЯ не было получено ни одного ответа, в то время как на запрос единицы *ваучеризация* было зафиксировано 15 вхождений.

В тех случаях, если потенциального производящего глагола не фиксируется, отнесение новых существительных на *-аци(я)* к категории отсубстантивных не вызывает затруднений: *бартеризация* < *бартер*; *интернетизация* < *Интернет* и т. д.

В качестве производящих основ могут выступать как исконно русские (*баранизация* < *баран*, переносное значение; *огородизация* < *огород*), так и заимствованные (*долларизация* < *доллар*) единицы, но преобладают производные от иноязычий. Мотивирующими могут быть и имена собственные (*ельцинизация* < *Ельцин*). Показательно то, что в качестве производящих для слов этой группы часто выступают слова, которые называют социально значимые, актуальные на данном этапе развития общества реалии, относящиеся к сфере политики, экономики, идеологии (подробнее — в главе III).

Е.А. Земская, анализируя русскую речь 90-х годов XX века, отмечала, что «новые социально значимые процессы действительности активно именуются существительными на *-изация*, обозначающими ‘наделение теми или иными свойствами того, что обозначает базовая основа’. <...> Социальная действительность требует прежде всего новых номинаций для происходящего, вот почему именные основы, совмещающие значение процессуальности с номинативностью, побеждают глаголы» [Земская 1995: 158-160]. Анализ новообразований, появившихся в русском языке в первые десятилетия XXI века, показывает, что подобных неoderиватов по-прежнему много [Коряковцева 2016; Радченко 2018; Рацибурская 2010 и др.].

Еще одна крупная группа отсубстантивных новообразований – производные с суффиксом *-изм*. Существительные с суффиксом *-изм*, обозначающие общественно-политические направления, склонности [РГ-80: §355], используются при создании неологизмов *звиадиизм* ‘политика и идеология националистического толка Звиада Гамсахурдиа; режим, установленный им в Грузии в период его президентства ...’; *мунизм* ‘религиозное движение ..., основанное Сен Мён Муном; его вероучение’; *панкиизм* ‘то же, что панк-идеология, панк-движение’ и др.

Новообразования могут относиться к двум семантическим подтипам:

названия направлений и сфер деятельности, мотивированных нарицательным существительным [РГ-80: §355]: *граффитизм* ‘то же, что *граффити* (вид современной авангардной живописи)’;

названия направлений, связанных с именем собственным (чаще – фамилией лица) [РГ-80: §355]: *звиадиизм*, *ельцинизм* и др. При этом второй семантический подтип значительно преобладает (подробнее — в главе III).

Интересно для анализа экспрессивное производное *васькизм* ‘упорное продолжение какой-л. деятельности, несмотря на ее осуждение общественностью’, формально образованное от основы имени собственного *Васька*, но семантически мотивированное крылатым выражением из басни И.А. Крылова: «а Васька слушает да ест».

Необходимо отметить, что суффикс *-изм* может выступать в качестве дериватора в нескольких словообразовательных типах современного русского языка, например, данный формант используется в типе, называющем элементы языка или речи [РГ-80: §290]. Как образованные по этому типу можно рассматривать неологизмы *горбачевизм* и *путинизм* в их вторых значениях: *горбачевизм* '2. Слово или выражение, характерное для этого политического и государственного деятеля'; *путинизм* '2. Обороты речи, характерные для В.В. Путина; наиболее цитируемые или ставшие крылатыми фразы из его публичных выступлений'.

Новообразования с суффиксом *-изм* нередко обладают негативной коннотацией: некоторые из них сопровождаются пометами «неодобрительное» (*васькизм, гайдаризм, ельцинизм*), «презрительное или ироническое» (*зюганизм*). Кроме того, новообразования даются и с пометами, указывающими на отнесенность к тому или иному функциональному стилю, – прежде всего это публицистика (и соответствующая помета «публицистическое» сопровождает неологизмы *гайдаризм, зюганизм* и др.), а также разговорный стиль (помета «разговорное» используется при неологизме *васькизм*). Возможной оказывается разная стилистическая окраска у разных значений лексической новации: новообразование *гэкачепизм* в основном значении 'воззрения и идеология лидеров Государственного комитета по чрезвычайному положению, попытавшегося совершить государственный переворот в СССР (август 1991 г.)', дается с пометой «разговорное», а оттенок значения 'о политике пересмотра чего-л., ревизионизме прошлых эпох' подается уже с пометой «публицистическое». Это может объясняться востребованностью, актуальностью новообразования *гэкачепизм* в начале 90-х годов, в результате чего новация, появившаяся в разговорной речи, вышла за пределы узкой области своего первоначального бытования.

Как отмечают исследователи, «новообразования, созданные по продуктивной модели отсубстантивных существительных с данными [*-изм* и *-(из)аци(я)*]. - **Е.Ж.**] формантами, называют актуальные, в том числе негативные явления и катаклизмы, общественно важные события. Взаимодействуя с основами слов, номинирующих

отрицательные стороны общественной жизни, суффиксы *-изм*, *-изаци(я)* приобретают негативную оценочность, которая проявляется даже в сочетании с „нейтральными“ основами» [Ращибурукая 2010: 293].

Еще один формант, который используется при образовании существительных со значением «общественного явления или <...> политического течения» [РГ-80: §318] – суффикс *-щин(а)*. По значению неологизмы, созданные по словообразовательной модели «основа существительного + *-щин(а)*», оказываются близки новообразованиям, созданным по рассмотренной выше модели «основа существительного + *изм*»: на это указывает наличие синонимов типа *горбачевизм* – *горбачевщина* ('то же, что горбачевизм').

В отдельных случаях - например, у новообразований *диссидентщина* '1. Взгляды, поступки диссидентов; диссидентство; 2. Произведения литературы, кинематографа и т.п., противостоящие официальной, господствующей идеологии, содержащие критику существующего строя' и *гулаговщина* '1. О широком распространении системы лагерей ГУЛАГ; о массовых репрессиях в СССР в сер. 1930-х – начале 1950-х гг. XX века; 2. Образ жизни в ГУЛАГе; дух ГУЛАГа' – авторы НСЗ-90 в словообразовательно-этимологической справке дают двойную мотивацию: указывают в качестве производящего и существительное, и прилагательное. Такой подход обуславливается, вероятно, тем, что в живом словоупотреблении указанные производные действительно могут быть и отсубстантивными, и отадективными, причем иногда разные производящие связываются с разными значениями нового производного слова (как, например, у новообразования *диссидентщина*). Многие из обнаруженных в НСЗ-90 производных с суффиксом *-щин(а)* образованы от имен собственных: *кашпировщина*, *набоковщина*, *невзоровщина* и др. (подробнее производные с суффиксом *-щин(а)* рассмотрены в главе III).

Кроме рассмотренных словообразовательных моделей, которые оказываются весьма продуктивными на данном этапе развития языка, новые отсубстантивные

существительные могут создаваться и по другим моделям, хотя последние и менее активны в русском языке конца XX века. Так, в НСЗ-90 зафиксированы новообразования с суффиксами *-и(е)*, *-ик(а)*: *сверхдержавие* ‘то же, что сверхдержавность’. Отвлеченное значение характеризует и производные с суффиксом *-ик(а)*, но модель с данным формантом оказывается не столь востребованной говорящими: в НСЗ-90 было зафиксировано только одно отсубстантивное производное с этим аффиксом – *достоевистика* ‘область литературоведения, занимающаяся изучением жизни и творчества Ф.М. Достоевского’.

Интересными для словообразовательного анализа представляются неологизмы *деноминирование* ‘осуществление деноминации’, а также *колорирование* и *микрочипирование*. Авторы НСЗ-90 в словообразовательно-этимологической справке описывают слово *деноминирование* как производное от существительного *деноминация*. В РГ-80 также описывается продуктивный словообразовательный тип «основа существительного + *овани(е)*» со значением «действие или состояние, характеризующееся отношением к предмету ..., названному мотивирующим существительным» [РГ-80: §366]. В то же время, авторы РГ-80 отграничивают отсубстантивные производные от отглагольных образований с тем же дериватором: существительные с суффиксом *-овани(е)* считаются отсубстантивными, если не имеют соответствующего мотивирующего глагола. У новообразования же *деноминирование* существует потенциальный производящий глагол: в НСЗ-90 фиксируется и неологизм *деноминировать* ‘осуществить ... изменение ... нарицательной стоимости (номинала) денежных знаков по установленному соотношению с целью стабилизации денежного обращения и упрощения расчетов ...’. Можно предположить, что со строго синхронической точки зрения в настоящее время анализируемое существительное должно рассматриваться как отглагольное, к которому оно оказывается ближе и в формальном отношении (наличие интерфикса *-ир-* в обоих словах). Отнесение его авторами НСЗ-90 к отсубстантивным производным продиктовано, вероятно, тем,

что и глагол, и существительное появились в языке приблизительно в одно и то же время и могли быть образованы независимо друг от друга, т.е. с диахронической точки зрения существительное *деноминирование* вполне может быть отсубстантивным, тем более что подобные словообразовательные отношения поддерживались существовавшей в русском языке конца XX века тенденцией к образованию производных с суффиксом *-ни(е)* от основ существительных [Коряковцева 2016: 73-84]. Однако Е.И. Коряковцева отмечает, что «к началу XXI века эмпирическая продуктивность отыменных словообразовательных моделей с суффиксальными терминоэлементами *-ирование, -изирование, -ование* совершенно угасла» [Коряковцева 2016: 77]. Данные, полученные нами в ходе анализа материалов НСЗ-90, – всего три отсубстантивных производных – коррелируют с выводами исследователя.

При образовании новых производных имен существительных с отвлеченным значением используются далеко не все существующие в системе словообразовательные модели. Наиболее продуктивными оказываются модели с суффиксами *-ств(о), -аци(я), -изм, -щин(а)*. Показательным оказывается то, что эти суффиксы в системе обладают широкой синтагматикой – могут сочетаться не только с основами существительных, но и с основами других частей речи (глаголов и прилагательных). В то же время надо отметить, что трактовка некоторых новообразований как отсубстантивных производных оказывается спорной, намечаются расхождения, вызванные не только разными теоретическими установками разных исследователей, но и разными подходами – диахроническим или строго синхроническим.

«В процессах деривации медиальных неологизмов – *nomina abstracta* – реализуются системные потенции русского языка и находят свое выражение такие противоположные тенденции социолингвистического развития, обусловленные разнокультурным синкретизмом российского общества, как «стремление к коммуникативной выразительности» и «экономизация», «национальная

спецификация» и «интернационализация», «интеллектуализация» и «демократизация»» [Коряковцева 2008: 125].

2.3.3.2. Существительные отвлеченной семантики, мотивированные прилагательными

Новые абстрактные имена существительные в русском языке рубежа XX–XXI вв. нередко создаются на базе имен прилагательных. Подобные существительные совмещают в себе «присущее мотивирующему прилагательному значение признака со значением существительного как части речи» [РГ-80: §315]. При этом в языке могут использоваться такие дериваторы, как *–ств(о)* (*богатство, коварство*), *–и(е)* (*тщеславие, усердие*), *–изн(а)* (*новизна, рябизна*) [РГ-80: §315–327].

Наиболее продуктивной словообразовательной моделью, используемой при производстве новых существительных со значением отвлеченного признака, является модель «основа прилагательного + *–ость*». «Для всей истории словообразовательной модели существительных с суффиксом *–ость* характерно постоянное расширение словообразовательных связей этого форманта с основами прилагательных различного происхождения и морфологического строения, рост активности и утверждение данной модели в качестве единственно продуктивной при образовании имен отвлеченного качества» [Очерки по исторической грамматике 1964: 104]. Тенденции, имевшие место в предшествующие эпохи развития языка, продолжают действовать и в настоящее время, что подтверждают выборка из словаря НСЗ-90, а также материалы масс-медиа. Так, в НСЗ-90 фиксируется (без учета семантических неологизмов) около 70 отадъективных новообразований с суффиксом *–ость*: *автохтонность, американскость, валютонность, вандалоустойчивость, вненациональность, зомбированность, капиталистичность, кликабельность, клиповость, командность, коррупциогенность, оборзелость, пирамидность, попсовость* и мн.др.

В качестве производящих выступают не только прилагательные (*династийный – династийность, гляцевый – гляцевость*), но и страдательные причастия в форме прошедшего времени (*зашлакованный – зашлакованность* и др.),

что в целом не нарушает системных отношений. Еще в середине XX века акад. В.В. Виноградов писал, что «для современного языка характерен рост отглагольных образований на *-нность* (*-енность, -анность*) и *-мость* (*-есть и -имость*)» [Виноградов 1972: 109]. Это наблюдение актуально и для русского языка конца XX века: в НСЗ-90 фиксируются такие образования, как *воцерковленность* ‘приобщенность к вере, церкви, соблюдению религиозных обрядов’ (от *воцерковленный, воцерковлять / воцерковить*); *заполитизированность* ‘патологическое увлечение политикой; чрезмерная подчиненность интересам политики и идеологии’ (от *заполитизированный, заполитизировать*); *засвеченность* в первом значении ‘известность, популярность, связанная с частым упоминанием в средствах массовой информации, активной деятельностью в какой-л. сфере’ (от *засвеченный, засветиться*) и мн.др.

Несколько нарушает системные отношения неологизм *американскость* ‘1. Совокупность черт, составляющих сущность американского образа жизни, культуры; 2. Американское происхождение, американская сущность чего-л.’, который мотивируется относительным прилагательным *американский* с суффиксом *-ск(ий)*. Вместе с тем, возможность появления производных от прилагательных с суффиксом *-ск(ий) / -к(ий)* оговаривалась еще в РГ-80: «существительные этого типа, мотивированные прилагательными с суффиксом *-ск(ий)* единичны <...>. Однако возможны окказиональные образования <...> (*советскость..., русскость...*)» [РГ-80: §315]. Анализируя подобные примеры, Е.В. Сенько говорит об устранении существующих ограничений в сочетаемости суффикса *-ость* с основами прилагательных [Сенько 2007: 230].

Акад. В.В. Виноградов отмечал, что слова с суффиксом *-ость* – «это имена существительные с отвлеченным значением, преимущественно употребляемые в стилях книжной речи» [Виноградов 1972: 109]. Книжная окраска оказывается характерной и для современных новообразований: так, с пометой «профессиональное» толкуются слова *аффилированность* ‘тесная финансовая связь, обусловленная совместным владением чем-л.’, *вандалоустойчивость*

‘устойчивость к разрушению от рук вандалов’; *виктимность* ‘способность потенциальной жертвы невольно провоцировать преступника на насилие по отношению к ней’ и др.; помета «публицистическое» характеризует неологизмы *династийность* ‘наследование детьми общественного положения, рода деятельности их родителей, предков’; *карманность* ‘полная зависимость от кого-л., беспрекословная подчиненность кому-л.’. С пометой «книжное» дается новообразование *витальность* ‘жизнеутверждающая сила кого-, чего-л.; жизнеспособность, энергичность; оптимизм’. В то же время новообразования с суффиксом *-ость* не ограничиваются только книжными сферами, они могут создаваться и в разговорной сфере: с пометой «разговорное» дается неологизм *засвеченность*; с пометой «разговорно-сниженное» – неологизм *затюканность* ‘1. Забитость, запуганность, неуверенность в себе в результате постоянных придирок, нападок; 2. Измученность, замотанность чем-л. регулярно повторяющимся’.

Семантика неологизма может быть связана не с прямым, а с переносным значением производящего слова: связаны отношениями полной переносной мотивированности [Ширшов 1995], например, неологизм *карманность* и производящее прилагательное *карманный* ‘полностью зависимый от кого-л., беспрекословно подчиняющийся кому-л.’ [БАС-3]; неологизм *засвеченность* и производящее страдательное причастие *засвеченный* как форма глагола *засвечиваться** ‘1. Обратить ... на себя внимание, стать известным благодаря появлению где-л., участию в чем-л. с кем-л.; ... 4. Обнаружить ... свое присутствие, свою причастность, участие, использование где-л., в чем-л. ...’.

Неологизмы анализируемой группы нередко создаются на базе слов с заимствованными основами: новообразование *аффилированность* создано от формы *аффилированный* глагола *аффилировать*, происходящего, по данным авторов НСЗ-90, от английского *affiliate*; иноязычную производящую базу имеют неологизмы *виртуальность* ‘существование в нереальном, воображаемом мире, создаваемом компьютерной техникой...’; *китчевость* / *кичевость* ‘характер / характерные черты массовой культуры’ и др. Наличие подобных производных

свидетельствует об активной адаптации иноязычных заимствований в русском языке конца XX века. Как отмечают исследователи, «словообразование на базе иноязычий становится на рубеже веков доминирующим источником новых номинаций, источником обновления лексической системы русского литературного языка» [Маринова 2008: 439].

Авторы РГ-80 отмечают высокую продуктивность модели «основа прилагательного + *изм*», особенно в публицистической речи. Однако в НСЗ-90 были нами обнаружены только отдельные отадекватные существительные с данным дериватором – *западнизм* и *парашланеризм*. Неологизм *западнизм* является по происхождению авторским образованием (принадлежит А.А. Зиновьеву), которое, по мнению авторов словаря, уже оторвалось от первоначального контекста, стало фактом языка и обозначает ‘социальный строй современных стран запада, сочетающий элементы капитализма и демократии’. Инновация имеет словообразовательное значение «признак, названный мотивирующим прилагательным, как общественно-политическое, научное ... направление, склонность» [РГ-80: §319].

Любопытными оказываются новые существительные с суффиксом *-изн(а)*: *голубизна** ‘принадлежность к гомосексуалистам (голубым)’ и *желтизна** ‘желтая пресса, ее характерные черты ...’. В словаре НСЗ-90 они подаются как семантические неологизмы, т.к. в языке и ранее существовали слова *голубизна* и *желтизна*, но с другими значениями. В то же время здесь можно усматривать вторичное словообразование от переносных значений базовых прилагательных: *голубой** ‘1. Относящийся к гомосексуалистам, гомосексуализму, связанный с ними ...’ и *желтая (пресса)* ‘о прессе, публикующей в погоне за сенсацией скандальные сообщения, рассчитанные на обывательские, мещанские вкусы’ [БАС-3 2006]. Таким образом, появление неологизмов как бы активизирует существующий малопродуктивный словообразовательный тип.

Востребованным на рубеже XX–XXI веков оказывается словообразовательный тип с формантом *-щин(а)*. Так, в НСЗ-90 фиксируются

неологизмы *коммунальщина* ‘нравы, поведение, детали быта и т. п. Недружных жильцов коммунальной квартиры; схожие отношения людей за пределами такой квартиры’; *криминальщина* ‘преступность, криминалитет’; *латиноамериканщина*, *потусторонщина* и под., которые могут рассматриваться как производные от прилагательных *коммунальный*, *криминальный*, *латиноамериканский*, *потусторонний* соответственно.

В РГ-80 описывается и словообразовательная тип «основа прилагательного + -ащи(я)» [РГ-80: §314] (по этому типу было создано существительное *новация* с предметным значением «носитель признака» [РГ-80: §314]). Немногочисленные примеры, встречающиеся в НСЗ-90 (*латиноамериканизация*, *суверенизация* и под.), свидетельствуют о расширении синтагматических возможностей в рамках типа, в котором формируется наряду с конкретно-предметной и отвлеченная семантика.

Анализ новых отадъективных отвлеченных существительных позволяет выявить основные тенденции развития данного участка языковой системы. В то же время примечательно, что современные материалы подтверждают то направление развития словообразовательной системы, которое было выявлено по данным предшествующих периодов языковой эволюции, в частности – утверждение суффикса *-ость* в качестве основного средства выражения отвлеченного признака [Очерки по исторической грамматике 1964: 111], преодоление им разного рода ограничений в сочетаемости. При всем разнообразии словообразовательных моделей и типов, существующих в языке, при создании неологизмов на рубеже XX–XXI веков востребованными оказываются далеко не все языковые ресурсы. Анализ материалов НСЗ-90 показывает, что почти исключительно используется самая продуктивная словообразовательная модель: «основа прилагательного + *-ость*». Так, при выборке из НСЗ-90 нам встретились единичные производные от прилагательных, образованные с помощью суффиксов *-ств(о)* (*раздолбайство*, *ротарианство*), *-от(а)* (*крутота*), не встретилось производных с суффиксом *-инк(а)* и др., хотя типы с подобными дериваторами описываются в РГ-80 как продуктивные.

2.3.3.3. Существительные отвлеченной семантики, мотивированные глаголами

Среди имен существительных, мотивированных глаголами, традиционно выделяются две большие группы производных, противопоставленные друг другу по словообразовательному значению. Это слова «с общим словообразовательным значением «носитель процессуального признака» и слова со значением «отвлеченного действия или состояния»» [Краткая русская грамматика 2002: 52]. При этом у слов второй группы, как отмечают исследователи, сохраняется присущее глаголам значение процессуального признака, которое совмещается со значением существительного как части речи [Краткая русская грамматика 2002: 52].

Словообразовательная система языка обладает широким набором формантов, позволяющих конструировать новые отглагольные субстантивы. В РГ-80 описано более 20 словообразовательных типов с различными суффиксами, используемыми для образования существительных со значением отвлеченного процессуального признака [РГ-80: §§ 256–283]: при словообразовании используются суффиксы *-аж*, *-аци(я)*, *-к(а)*, *-ств(о)* и мн.др., иногда придающие производным словам разную стилистическую окраску (ср. производные *промывка* с разговорной окраской и *промывание* – с книжной). Однако активность моделей (типов) и, соответственно, формантов в языке новейшего периода оказывается различной.

Материалы НСЗ-90 показывают, что наиболее продуктивным суффиксом, с помощью которого образуются новые существительные со значением отвлеченного процессуального признака, оказывается суффикс *-ни(е)*: *бомжевание* ‘образ жизни бомжа, бомжей; ведение такого образа жизни’ от *бомжевать*; *бронзовение* ‘обретение кем-, чем-л. ореола неприкосновенности, святости, непогрешимости’ от *бронзовать*; *допингование* ‘стимулирование запрещенными средствами (о спортсменах)’ от *допинговать*; *зомбирование* ‘воздействие на сознание, поведение человека (людей) с целью подчинения его (их) чужой воле, управления его (их) сознанием и поступками разными способами и методами’; *сэмплирование /семплирование* ‘запись каких-л. звуков, музыкальных фрагментов и создание на их

основе оригинальных композиций, аранжировок с помощью сэмплера (семплера) и компьютерных программ; сэплинг' и др. Суффикс *-ни(е)* репрезентирован морфами *-ни(е)* и *-ени(е)*. Продуктивность указанного суффикса характерна не только для исследуемого периода: он рассматривается как высокопродуктивный и в РГ-80, а «словообразовательная модель имен со значением отвлеченного действия, производимых посредством суффиксов *-ние, -ение, -тие*, относится к числу древнейших и известна общеславянскому языку» [Очерки по исторической грамматике 1964: 86].

Некоторые новообразования с указанным суффиксом имеют пометы, определяющие как сферу употребления неологизмов (*зادвижение* 'перемещение на менее высокую, не столь ответственную, ниже оплачиваемую и т.п. должность' – «разговорное»; *изгалеение* 'злое издевательство, глумление' – «разговорно-сниженное» и др.), так и их коннотацию (*бронзовение* 'обретение кем-, чем-л. ореола неприкосновенности, святости, непогрешимости' – «ироническое»).

Характерно то, что в настоящее время с исконным суффиксом активно сочетаются иноязычные основы, что свидетельствует об освоении заимствований: *кеширование / кэширование, рейтингование* и др.

Производные с суффиксом *-аци(я)* имеют то же словообразовательное значение, что и слова с суффиксом *-ни(е)*: *банкротизация* и *виртуализация*. Данные НСЗ-90 показывают, что этот суффикс достаточно продуктивен в словообразовательных процессах новейшего периода. В то же время в словаре НСЗ-90 представлено небольшое число новообразований, созданных с помощью суффикса *-аци(я)* от глагольной основы: *банкротизация* от *банкротить*, *виртуализация* от *виртуализировать*, *прихватизация, расприватизация* и нек.др. У новообразования *банкротизация* 'признание юридического лица (обычно предпринимателя) неплатежеспособным, банкротом' и его производящего глагола *банкротить*, по данным НСЗ-90, можно отметить взаимную семантическую мотивацию: производящий глагол в словаре толкуется через производное существительное (*банкротить* 'подвергать банкротизации'). Кроме того, при

образовании субстантива происходит нарушение системных отношений: согласно данным РГ-80 в подобной позиции мог бы быть использован морф –*аци(я)* без элемента –*из-*: **банкротация*. Использование интерфикса в данном случае можно объяснить действием аналогии и фонетическими причинами.

Образование неологизма *виртуализация* происходит без нарушения внутрисистемных отношений от иноязычной основы на –*ирова(ть)*, которая в процессе словопроизводства усекается (ср.: *деградация* – *деградировать*). У новообразования *виртуализация* ‘1. Широкое внедрение компьютерных и интернет-технологий в различные сферы деятельности; 2. Перевод чего-л. в виртуальные формы’ отсутствуют в словаре какие-либо пометы, а семантика данного новообразования позволяет отнести его к книжной лексике, что также соответствует сложившейся системе: как отмечается в РГ-80, «большинство новообразований этого типа принадлежит к книжной лексике (преимущественно к научно-технической терминологии)» [РГ-80: §263]. Согласно данным НКРЯ, субстантив *виртуализация* оказывается более частотным, чем его производящее *виртуализировать*. Это может объясняться тем, что более востребованным для носителей языка оказывается не обозначение самого действия, а обозначение действия через предмет, опредмеченного действия.

Указанный дериватор – суффикс –*аци(я)* – может сочетаться и с основами существительных (п. 2.3.3.1.); как показывают данные НСЗ-90, последняя модель является в наши дни более активной, чем хронологически предшествовавшая ей модель с производящей глагольной основой.

По данным РГ-80, продуктивность в разговорной речи и просторечии обнаруживает словообразовательный тип отглагольных субстантивов, образованных с помощью суффикса –*изм* (ср. *отозвать* – *отзовизм*, *приземлять* — *приземлизм* [РГ-80: §272]) и обозначающих отвлеченный процессуальный признак. С помощью этого же дериватора созданы новообразования *рассуждизмы* ‘пространные рассуждения, разглагольствования, основанные на чьем-л. субъективном мнении’ с пометой «неодобрительное или ироническое», от *рассуждать* и *засоризм* ‘слово,

выражение (обычно жаргонного или иностранного происхождения), которое засоряет язык', с пометой «публицистическое, пренебрежительное», от *засорять*. При этом второй неологизм обозначает не «название идейных и политических направлений, склонностей» [РГ-80: §272], а «элемент языка, речи или какого-либо произведения ...» [РГ-80: §290]. Таким образом, при образовании новации *засоризм* наблюдается отклонение от существующего словообразовательного типа, изменение в словообразовательном значении производного, связанное, видимо, с влиянием другого словообразовательного типа, т. к. элемент языка или речи называют, согласно данным РГ-80 и «Словаря словообразовательных аффиксов» [Лопатин, Улуханов 2016] отыменные производные.

Новообразования *доставаловка* 'приобретение, получение чего-л. отсутствующего в широкой продаже путем обходных путей, знакомств'; *дразниловка* 'сексуально привлекательный вид или эротичное поведение, вызывающее желание'; *душиловка* '1. Отсутствие свежего воздуха в тесном пространстве, затрудненное дыхание; духота // о том, что зажимает горло, душит кого-л.; 2. О каких-л. экономических, финансовых, социальных трудностях в сфере производства; 3. Давление, притеснение кого-л.; строгие меры, направленные на кого-, что-л.; 4. Обилие, копление чего-л., вызывающее тесноту', *завлекаловка* и др. образованы с помощью суффикса *-ловк(а)*, продуктивного в просторечии и имеющего значение «действия, состояние, названные мотивирующим словом, с неодобрительной экспрессией» [Лопатин, Улуханов 2016: 490], а также «лицо – субъект такого действия» [Лопатин, Улуханов 2016: 491]. В РГ-80 словообразовательный тип с абстрактной семантикой не описывается – описывается только омонимичный ему словообразовательный тип «основа глагола + *-ловк(а)*» с семантикой «места, характеризующегося действием, названным мотивирующим глаголом» (*забегаловка*) [РГ-80: §229]. Однако в новейшем справочном издании [Лопатин, Улуханов 2016] уже описывается и тип с отвлеченной семантикой.

Следует отметить, что у всех обнаруженных новообразований с суффиксом *-ловк(а)* есть помета «разговорное» (а у слов *доставаловка*, *душиловка*,

завлекаловка есть также помета «неодобрительное»), что, с одной стороны, повышает статус производных слов, а с другой стороны, отражает неоднократно отмечаемую тенденцию к демократизации языка.

При образовании неологизмов используются также суффиксы –*ёж*; –*к(а)*; –*лов(о)*: *давёж*, *кидка*, *кидалово*. При этом новообразования оказываются стилистически маркированными и могут дублировать друг друга по значению и по сфере употребления (*кидка* – *кидалово*).

Наличие стилистической окраски у суффикса –*ёж* позволяет с его помощью создать новообразование от производящего глагола *давить*, у которого уже есть производный субстантив *давление* со значением отвлеченного действия. Инновация *давёж* ‘психологическое, идеологическое, моральное воздействие, давление на кого-л.’ дается с пометой «разговорное». Оно образовано в соответствии с существующей моделью, продуктивность которой в разговорной сфере и просторечии отмечается авторами РГ-80 [РГ-80: §269].

Необходимо отметить и небольшую группу отглагольных существительных, образованных в результате нулевой суффиксации (или флексийным способом, по В.Н. Немченко): *дозвон*, *задвиг*, *закос*, *обзвон*, *перепас* и др.

Анализ отглагольных новообразований с отвлеченной семантикой показывает гибкость словообразовательной системы русского языка, ее готовность обслуживать новые общественные реалии и, одновременно, ее внутреннюю устойчивость и стабильность. В языке постоянно происходит отбор наиболее востребованных элементов, причем изменения можно наблюдать даже в относительно короткий временной промежуток. Так, авторы РГ-80 отмечают продуктивность суффикса –*ств(о)* при образовании отглагольных субстантивов [РГ-80: §264], однако в наших материалах не было обнаружено ни одного отглагольного производного с данным дериватором (хотя суффикс продуктивен при образовании отыменных производных).

При образовании новых производных имен существительных с отвлеченным значением используются далеко не все существующие в системе словообразовательные модели. Наиболее продуктивными оказываются модели с суффиксами *-ств(о)*, *-аци(я)*, *-изм*, *-щин(а)*. Эти суффиксы в системе могут сочетаться не только с основами существительных, но и с основами других частей речи (глаголов и прилагательных).

Обращает на себя внимание и характер производящих основ. Так, нередко в качестве производящих для слов анализируемой группы выступают слова, называющие актуальные, общественно важные реалии, характеризующие новые общественные отношения. Весьма активно в качестве производящих выступают и имена собственные, что более подробно рассматривается в главе III.

2.3.4. Суффиксальные существительные с модификационными значениями

Значительную группу (около 200) неологизмов-существительных составляют производные с модификационными словообразовательными значениями. Сущность словообразовательной модификации заключается в том, что «производные <...> обозначают разного рода видоизменения (модификацию) значения производящей основы» [Земская 2009б: 200]. В РГ-80 описывается большое число словообразовательных моделей, в которых производные имеют модификационные значения: женскости, невзрослости, подобия, собирательности, единичности и т.д. При этом в словотворческой практике (по данным НСЗ-90) оказываются реализованными лишь некоторые из предлагаемых языком словообразовательных моделей. Рассмотрим их подробнее.

2.3.4.1. Неологизмы со значением женскости

В НСЗ-90 зафиксировано более 70 производных со значением женскости, созданных с помощью разнообразных (как продуктивных, так и малопродуктивных) словообразовательных формантов. Г.П. Нещименко, отмечая активизацию

образования в русском языке парных феминативов (феминитивов), усматривает в этом процессе и возможное влияние «разговорного узуса» [Нещименко 2012: 17]. О.М. Карева обращает внимание, что «на протяжении XIX–XX вв. в системе русского языка при обозначении лиц женского пола наблюдались разные тенденции, обусловленные экстралингвистическим фактором: изменением социального статуса женщин, их роли в различных сферах общественной жизни» [Карева 2008: 103]. Вследствие этого не только возрастает количество новых производных с общим словообразовательным значением «лицо женского пола», но и, в некоторых случаях, изменяется семантика словообразовательных суффиксов. В частности, многие словообразовательные типы, называющие лиц женского пола, имеют несколько значений, разделяются на подтипы: «модификационное значение лица женского пола»; «жена лица, названного мотивирующим словом»; «самка животного» [РГ-80: §380-393]. Однако среди зафиксированных в НСЗ-90 новообразований чаще всего реализуется только первое, самое широкое словообразовательное значение.

Русский язык обладает богатым набором (более 10) словообразовательных суффиксов, с помощью которых образуются существительные, обозначающие лиц женского пола. При производстве неологизмов в конце XX века оказываются задействованными, естественно, далеко не все из них. Самым продуктивным оказался суффикс *-к(а)* (его продуктивность подтверждается как результатами нашей выборки, так и результатами исследования О.М. Каревой [Карева 2008], которая опиралась на базу данных «Неолекс», насчитывающую к 2008 году более 130 000 единиц). С помощью суффикс *-к(а)* образовано около 50 новых производных с общим модификационным значением «лица женского пола», таких, например, как *алисоманка* ‘поклонница рок-группы «Алиса»’; *виртуалка* ‘3. Девушка, женщина – активный пользователь Интернета, любительница проводить время в виртуальной реальности’; *галеристка* ‘то же, что галерейщица (владелица художественной галереи ...)’; *ди-джейка* ‘ведущая музыкальной программы на дискотеке, радио и телевидении; женщина – диск-жокей’; *клипоманка*,

пауэрлифтингистка, подписантка, регбистка, сноубордистка, транссексуалка, цеховичка, членка, экологистка и др.

Суффикс *-к(а)* используется и при образовании существительных со значением «самка животного»: *боксерка* – ‘то же, что боксёрша <самка собаки породы «боксер»>’. В то же время в словаре не представлены производные с данным суффиксом, обозначающие «жену лица, названного мотивирующим словом» (ср.: *солдатка, рекрутка* [РГ-80: §381] и др.).

Новые феминативы с суффиксам *-к(а)* могут относиться к разнообразным тематическим группам: среди них есть слова, обозначающие сторонниц какого-либо политического или общественного лидера, членов той или иной политической партии (*гайдаровка, ельцинистка, дудаевка* и др.); слова, называющие лиц женского пола по профессии или роду деятельности (*визажистка* ‘женщина-визажист (косметолог, художник-гример)’; *гебистка / гэбистка* ‘то же, что гэбэшница <сотрудница Комитета государственной безопасности>’; *ди-джейка / диджейка* ‘ведущая музыкальной программы на дискотеке, радио и телевидении; женщина – диск-жокей’; *нардепка, перформансистка, плечовка* и др.), в том числе женщин-спортсменок (*боксерка* ‘то же, что боксерша <спортсменка, занимающаяся боксом>’; *гольфистка, полиатлонистка, могулистка* и др.). Отдельные новообразования обозначают физиологические или расовые характеристики лиц женского пола: *афроамериканка* (‘американка африканского происхождения’); *бисексуалка* (‘женщина, склонная к бисексуализму’), *транссексуалка* и др.

В качестве производящих для данной группы феминативов выступают соответствующие существительные, обозначающие лиц мужского пола (*гайдаровец, гольфист, ельцинист* и др.), среди которых немало новообразований конца XX века, зафиксированных в НСЗ-90. Таким образом, наличие производных-феминативов свидетельствует о быстрой словообразовательной адаптации неологизмов, о том, что называемые ими понятия весьма социально значимы. В процессе словообразования у производящей основы может усекаться суффикс *-ец*

(афроамерикан-ец + κ(а) → афроамериканка), что в целом характерно для данной словообразовательной модели.

Среди новых производных есть как нейтральные образования, так и стилистически окрашенные. С пометами «разговорное» толкуются неологизмы *боксерка*; *гастролёрка* ‘о девушке, женщине, прибывшей куда-л. на короткое время с какой-л. целью // о девушке, женщине, выезжающей за рубеж с целью проституции’; *демороска*; *жириновка*; *подписантка*, *пофигистка* и др. Кроме того фиксируются новообразования с пометами «разговорно-сниженное» (*гебистка*) и «разговорное профессиональное» (*гарсонка* ‘молодая девушка; женщина, внешним видом, поведением напоминающая подростка’). Стилистическая отнесенность некоторых образований, созданных по данной модели, к разговорной лексике отмечалась исследователями и ранее: «тип высоко продуктивен как в разговорной речи, так и в сфере официальных наименований» [РГ-80: §381]. Наличие эмотивной пометы «неодобрительное» при слове *ельцинистка* обусловлено, очевидно, влиянием экстралингвистических факторов. В целом же надо отметить, что для данной группы новообразований не характерно большое разнообразие помет. Например, в этой группе слова встретились единичные новообразования с такими распространенными пометами, как «жаргонное» (*цеховичка*) или «публицистическое» (*совгражданка*).

Интересен анализ новообразования *звездулька* ‘то же, что звезденка, звездуня (о популярной эстрадной певице, актрисе)’, которое дается с пометами «разговорное» и «пренебрежительное». Во-первых, присоединение дериватора приводит к однозначному обозначению лица женского пола (в отличие от производящего *звезда* (‘тот, кто пользуется широкой популярностью’ [БАС-3]), которое может относиться как к мужчине, так и к женщине, ср.: *"Божественной"* называли и продолжают называть самую яркую из первых *"звёзд"* Голливуда— *Грету Гарбо*; *Чарльз Спенсер Чаплин стал звездой*, когда только начала складываться система звёзд [НКРЯ]). Во-вторых, присоединение суффикса –ульк(а) приводит к возникновению у новообразования негативной оценочности.

Необходимо отметить и то, что в РГ-80 описывается только отглагольная модель с суффиксом *-ульк(а)* (*висеть* – *висюлька*; *свистеть* – *свистулька* [РГ-80: §231]), который квалифицируется как морф суффикса *-к(а)* [РГ-80: §231]. Таким образом, омонимия, т.е. формальное совпадение суффиксов *-к(а)1* (с помощью которого создается наименование ‘предмета, характеризующегося действием, названным мотивирующим словом’ [РГ-80: §231]) и *-к(а)2* (который используется при образовании производных, называющих лиц женского пола), приводит к перераспределению морфов, реализующих данные морфемы.

Аналогичное явление, вероятно, наблюдается и в новообразовании *звездючка* (‘то же, что и *звездунья* (о популярной эстрадной певице)’), которое также обладает отрицательной коннотацией: толкуется с пометами «разговорно-сниженное, пренебрежительное или презрительное». Кроме того, при создании данного неологизма, возможно, сыграло роль и наличие прецедентного слова – псевдонима популярного эстрадного исполнителя «Верка Сердючка».

Еще один продуктивный суффикс, с помощью которого создаются имена лиц женского пола – суффикс *-ш(а)*. Он использован при образовании более 30 новых единиц, зафиксированных в НСЗ-90: *байкерша* ‘девушка, женщина – член клуба байкеров, байкерской группировки’; *букерша* ‘женщина, являющаяся букером’; *киллерша* ‘женщина, совершающая убийство по заказу’; *клипмейкерша*, *пресс-секретарша*, *рэкетирша*, *спонсорша*, *юзерша* и др. На продуктивность этого суффикса указывает и О.М. Карева [Карева 2008]. Суффикс *-ш(а)* в системе сочетается с основами имен существительных, оканчивающихся на *-р*, *-л*, *-н* – новообразования также не нарушают существующей закономерности: *банкир* > *банкирша* ‘женщина-банкир (владелец или крупный акционер банка)’; *бизнесмен* > *бизнесменша* ‘то же, что бизнесменка; бизнес-вумен; бизнесвуменша; <...>; женщина-предприниматель ...’; *мэриша* и др.

Авторы РГ-80, описывая словообразовательный тип «основа существительного + *-ш(а)*», отмечают у него два значения: «а) модификационное значение лицо женского пола <...>; б) значение “жена лица”<...>» [РГ-80: §385], в

то же время оговариваясь, что эти значения могут смешиваться: в современной разговорной речи одно и то же слово может употребляться и в том, и в другом значениях. Такую многозначность можно наблюдать, например, у слова *майорша*: 1. *Фамилия у нее такая, майорша, то есть муж у нее майор, и наша знаменитая телезвезда...* [НКРЯ]; 2. *А там слушала кудинкинские разглагольствования майорша Гавриловская, женщина гренадерского роста, железной воли и фантастической доброты. Последние несколько месяцев она любила Кудинкина и даже, кажется, собиралась за него замуж* [НКРЯ]. Однако у фиксируемых в конце XX века новообразований в большинстве случаев реализуется только первое значение – ‘лицо женского пола’. Более того, это значение фиксируется и у уже существовавших в языке феминативов со значением «жена лица». Например, как семантический неологизм (т.е. с пометой «*») подаются слова *капитаниша** ‘1. Женщина – капитан вооруженных сил, формирований внутренних войск милиции; 2. Женщина – руководитель (капитан) спортивной команды’; *премьерша** ‘женщина – премьер-министр’. В то же время можно предполагать, что новые значения формируются не в результате семантического переноса (ср. в БАС-3: *капитаниша* – ‘1. Жена капитана; 2. Женск. к капитан’ [БАС-3]), а в результате повторной реализации модели.

Второе значение – ‘жена лица’ – тоже обнаруживается у новаций, зафиксированных в НСЗ-90, но гораздо реже, чем первое: *мэрша* ‘1. Женщина – глава городской исполнительной власти; 2. **Жена мэра**’ [выделено нами. – **Е.Ж.**].

Показательным примером активности деривационных процессов и гибкости русского словообразования являются неологизмы *бизнес-вумениша* ‘то же, что бизнес-вумен; бизнесменка, бизнесменша <...>’ и *гёрлфрендша* / *гёрл-френдша* ‘то же, что гёрлфренд <девушка, подруга, с которой у молодого человека любовные отношения>’. Они семантически избыточны, т. к. в них значение ‘лицо женского пола’ «выражено дважды: лексически <...> и грамматически». Суффикс *-ш(а)*, присоединяемый к заимствованным основам, «способствует ассимиляции иноязычных слов нефлексивного типа [в данном случае оба производящих –

бизнесвумен и *гёрлфренд* – фиксируются в НСЗ-90. – *Е.Ж.*], встраивая их в систему русского склонения» [Карева 2008: 104]. Таким образом, суффиксация ускоряет адаптацию иноязычных заимствований.

Феминативы с суффиксом *-ш(a)* обычно рассматриваются как разговорные. Так, в РГ-80 отмечается, что «основная сфера продуктивности типа – разговорная речь» [РГ-80: §385]. Это обусловлено семантикой дериватора. Заметим, что, несмотря на описываемые О.М. Каревой изменения в окраске суффикса *-ш(a)*, его стремление к тому, чтобы стать нейтральным – «используется стилистически нейтрально, утрачивая пренебрежительную окраску» (причем подобное явление уже имело место в русском языке в начале XX века, однако затем производные с суффиксом *-ш(a)* вновь приобрели сниженный стилистический оттенок) [Карева 2008: 104]), среди отмечаемых в НСЗ-90 образований с этим аффиксом большинство оказываются стилистически окрашенными. Без каких-либо стилистических помет толкуются немногие новообразования (*киллерша, роллерша, сутенерша*). С пометами «разговорное» подаются, например, неологизмы *банкирша, бизнесменша, боксерша* и др. (на фоне нейтральных производящих *банкир, бизнесмен, боксер*, которые, например, в [СОШ] даются без помет). Помета «разговорно-сниженное» сопровождает новообразование *бизнес-вумениша*, хотя его производящее *бизнес-вумен / бизнесвумен / бизнес-вумэн*, фиксируемое в НСЗ-90, не сопровождается какими-либо пометами. В последнем случае можно предположить, что с помощью суффикса *-ш(a)* иноязычная единица не просто встраивается в систему русского словоизменения, но и получает вполне определенную, неодобрительную коннотацию: получается, что новообразования *бизнес-вумен* и *бизнес-вумениша* выступают как стилистические синонимы.

Вероятно, суффикс *-ш(a)* не влияет на стилистическую окраску слова *байкерша*, которое подается с пометой «жаргонное», т.к. та же помета сопровождает и производящее *байкер*, и однокоренное *байк*, выступающее как вершина данного словообразовательного гнезда. Любопытно отметить, что другие однокоренные

новообразования (*байкерский, байкерство, байкер-шоу, байк-пати*), фиксируемые в НСЗ-90, толкуются уже без помет.

В новообразованиях *боксёрша*² ‘самка собаки породы «боксер» ...’ и *лабрадорша* ‘самка собаки породы лабрадор’ реализуется еще одно значение, не описанное в РГ-80 [РГ-80: §385], – «самка животного». Данное значение, возможно, развивается под влиянием синонимичных суффиксов *-к(а)*, *-их(а)*, *-иц(а)*, с помощью которых могут создаваться наименования самок животных.

Некоторые изменения в семантике наблюдаются у словообразовательного типа «основа существительного + суффикс *-ш(а)*». Он, как отмечается в РГ-80, продуктивен в разговорной речи, при этом производные нередко обладают «иронической или неодобрительной экспрессией» (*директорша, инженерша, мэриша* и др.) [РГ-80: §385]. Вместе с тем исследователи отмечают, что в настоящее время суффикс *-ш(а)* во многих случаях «используется стилистически нейтрально, утрачивая пренебрежительную окраску» (причем подобное явление уже имело место в русском языке в начале XX века, однако затем производные с суффиксом *-ш(а)* вновь приобрели сниженный стилистический оттенок) [Карева 2008: 104].

Система располагает и другими словообразовательными моделями, по которым могут создаваться существительные-феминативы. Среди новых слов отмечаются производные, созданные по моделям «основа существительного + *-иц(а)*» или «основа существительного + *-их(а)*» [РГ-80: §§382; 384]. Так, с помощью суффикса *-иц(а)* образовано около 20 новаций: *авторица* ‘женщина – автор литературного произведения’; *бутылочница* ‘женщина, добывающая себе деньги на пропитание сбором пустых бутылок на улицах, свалках и т.п. с последующей их продажей в пункты приема стеклотары’, *лотерейщица*, *лохотроница*, *новостийщица*, *одномандатница*, *потомица*, *рок-н-ролльщица*, *тусовищица* и нек.др.

Образования с дериватором *-иц(а)*, согласно РГ-80, могут быть мотивированы как непроизводными существительными (например, как в рассмотренном новообразовании *авторица* ← *автор*), так и производными именами с суффиксами *-ник*, *-щик* и др. (например, *бутылочница* ← *бутылочник*; *галерейщица* ←

галерейщик; гебешница ← *гебешник*). В последних случаях финали производящих основ усекаются в соответствии с закономерностями словообразовательной системы [РГ-80: §382]. Надо отметить, что слова *галерейщица* и *гебешница*, по мнению авторов НСЗ-90, которое отражено в словообразовательной справке, имеют двойную мотивацию: рассматриваются как производные и от слов *галерея* и *КГБ / гэбэ*, и от *галерейщик*, *гэбэшник* соответственно, образованные с помощью суффиксов –*иц(а)* и –*ишиц(а) / ниц(а)*. Указание на двойную мотивацию может быть обусловлено стремлением авторов НСЗ-90 к максимально объективному описанию путей возникновения нового слова, формальными показателями и, возможно, тем, что усиление роли женщин в современном обществе способствует мотивации феминативов не существительными, называющими лиц мужского пола, а непосредственно существительными, называющими место, сферу деятельности. Тем не менее представляется, что с точки зрения синхронии слова *галейрейщица* и *гебешница* однозначно мотивируются агентами *галерейщик* и *гебешник*, а в качестве дериватора выступает суффикс –*иц(а)*.

Почти все новообразования с суффиксом –*иц(а)*, за исключением *галерейщица*, даются с разного рода стилистическими пометами: по сфере употребления они характеризуются как разговорные (*авторица*, *бутылочница*, *потомница* и др.), разговорно-профессиональные (*сборница*, *персональщица* и др.) или разговорно-сниженные (*гебешница*); помета «ироническое» (например, у новообразования *авторица*) указывает на эмоциональную окраску новации. При этом наличие коннотации у новообразований обусловлено не спецификой словообразовательной модели (ср. *работница*, *ударница*, *императрица* [РГ-80: §382]), а особенностями производящих основ или семантико-стилистическими особенностями новой единицы.

С помощью суффикса –*их(а)* было образовано всего три неoderивата: *бомжиха* ‘женщина – бомж; бездомная бродяжка <...>’; *вампириха* ‘женщина, паразитирующая за счет энергии, жизненных сил других людей, живущая за их счет; энергетический вампир <...>’; *челночиха*. Новообразования с данным суффиксом

тоже даются с пометами «разговорное». Однако в этом случае стилистическая окраска поддерживается не только производящими основами, но и самой словообразовательной моделью, характерной для разговорной речи [РГ-80: §384]. Эти неологизмы образованы без нарушений словообразовательной системы (если рассматривать производящее *бомж* как немотивированное, переставшее быть аббревиатурой). Они так же, как и многие другие новые феминативы, имеют синонимы: *вампириха* – *вампириша* (второе зафиксировано в ТС конца XX века, 1998 и БАС-3); *челночиха* — *челночница**. При этом интересно отметить семантические расхождения между данными новообразованиями: *вампириша* в БАС-3 имеет более широкое значение ‘женск. к вампир’, а *вампириха* в НСЗ-90 дается с пометой «переносное» и имеет более узкое толкование – ‘женщина, паразитирующая за счет энергии, жизненных сил других людей, живущая за их счет; энергетический вампир’, т.к. в этом случае в основе номинации лежит переносное (отраженное в НСЗ-90) значение производящего *вампир* – ‘человек, поглощающий биоэнергию, жизненные силы других людей <...>’ (ср. толкование *вампир* в БАС-3: ‘1. В народных поверьях – мертвец, оборотень, выходящий ночью из могилы для того, чтобы сосать кровь живых людей; упырь, вурдалак; 2. *перен.* О жестоком человеке; 3. Крупная летучая мышь, обитающая в тропических лесах Америки и Антильских островов’).

В русском языке конца XX века новообразования со значением женскости могут создаваться и с помощью других аффиксов: например, в производных *демократесса* ‘женщина – представительница демократических кругов’, *драматургесса* ‘женщина-драматург’, *политикесса* используется заимствованный суффикс *-есс(а)*. Согласно РГ-80, словообразовательная модель «основа существительного + *-есс(а)*» является продуктивной [РГ-80: §389], хотя в языке отмечается относительно немного производных, созданных по этой модели, – по данным Грамматического словаря А.А. Зализняка, таких образований всего менее 10: *виконтесса*, *патронесса*, *поэтесса*, *стюардесса* и др. Новые производные с суффиксом *-есс(а)* могут создаваться от основ мотивированных существительных

(драма → драматург → драматургесса), в отличие от описанных РГ-80 производных от немотивированных субстантивов: клоунесса, принцесса, гидесса [РГ-80: §389].

Неологизмы демократесса, драматургесса и политесса даются в НСЗ-90 с пометой «ироническое» (а демократесса и политесса еще и с пометой «публицистическое»). Наличие такой эмотивной пометы объясняется, вероятно, не значением данного словообразовательного типа (т.к. в него входят и нейтральные производные типа стюардесса), а экстралингвистическими факторами, общественной оценкой тех женщин, которые названы данными лексическими инновациями. Эта негативно-ироническая оценка отчетливо проявляется в широких контекстах, например: *Кстати, одна из ведущих наших демократесс, недавно щедро раздававшая интервью на Западе, укоряла Запад, что он не хочет замечать «нежных контрреволюций», происходящих в некоторых регионах нашей страны. Может быть, ей поручила об этом сказать осетинка из Цхинвали, спасавшая свою дочь от боевика-громилы?* (<https://biography.wikireading.ru/91113>, дата обращения: 25.08.2019). Интересно, на наш взгляд, отметить и то, что, по данным поискового запроса на сайте «Яндекс» (www.yandex.ru, дата обращения 30.01.2013) данное новообразование часто дается в кавычках.

Существительное звездунья ‘о популярной эстрадной певице, актрисе <...>’, синонимичное новообразованиям звездулька, звездючка, образовано по модели «основа существительного на -ун + j(я)» от негативно-оценочного новообразования звездун. Новый феминатив не нарушает закономерностей словообразовательной системы [см. РГ-80: §388]. Отрицательная коннотация (рассматриваемый неологизм дается с пометами «разговорно-сниженное, пренебрежительное» или «ироническое») обусловлена, вероятно, влиянием производящего, а также внешними, неязыковыми факторами, словообразовательная модель не влияет на возникновение подобной коннотации (ср. другие производные, созданные по этой модели: шалунья, гостья, игуменья [РГ-80: §388]).

Таким образом, новые суффиксальные феминативы, зафиксированные в НСЗ-90, демонстрируют активность отдельных продуктивных словообразовательных типов. В то же время другие типы, которые отмечаются исследователями как продуктивные в литературном языке, оказываются слабо отраженными среди анализируемых новообразований. Так, фиксируется единичное новообразование, созданное по модели «основа существительного на *-тель* + *-ниц(а)*», которая в РГ-80 описывается как продуктивная (*учительница, изобретательница, водительница* [РГ-80: §383]) — новое слово *пирамидостроительница* (от *пирамидостроитель*). Однако нами были зафиксированы производные с суффиксом *-ниц(а)*, образованные от других основ: *лоскутница* (от *лоскут*) и др. Интересно отметить, что авторами РГ-80 этот тип описывается как однозначный, имеющий только модификационное значение женскости, в отличие от других продуктивных в конце XX века типов, которые могут иметь несколько словообразовательных значений (в частности значение ‘жена лица’).

Данные исследователей [Карева 2008], опирающиеся на более репрезентативный материал, свидетельствуют об активности и других моделей: например, «основа существительного + *ин(я)*» (*олигархиня, психологиня*) [Карева 2008].

В целом же данные, полученные в результате выборки из НСЗ-90, соотносятся с выводами О.М. Каревой об активности словообразовательных типов со значением женскости [Карева 2008]: весьма активны модели с суффиксами *-к(а)* и *-ш(а)* (несмотря на то, что их использование может приводить к возникновению омонимичных и многозначных производных). Менее активны модели с суффиксами *-есс(а)*, *-их(а)*. Расхождения касаются активности суффиксов *-ниц(а)* и *-щиц(а)*: О.М. Карева указывает их по степени продуктивности на втором и третьем местах соответственно, сразу после суффикса *-к(а)*. Однако эти расхождения могут объясняться разными хронологическими рамками обследуемого материала: база данных «Неолекс», на которую опиралась О.М. Карева, включает лексику с 60-х

годов XX века. Вместе с тем, «начиная с 90-х годов эти суффиксы [*–ниц(а)* и *–щниц(а)*]. - **Е.Ж.**] используются значительно реже» [Карева 2008: 104].

При анализе новообразований-феминативов нельзя не заметить большого числа дублирующих друг друга неологизмов, близких не только по семантике, но и по стилистической окраске. «Данные свидетельства интенсивности словотворчества указывают на возросшую потребность в словах женского рода» [Карева 2008: 105–106].

2.3.4.2. Существительные с субъективно-оценочным значением и значением стилистической модификации

Русское словообразование весьма богато моделями и типами, выражающими то или иное субъективно-оценочное значение или указывающими на стилистическую модификацию производного. Как отмечает В.В. Химик, «субъективно-оценочные преобразования слов <...> составляют значительный и довольно яркий фрагмент национального русского лексикона, который обладает прихотливым и довольно сильным экспрессивным потенциалом: оценочным, эмоциональным, стилистическим» [Химик 2007: 449]. Так, с помощью целого ряда суффиксов, сочетающихся с основами субстантивов, могут выражаться уменьшительное, ласкательное, увеличительное, уничижительное и другие значения [РГ-80: §412]. Производные с такими значениями легко конструируются носителями языка, а «образования с суффиксами субъективной оценки характерны для разговорной речи» [РГ-80: §412].

В НСЗ-90 отмечается достаточно широкий ряд образований (в совокупности около 90 единиц) с данными словообразовательными значениями. На наш взгляд, важно отметить, что новые производные в этих случаях обозначают не новый денотат, а новое отношение к уже названному производящим словом предмету. «Используя многообразные средства выражения оценки, говорящий не только демонстрирует свое отношение к реалии действительности, но и дает сигнал адресату сообщения о том, как ему надо отнестись к предмету речи» [Смирнова 2008: 76-77; Складаревская 2016]. В связи с этим анализ новых производных с

оценочными значениями или значениями стилистической модификации оказывается особенно интересным. Кроме того, интересные результаты может дать и анализ тех слов, которые стали мотивирующими для исследуемых неологизмов.

Среди словообразовательных моделей с субъективно-оценочными значениями в русском языке конца XX века, по данным НСЗ-90, востребованными оказываются модели с суффиксами *-ик*, *-ишк(о)* и некоторыми другими. Так, посредством суффикса *-ок / -ик / -чик* (данные морфы рассматриваются как реализация одной суффиксальной морфемы вслед за авторами РГ-80 [см. РГ-80: § 413]) образованы неологизмы *бомжик* ‘1. Бездомный, бродяга; бомж; бомжара; бомжина; 2. О ребенке – беспризорнике, бродяжке; бомжонок’ с пометами «разговорное, с оттенком жалости, сострадания; второе значение – с пометой «ласкательное»; *банкирчик* ‘банкир’, с пометами «разговорное, пренебрежительное»; *злодейчик* ‘мелкий злодей, пакостник’, с пометой «разговорное»; *клипчик*, *марсоходик*, *мини-фургончик*, *навианчик*, *политиканчик*, *мусорок* и др. Любопытно отметить, что в НКРЯ (www.ruscorpora.ru, дата обращения 02.08.2019) слова *злодейчик*, *клипчик*, *марсоходик*, *мини-фургончик*, *навианчик*, *политиканчик* не фиксируются.

Рассматриваемые неологизмы-димины имеют разные значения: и ласкательное, и уничижительное, но можно предположить, что более востребованным для узуса оказывается второе значение. При этом авторы РГ-80 отмечали, что существительные данного типа имеют «уменьшительное значение, обычно сопровождающееся экспрессией ласкательности, реже – уничижительности» [РГ-80: §413], т.е. в новообразованиях не нарушаются системные закономерности, но можно предполагать (хотя это не однозначные выводы), что изменяются пропорции, распределение элементов, происходит активизация отдельных, уже существующих в системе словообразовательных значений.

От производящих основ *демократ* и *депутат* с помощью суффикса *-ишк(а) / -ишк(о)* образуются неологизмы *демократишка / демократишко* ‘демократ’ с пометой «пренебрежительное» и *депутатишко* ‘депутат’, с пометами «разговорное,

презрительное или пренебрежительное». Подобная отрицательная коннотация новаций определяется словообразовательным типом «основа существительного + -ишк-»: слова этого типа «имеют значение пренебрежительности, уничижительности» [РГ-80: § 419].

В новом *иномарочка* ‘автомобиль иностранной марки’ с пометами «разговорное, ласкательное или уменьшительное» использован весьма продуктивный формант *-к(а)*. Новообразование (согласно толкованию и подтверждающим иллюстрациям) имеет в первую очередь экспрессивное ласкательное значение (ср., например, следующие иллюстрации в НСЗ-90: *автосалон откроем, иномарочками будем торговать; взяли «нашу» иномарочку под наблюдение или нет; приобрел в свое служебное пользование иномарочку* [НСЗ-90]). Значение уменьшительности также возможно, но реализуется нерегулярно (ср. другую иллюстрацию в НСЗ-90: *Девочка моего сына <...> спросила: «А скоро у меня будет **маленькая иномарочка?**»* [НСЗ-90]).

Субъективно-оценочный суффикс *-к(а)* используется в качестве словообразовательного форманта и в ряде других производных: *перебивочка* (от *перебивка*), *хлебopечка* (от *хлебopечь*), *мамка** (от *мама* — ‘материнская плата’, толкуется как семантический неологизм) и др.

Увеличительное значение возможно усматривать в новообразовании *бомжина* ‘то же, что бомжара (бездомный, бродяга, бомж ...)', с пометами «разговорное, пренебрежительное». Авторы РГ-80 отмечают у слов, образованных по модели «основа существительного + *-ин(а)*» увеличительное значение [РГ-80: §431], но не отмечают, что подобные производные имеют какую-либо коннотацию. В толковании анализируемого неологизма значение увеличительности не отражено. Тем не менее данную новацию можно рассматривать как слово с субъективно-оценочным словообразовательным значением, т.к. оно имеет негативную коннотацию, возникающую в результате сочетания производящей основы *бомж* и суффикса *-ин(а)*. Вместе с тем надо отметить, что авторы НСЗ-90 толкуют образование *бомжик* в одном из значений через *бомжина* (*бомжик* – ‘1. Бездомный, бродяга;

бомж; бомжара; бомжина'). Таким образом, можно сделать вывод, что данные новообразования различаются не денотатом, а отношением к нему говорящего.

Можно рассматривать как слово с субъективно-оценочным словообразовательным значением и неологизм *бомжара* 'бездомный; бродяга; бомж; бомжина', с пометами «разговорно-сниженное, презрительное», в котором в качестве дериватора выступает суффикс *-ap(a)*.

Субъективная оценка у новообразований может отражаться в словарном толковании (как, например, в новообразовании *фестивальчик* – 'фестиваль с *ограниченным числом* участников и количеством представленных произведений' [выделено нами. – *Е.Ж.*]) или же системой сопровождающих новообразование помет («ласкательное», «пренебрежительное» и др.). При этом чаще у новообразований отмечается негативная оценочность, что отражается в пометах «презрительное», «пренебрежительное» и под.: *бомжара; демократишка / демократишко, политиканчик* и др.

Наряду со словами с субъективно-оценочными суффиксами, в русском языке конца XX века активно образуются новые слова стилистической модификации, которые выступают как синонимы мотивирующих слов. Основанием для разграничения слов с субъективно-оценочными формантами и слов, имеющих стилистическую модификацию, являлась в том числе и система помет, сопровождающих неологизмы. Если слово сопровождалось эмотивной пометой, то оно расценивалось как имеющее субъективную оценочность. Если же фиксировалась только стилистическая помета, то новообразование рассматривалось как имеющее стилистическую модификацию. Впрочем, разграничение слов с данными словообразовательными значениями не всегда можно сделать однозначно: например, новообразование *еврик* 'то же, что евро' создано, вероятно, по модели со значением стилистической модификации «основа существительного + *ик*» ([РГ-80: §439]). В то же время данное новообразование дается не только с пометой «разговорное», но и с пометой «обычно ласкательное», что предполагает наличие у нового слова и модификационного значения субъективной оценки. Разграничение

слов, образованных по типам со значением субъективной оценочности и со значением стилистической модификации осложняется и возможной омонимией словообразовательных типов (например, «основа существительного + -к(а)»).

Наибольшее число производных со значением стилистической модификации образовано с помощью суффикса -к(а): *веб-страничка* ‘то же, что веб-страница, интернет-страница, интернет-страничка’; *дефиска* ‘дефис’; *зушка* ‘зенитная установка’; *камуфляжка* ‘комплект одежды (обычно для военнослужащего) из камуфлированной ткани’; *эргэдэшка* и др.

Авторы НСЗ-90 не отмечают в значении новообразований типа *веб-страничка*, *айбизмка* ‘то же, что Ай-Би-Эм’ или *дефиска* новых сем – получается, что эти новые производные как бы «дублируют» производящие. Различия касаются в первую очередь стилистической окраски. Новообразования *дефиска*, *дурка* (‘психоневрологический диспансер, психиатрическая больница, психоневрологическое отделение’ от *дурдом*) и подобные отличаются от производящих сферой употребления – даются с пометами «разговорное» или «жаргонное». Кроме того, неологизмы типа *веб-страничка*, *интернет-страничка* ‘то же, что Интернет-страница; веб-страница, веб-страничка’ являются результатом словообразовательной адаптации кальки с английского *веб-страница* (*web page / www page*); *интернет-страница* (*Internet page*). Новообразование *айбизмка* одновременно и указывает на адаптацию заимствованного *Ай-Би-Эм*, и отличается от производящего сферой употребления – дается с пометами «разговорное, профессиональное».

К данному словообразовательному типу относятся и производные от аббревиатур: *БМДэшка* / *БМДешка* / *БМДшка* ‘боевая машина десанта, БМД’; *БМПэшка* / *БМПешка* / *БМПшка* ‘боевая машина пехоты, БМП’; *Тушка* ‘самолет конструкторского бюро А.Н. Туполева; Ту’ и нек.др. Все они сопровождаются пометами «разговорное» или «разговорное, профессиональное», новообразование *ХИшки* / *хишки* ‘то же, что ХИ (хоббитские игры) «Властелина колец»’ имеет помету «жаргонное». Создание подобных «разговорных образований от

сокращенных <...> обозначений предметов» вполне соответствует узусу [РГ-80: § 434].

Интересно отметить, что производящие слова относятся, как правило, к области техники (в том числе компьютерной) или терминологии, поэтому наличие у них производных со значением стилистической модификации свидетельствует об освоенности называемых ими реалий, в т.ч. в профессиональном сообществе. Некоторым исключением является производное *тэшка* (от «Т» – (маршрутное) такси), которое относится к бытовой сфере.

Следующим по степени распространенности суффиксом, указывающим на стилистическую модификацию производного, по данным НСЗ-90, оказывается суффикс *-ух(а)*: он используется в таких словах, как *бээмпуха* ‘боевая машина пехоты, БМП’; *дезуха* ‘ложная информация, распространяемая с целью ввести в заблуждение кого-л.; дезинформация, деза’; *депрессуха* ‘то же, что депрессняк’, *попсуха*, *сенсуха* и др. Словообразовательный тип, по которому созданы указанные новообразования, является продуктивным, характерным для разговорной речи и просторечия. Подобные производные характеризуются фамильярностью и «сильной оценочной экспрессией» [РГ-80: §435]. В НСЗ-90 новообразования даются с разнообразными стилистическими пометами: «разговорное профессиональное» (*бээмпуха*); «разговорно-сниженное» (*джинсуха* ‘1. Одежда из джинсовой ткани; джинса; 2. ...’); «жаргонное» (*бэха* ‘автомобиль марки «БМВ»’; *депрессуха*). При словопроизводстве производящая основа может усекаться (*дезуха* ← *дезинформация*, *бэха* ← *БМВ*; *депрессуха* ← *депрессия*; *гебуха* / *гэбуха* ← *КГБ*; *сенсуха* ← *сенсация*). Н.А. Николина, рассматривая подобные производные, говорит о формировании в русском языке нового способа – усечения с суффиксацией [Николина 2016: 339].

В качестве экспрессивных синонимов мотивирующих слов выступают новообразования *беджик* / *бэджик* ‘то же, что бейдж (бэйдж)’; *еврик* и др. Однако данные производные не только стилистически модифицированные дублиеты производящих, но и результат словообразовательной адаптации последних (ср.

бедж от англ. badge). Интересным представляется анализ новообразований *видюшник* ‘1. видеомаягнитофон, видеоящик <...>; 2. то же, что видеосалон’, *видяшник* и др., образованных с помощью суффикса –ик (при наличии, вероятно, интерфикса). Новообразования *видюшник* (в первом значении), *видушник* и *видяшник* трактуются авторами НСЗ-90 как синонимы (каждое из этих слов дается в качестве заголовочного, в отдельной словарной статье и имеет только одно значение – ‘видеомаягнитофон’). Кроме того, у новообразования *видюшник* отмечаются и такие синонимы, как *видеоящик*, *видик*. Причем последнее слово авторами НСЗ-90 рассматривается как семантический неологизм, оно уже фиксировалось в словаре НСЗ-80, а также в БАС-3: *видик* – ‘1. Видеомаягнитофон; 2. Видеофильм’. Слово *видик* – весьма показательный пример того, как влияют на функционирование отдельных языковых единиц экстралингвистические факторы: по данным НКРЯ, это слово активно использовалось в 80-90-е годы, а конце 2000-х частотность его употребления резко идет на спад. Аналогичная ситуация наблюдается и в употреблении других синонимов – *видюшник* и *видяшник* [НКРЯ, www.ruscorpora.ru, дата обращения 09.03.2013].

Как синонимы нейтральных *виски*, *джип* можно рассматривать зафиксированные в НСЗ-90 образования с суффиксом –арь: *вискарь* и *джипарь* ‘1. джип; 2. страстный любитель джипа’. Обе новации даются со стилистическими пометами: *вискарь* – «жаргонное», *джипарь* – «разговорно-профессиональное». В РГ-80 подобный тип не описывается, отмечаются только стилистически модифицированные производные с суффиксом –ар(а) (*водка* - *водяра* [РГ-80: §440] или новообразование *бомж* – *бомжара*, описанное выше).

Стилистическую модификацию можно усматривать и в новообразованиях, созданных с помощью суффикса –ин(а) и характеризующихся разговорно-сниженной или разговорно-профессиональной сферой употребления: *бардачина* ‘полный бардак, большой беспорядок’ (здесь имеет место и размерно-оценочная семантика); *софтина* ‘то же, что софт’. Тип с дериватором –ин(а) описывается в РГ-

80 как продуктивный [РГ-80: §433], однако производных-неологизмов, образованных по этому типу, в НСЗ-90 зафиксировано немного.

Стилистически сниженными синонимами производящих являются зафиксированные в НСЗ-90 образования с суффиксом *-уг(а) / -аг(а)*: *бутыляга* ‘бутылка’; *журналюга* ‘о рядовом журналисте’, *металлюга*, *националюга* и др., которые, очевидно, обладают и негативной оценочностью. Они образованы по продуктивным в разговорной речи и просторечии типам [РГ-80: §435] и даются с пометами «разговорно-сниженное» и «разговорное» соответственно.

Отмечаемое в НСЗ-90 как словообразовательный неологизм существительное *бандюган* (‘бандит’) сконструировано по непродуктивному (согласно РГ-80 [РГ-80: §440]) типу, в котором в качестве дериватора выступает суффикс *-ан*. То, что в НСЗ-90 отмечается еще одно новообразование с данным дериватором – *ботан* ‘то же, что ботаник (прилежный, примерный учащийся, сосредоточенный исключительно на учебе)’, – дает возможность говорить об активизации указанного суффикса. Можно предполагать в этом влияние разговорной речи (новообразование *бандюган* дается с пометой «разговорно-сниженное», а *ботан* – «жаргонное»). В то же время, вероятно, выбор этого словообразовательного форманта поддерживается рядом существующих в языке слов, созданных по нему ранее, которые обозначают лиц мужского пола: *старикан*, *мужлан*, *мальчуган* [РГ-80: §440].

Стилистически модифицированными являются и новообразования *депрессняк* ‘1. Депрессия, состояние депрессии; 2. О монотонной, примитивной музыке’; *дозняк* ‘то же, что доза’, *передозняк* и др., образованные с помощью суффикса *-няк*. В РГ-80 суффикс *-няк* относят к другим словообразовательным типам: «основа прилагательного + *-няк*» со значением «носитель признака» (*молодняк*, *сушняк* и т.д. [РГ-80: §314]); «основа существительного + *-няк*» со значением «предмет, характеризующийся отношением к предмету, названному мотивирующим словом» (*известняк* [РГ-80: §333]); «основа существительного + *-няк*» со значением «совокупность одинаковых предметов» (*березняк*, *дубняк*, *ивняк* [РГ-80: §406]). Однако надо отметить, что и среди стилистически модифицированных производных

в РГ-80 описан тип, близкий к рассматриваемому: «основа существительного + -як» (например, *пискаляк, чиряк* и т. д. [РГ-80: §440; Лопатин, Улуханов 2016]). Если учесть вероятность интерфиксации, то можно предполагать, что в новообразованиях *депрессняк* и *дозняк* реализуется тот же словообразовательный тип, что и в производных *лешак, пискаляк, чиряк* и т.п. Авторы РГ-80 описывают данные типы как непродуктивные, однако наличие новых производных говорит о продуктивности этих типов в русском языке рубежа XX–XXI веков. Новые производные – *депрессняк, дозняк* и т. д. – под влиянием словообразовательного типа изменяют сферу функционирования – в НСЗ-90 они даются с пометой «жаргонное», в отличие от нейтральных производящих.

Суффикс *-ак* используется при образовании производных *следак* (следователь), *клипак, сервак, трупак* и др., описанных в НСЗ-90 с пометами «разговорно-сниженное» или «жаргонное».

Стилистически модифицированным, созданным с определенной установкой на языковую игру является новообразование *брателло /брателла* ‘1. Обращение к лицу мужского пола; 2. То же, что браток <член преступной группировки, незаконного вооруженного формирования; бандит>’, мотивированное существительным *брат*. Дериватор *-елло / -елл(а)* в РГ-80 не указывается – он вычленяется из итальянских слов, т.к. при создании неологизма говорящие стремились «стилизовать» новое русское слово под заимствованное. Новообразование *брателло* дается авторами НСЗ-90 как «жаргонное» и сопровождается эмотивной пометой «фамильярно-шутливое». По данным НКРЯ (дата обращения 02.08.2019), более частотной оказывается форма *брателло*, например: *Вот тут ты, брателло, в натуре, не прав; А это, брателло, и называется настоящей известностью; Авторитеты из числа друзей ограбленного брателло топтали ножками и орали на своих бандюков, требуя изловить и четвертовать через повешение наглых отморозков* (Бандиты приятные во всех отношениях). [НКРЯ].

Анализ новообразований со значениями субъективной оценки и стилистической модификации показывает, что наиболее частотными дериваторами оказываются суффиксы *-к(а)*, *-ик / -чик*, *-ух(а)*. В то же время, демонстрируют продуктивность и другие словообразовательные суффиксы, в т.ч. те, которые ранее были малопродуктивны. В русском языке конца XX века широко используются возможности, заложенные в словообразовательной системе для создания оценочных и стилистически модифицированных образований. Более того, отдельные примеры показывают, что язык обогащается и новыми словообразовательными моделями («основа существительного + *-елло*») с новыми дериваторами.

В некоторых случаях новообразования-диминывы толкуются в НСЗ-90 как полисеманты. Развитие нескольких значений обусловливается стремительным вхождением новации в активный запас, его быстрой адаптацией в языке, в связи с актуальностью обозначаемой им реалии. Новые значения появляются, когда говорящие легко создают разного рода (как метафорические, так и метонимические) ассоциации от первичного, т.е. исходного, значения.

2.3.4.3. Существительные со значением незрелости

Новых образований со значением незрелости в НСЗ-90 немного: *бомжонок* ‘бездомный ребенок, беспризорник; ребенок бомжей <...>’; *дожонок* ‘щенок дога’ и нек.др. Они создаются по высокопродуктивной словообразовательной модели «основа существительного + *-онок*», не нарушая существующих закономерностей. Данные новации реализуют оба описанных в РГ-80 подтипа: 1) существительные, называющие детенышей животных; 2) существительные, называющие ребенка – представителя той или иной социальной прослойки [РГ-80: §394]. Указанные неологизмы даются с пометой «разговорное», которая нередко сопровождает производные, созданные по данной модели: образования второго подтипа «свойственны разговорной речи» [РГ-80: §394].

Примыкает к рассмотренным новообразованиям и производное *калужата* ‘мальки, молодь калуги (рыбы семейства осетровых <...>’, употребляемое только во

множественном числе и созданное с помощью суффикса *-am(a)*, супплетивного морфа суффикса *-онок*.

Интерес для анализа представляют другие новации, в которых используется суффикс *-онок*, но которые не имеют значения ‘детеныш, ребенок, незрелое существо’: так, в новообразовании *челночонок* ‘челнок, занимающийся мелкой разъездной торговлей, челночник’ на первый план выдвигается сема «незначительности», которая, видимо, на ассоциативном уровне соотносится с семантикой «незрелости».

Анализ материалов НСЗ-90 показывает, что суффикс *-онок / -am(a)* расширяет свои синтагматические возможности (см. п. 2.3.1.2 и главу III).

2.3.4.4. Существительные со значениями подобия и собирательности

Новых слов с указанными словообразовательными значениями в материалах НСЗ-90 зафиксировано немного. При этом лексическое значение неологизмов, созданных по словообразовательным типам со значением подобия, не соответствует словообразовательному: они, скорее, имеют значение лица (см. такие неологизмы, как *ельциноид, гайдарики, гайдарки, гайдарята*). Таким образом, существующие в языке словообразовательные типы реализуются, но с нарушениями, за счет чего создаются новые экспрессивные единицы.

Значением подобия в русском языке может быть выражено словообразовательной моделью «основа существительного + *-оид*» (*металлоид, сфероид, европеоид*) [РГ-80: §400]. По этой модели образованы неологизмы *ельциноид, линуксоид*, уже анализировавшиеся выше, в п. 2.3.1.1.

Новые имена существительные со словообразовательным значением собирательности в НСЗ-90 тоже немногочисленны: зафиксированы такие новообразования, как *гебня / гэбня* ‘комитет государственной безопасности (КГБ); *собир.* его сотрудники ...’; *компьютерия* ‘компьютеры; компьютерная техника; мир компьютеров’; *октябрятство* ‘об объединении в СССР младших школьников при пионерских и других организациях ...’; *панкота* ‘1. Панки; 2. Музыканты, музыкальные коллективы, исполняющие панк-музыку’; *гонота, паханат* и нек.др.

При этом новообразования типа *гебня*, *панкота* характеризуются явно выраженной негативной оценочностью.

Первое образование создано по модели «основа существительного + -н(я)» от усеченной аббревиатуры *(К)ГБ*. Слово имеет ярко выраженную негативную коннотацию, которая отражается в пометах «разговорно-сниженное, презрительное». Возникновение подобной отрицательной оценки у новообразования связано со словообразовательной моделью, которая «характеризуется экспрессивной окраской, преимущественно уничижительной» [РГ-80: §403].

Кроме суффикса -н(я) при образовании производных со значением собирательности используются суффиксы -и(я) (*компьютерия*), -ат (*паханат*), описанные в РГ-80 [РГ-80: §§404, 407], а также -от(а) и -ств(о). Согласно РГ-80, у суффикса -от(а) возможно собирательное значение, когда он сочетается с основами прилагательных (*пехота*) [РГ-80: §314]. Однако анализ неологизмов 90-х годов XX века позволяет говорить о расширении синтагматики данного форманта – он может выражать собирательное значение и в сочетании с основами существительных.

Значение «совокупность лиц» как одно из ряда значений отмечается у некоторых новаций с суффиксом -ств(о): *ди-джейство* во втором значении – ‘совокупность ди-джеев (диджеев)’; *юзерство* в первом значении ‘сообщество, совокупность юзеров’ и др.

2.4. Неологизмы-существительные, образованные способом префиксации

Общеизвестен факт «бóльшей продуктивности префиксации в глаголе, нежели в именах: глагол располагает большим количеством префиксальных типов, поскольку бóльшая часть глагольных префиксов многозначна и выражает различные виды значений (пространственные, временные, количественные), в то время как в прилагательных и существительных каждым префиксом выражается обычно одно-два значения» [Улуханов 1996: 101]. Однако на рубеже XX–XXI веков префиксация

существенно активизировалась и в именном словообразовании [Николаев 2010]. Хотя этот способ словообразования нельзя считать основным для субстантивов (позиции суффиксации более сильны), исследователи неоднократно обращали внимание на тенденцию к активизации именного префиксального словообразования: «Именная префиксация обнаруживает высокую продуктивность. Активизируются те префиксы, которые передают социально и культурологически значимую семантику: временные отношения <...>, отношения уничтожения, отрицания, противодействия <...>, отношения неистинности, ложности <...>, отношения интенсификации, высокой степени чего-либо» [Валгина 2001: 139, см. также Виданов 2011; Сенько 2007; Шишикина 2009 и др.].

Нами было отмечено около 200 новых префиксальных существительных, созданных с помощью продуктивных в русском языке на современном этапе его развития приставок. При образовании новых существительных активно используются такие префиксы, как *анти-*, *де-*, *квази-*, *контр-*, *недо-*, *не-*, *супер-*, *экс-* и др.

Обращает на себя внимание активное использование иноязычных приставок, причем иногда трудно четко разграничить префиксы и префиксоиды. В рамках данного исследования мы в первую очередь опирались на список префиксальных морфов, описанных в РГ-80, а также на перечень префиксов, данных в [Лопатин, Улукханов 2016]. К префиксам (а не префиксоидам) мы также относили элементы *квази-*, *мега-*.

Исследователи выделяют две группы префиксов, характеризующихся в настоящее время высокой продуктивностью: «а) Префиксы для усиления значения, выраженного существительными: *архи-*, *сверх-*, *ультра-* <...>; б) Префиксы со значением противоположности, противодействия: *контр-*, *анти-*, *не-* и др. <...> Эти префиксы стандартны морфонологически, т.е. всегда представлены одним морфом, и агглютинативны морфологически, т.е. легко и без всяких изменений соединяются с самыми разнообразными основами, вплоть до имен собственных (*антигайдаровцы*, *негерасимовец* и т.д.)» [Янко-Триницкая 2001: 309–310]. Однако

надо отметить, что наши материалы не подтверждают высокую продуктивность префиксов *архи-* или *ультра-*, но общее количество префиксов с указанными значениями увеличивается. Например, кроме перечисленных выше приставок, усиливающих значение, следует отметить также очень продуктивные *супер-*, а также несколько менее продуктивные по данным НСЗ-90 *гипер-* и *мега-*. Ученые отмечают, что большую активность проявляет и группа препозитивных морфем со значением «неистинности, ложности» (*квази-*, *лже-*, *псевдо-*), которые характеризуются высокой продуктивностью и расширением синтагматических возможностей, а также ряд префиксов с другой семантикой [Рацибурская, Самыличева, Шумилова 2015].

Рассмотрим данные группы префиксальных производных подробнее.

1. Новообразования с усилительными (размерно-оценочными) префиксами *гипер-*, *мега-*, *сверх-*, *супер-*, *ультра-*.

Наибольшее число префиксальных производных не только в рамках данной семантической группы, но и среди всех префиксальных субстантивов, было образовано с помощью приставки *супер-*, имеющей значение «высокая или высшая степень чего-л.» [Лопатин, Улукханов 2016: 229]. Нами было обнаружено более 20 производных с данным формантом – *супергиперинфляция* ‘инфляция с чрезвычайно высокими темпами; достигающая очень высокого уровня’; *суперлидер* ‘1. Тот, кто обладает ярко выраженными качествами лидера, пользуется безоговорочным авторитетом и влиянием в каком-л. коллективе, сфере деятельности; 2. Тот, кто возглавляет лидирующую группу (компаний, стран, регионов и пр.) в каких-л. сферах деятельности’; *суперотель* ‘отель высшего разряда’, а также *супердерби*, *супердоллар*, *супермини-юбка* / *суперминиюбка*, *супермонстр*, *суперсериал* и др. На продуктивность данного префикса неоднократно указывали исследователи [Коряковцева 2013; Радбиль, Рацибурская 2017; Рацибурская, Самыличева, Шумилова 2015; Русский язык конца XX века 1996; Шишикина 2010 и др.]. Выборка из НСЗ-90 показывает, что данный формант сочетается в первую очередь с заимствованными основами (*суперкиллер*, *суперофис*, *суперхит* и под.), однако зафиксированы и производные от исконно русских слов (*суперподделка*). Кроме

новаций, образованных на русской почве, в НСЗ-90 описаны заимствования с данными префиксами. Вероятно, с позиций чисто синхронического подхода, сейчас, в начале XXI века, эти слова тоже можно рассматривать как производные с префиксом *супер-*: *суперсервер* / *супер-сервер* (англ. *superserver*), *суперлицензия* (англ. *superlicence*) и *супердинар* (сербск. / македонск.) и др.

Префиксу *супер-* семантически близок префикс *сверх-*, однако в НСЗ-90 зафиксированы единичные новообразования с данным дериватором (*сверхдемократ*, *сверхтехнология*). Любопытно отметить, что в НСЗ-90 описываются два синонимичных неологизма — *супердемократ* и *сверхдемократ*, но, например, в НКРЯ находим только производное *супердемократ* (одно вхождение), также по данным поисковой системы Яндекс (www.yandex.ru) новообразование *супердемократ* оказывается частотнее. Таким образом, продуктивность словообразовательного форманта определяется не только его семантикой, но и некоторыми другими (возможно, и фонетическими) факторами. Меньшая активность префикса *сверх-* в субстантивном словообразовании объясняется, возможно, и тем, что данная приставка исконно сочеталась с основами прилагательных.

Единичные новации образованы и с помощью других количественных префиксов — *гипер-* (одно новообразование — *гиперанилаг* — и заимствования *гипермаркет*, *гипертекст*); *мега-* (три новообразования — *мегакорпорация*, *мегапрограмма*, *мегапроект* и отдельные заимствования типа *мегашоу* / *мега-шоу* под.); *ультра-* (три новообразования — *ультракомпьютер*, *ультрамарафон*, *ультраприватизатор* — и отдельные заимствования). Новообразований-субстантивов с префиксом *архи-* в НСЗ-90 не зафиксировано. Меньшую, по сравнению с префиксом *супер-*, активность префиксов *гипер-* и *ультра-* отмечают и другие исследователи [Рацибурская, Самыличева, Шумилова 2015: 15]. Что же касается относительно нового для русского языка префикса *мега-*, то он в русском языке начала XXI века «достаточно активен при образовании имен» [Рацибурская, Самыличева, Шумилова 2015: 15]. «Особенно заметна активизация препозитивного

элемента *мега-*, выражающего крайнюю, чрезмерную протяженность, объем или масштаб, превышающие обычные <...> Этот префикс способен приобретать ранее ему несвойственное значение степени, превышающее степень, выражаемую приставками *супер-* и *гипер-*» [Шишикина 2009: 211].

Исследователи отмечают, что для усиления экспрессивности приставки могут объединяться в сложный комплекс [Русский язык конца XX века 1996: 117]: так, в НСЗ-90 находим новацию *супергиперинфляция*, образованную от заимствования *гиперинфляция*, в которой сочетается два синонимичных префикса — *супер-* и *гипер-*.

2. Новообразования с префиксами *анти-*, *де-*, *контр-*, *не-* с семантикой отрицания, противоположности.

Среди данных префиксов наиболее продуктивной является приставка *анти-*, с помощью которой было образовано почти 20 производных (*антидостижение*, *антикумир*, *антиперсона*, *антирекорд* и др.). Префикс *анти-* (так же, как и префикс *супер-*) отличается широкими синтагматическими возможностями, свободно сочетается и с заимствованными (*антирекорд*, *антисенсация*), и с исконно русскими (*антидостижения*, *антирынок*) словами (основами), в том числе с аббревиатурами (*антиспид* / *антиСПИД*).

Е.В. Сенько, анализируя производные с префиксами *анти-* и *не-*, отмечает, что «функция данных префиксов – модифицировать исходную основу, придав ей значение противоположности, обратной направленности, направленности против кого-чего-либо» [Сенько 2007: 244].

Достаточно продуктивными в русском языке конца XX века, по данным НСЗ-90, являются префиксы *де-* и *контр-*: зафиксировано по семь производных с данными формантами (*дезомбирование*, *деокупация*, *дефедерализация*; *контрлитература*, *контрперестройка* и др.). Как отмечает Е.А. Земская, «для конца 80-х — начала 90-х годов особенно характерна заимствованная приставка *де-*», которая «порождает наименования процессов уничтожения того, что составляло сущность прошлого» [Русский ... 1996: 112]. Впрочем, материалы НСЗ-90

показывают, что отрицается не только прошлое. Приставка *де-* используется для образования слов, именующих «новейшие явления в жизни нашего общества» [Русский ... 1996: 112] — *дедолларизация, деисламизация, деприватизация* и под. Дериватологи обращают внимание на некоторые синтагматические особенности, присущие данному префиксу: для него характерна сочетаемость со словами, оканчивающимися на *-изаци(я)* (см. новообразования *деисламизация* — *исламизация*; *деприватизация* — *приватизация* и под.). При этом производные субстантивы с префиксом *де-* могут мотивироваться и глаголами [РГ-80: §472]: *демилитаризация* — *милитаризация* и *демилитаризировать* [РГ-80: §472]. Однако в последние годы синтагматические возможности анализируемого префикса расширяются — фиксируются новообразования с данным формантом, не имеющие финали *-аци(я)*: *демакияж, дезомбирование* и под.

С синонимичной приставке *де-* исконно русской приставкой *раз-* / *рас-* зафиксированы единичное производное — *расколективизация*. В данном случае повторяется та же ситуация, что и в паре приставок *супер-* / *сверх-*: наибольшее число производных образуется с помощью иноязычного дериватора. Иноязычные форманты демонстрируют большую свободу в синтагматике; они, видимо, воспринимаются говорящими как более яркие и выразительные, а исконно русские форманты оказываются не столь востребованными при словопроизводстве.

В отличие от приставки *рас-*, исконно русская приставка *не-* оказывается достаточно активной при создании словообразовательных новаций: с ее помощью было образовано более 10 новых слов — *недоговороспособность, нельготник, ненаркоман, неполиткорректность* и т.д. Авторы РГ-80 отмечают высокую продуктивность данного типа [РГ-80: §478], которая сохраняется и в языке 90-х годов XX века. Нужно отметить, что нередко данный префикс сочетается с существительными, называющими лиц, в том числе по национальности или гражданству (*нероссияне, нечеченец*, в других источниках находим *неказахи* (НРЛ-93), *неалжирцы* (НРЛ-94) и под.). Выделение лиц по непринадлежности к какой-

либо нации свидетельствует, видимо, об обострении межнациональных противоречий.

3. Новообразования с префиксом *квази-* с семантикой неистинности, ложности.

Исследователи отмечают, что новообразования с данным формантом и с близкими ему по семантике префиксоидами *псевдо-* и *лже-* нередко имеют негативную оценочность. Префикс *квази-* используется при образовании таких неологизмов, как *квазиблаготворительность*, *квазиимперия*, *квазивалюта* и др. - всего в семи новообразованиях, четыре из которых связаны с политической сферой (*квазипартия*, *квазиполитик*, *квазиполитика*, *квазиперестройка*). Интересным является новообразование *квазиперестройка*, соотносимое с другими префиксальными неологизмами — *контрперестройка* или *постперестройка*.

Исследователи отмечают высокую активность префикса (или, по мнению ряда исследователей, префиксоида) *псевдо-* и меньшую продуктивность элемента *лже-* [Русский язык конца XX столетия 1996: 115—116]. Однако материалы НСЗ-90 дают иную картину: с формантом *псевдо-* было зафиксировано всего два производных (*псевдорынок* и *псевдотеррорист*), а с префиксоидом *лже-* - более 30 новых производных (*лжеафганец*, *лжебеженец*, *лжеблокадник*, *лжедемократ*, *лжеинтеллектуал*, *лжереформатор* и мн.др.).

4. Новообразования с префиксом *экс-* с семой 'бывший'.

По материалам НСЗ-90, данный префикс занимает третье место по активности в словообразовательных процессах, уступая только префиксам *супер-* и *анти-*. С его помощью образовано 14 производных с семантикой «прежде бывший тем, кто назван мотивирующим словом» [РГ-80: §498]: *экс-ведущий*, *экс-генсек*, *экс-спикер*, *экс-чекист* и др. Исследователи отмечают, что «словообразовательная активность префикса *экс-* <...> привела расширению его синтагматического пространства» [Рацибурская, Самыличева, Шумилова 2015: 69] — так, данный формант начинает сочетаться не только с основами одушевленных существительных, но и с основами

неодушевленных существительных, в том числе аббревиатур: в материалах НСЗ-90 находим показательную новацию *экс-СССР*.

5. Новообразования с другими префиксами.

Актуальным для русского именного словопроизводства в конце XX века оказывается и префикс *недо-*, с помощью которого образуются новации со значением «предмет, не в полной мере наделенный тем или не в полной мере являющийся тем, что названо мотивирующим словом» [РГ-80: §510]: *недоврач* ‘о дипломированном враче, имеющем недостаточную профессиональную подготовку’; *недозакон* ‘закон, содержащий спорные положения, противоречивые формулировки’; *недовыборы и др.* и др. – всего пять новообразований. Согласно РГ-80, данный префикс, сочетающийся с основами существительных, используется в рамках префиксально-суффиксального способа, но материалы НСЗ-90 и в данном случае демонстрируют расширение синтагматики аффикса. Исследователи объясняют активизацию данного форманта (как, впрочем и других) экстралингвистическими причинами [Русский ... 1996: 116]. Синонимичный приставке *недо-* префиксоид *полу-* также используется при конструировании новообразований (*полумафиози, полурынок, полубомж* и др.).

В сферу именного префиксального словопроизводства в конце XX века, по данным НСЗ-90, оказываются включенными и те морфемы, которые ранее практически не сочетались с субстантивными основами: так, можно говорить о расширении синтагматических возможностей префикса *пост-*. Словообразовательный тип с этим формантом имеет значение «кто-что-л., появившийся(-еся) после того и часто связанный(-ое) с тем, кто (что) назван(о) мотивирующим существительным» [Лопатин, Улукханов 2016: 179]. По замечанию И.С. Улукханова, «префикс *пост-*, узуральный только в отадъективных прилагательных <...>, окказионально представлен и в отсубстантивных существительных» [Улукханов 1996: 115—116]. Е.А. Земская также говорит об ограниченной сочетаемости префикса *пост-* с основами существительных: «значительно реже *пост-* сочетается с существительными, лишь в тех случаях,

когда базовое слово имеет событийное или процессуальное значение» [Русский ... 1996: 110]. Однако в материалах НСЗ-90 находим почти десять новых субстантивных производных с данным префиксом, в том числе и не имеющих процессуального значения (*постлитература, постсоциализм, постсталинизм*), часть из новых производных (например, *посткоммунизм*) фиксируется в НКРЯ в документах 2000-х годов. Новые субстантивы с префиксом *пост-* не являются окказиональными, таким образом, видимо, можно говорить о формировании нового словообразовательного типа в связи с расширением сочетаемостных возможностей форманта.

Книжный префикс *вице-* [РГ-80] тоже оказывается востребованным говорящими в конце XX века. Он был использован при образовании таких новаций, как *вице-мисс, вице-мэр, вице-спикер, вице-старшина* и нек.др. На продуктивность данного форманта в публицистической речи указывали еще авторы РГ-80. Интересно отметить, что элемент *вице* (по данным НСЗ-90) может употребляться и в качестве самостоятельного слова: *вице* – ‘1. То же, что вице-премьер; 2. То же, что вице-президент’, с пометой «разг.». В данном случае, видимо, можно усматривать усечение производящей основы, однако усечение приводит к лексикализации морфемы.

Значение совместности, выражающееся с помощью префикса *со-*, обнаруживаем в новых производных *соинвестор, сокоординатор, сопродюсер* и нек.др.

Кроме рассмотренных выше префиксов, при создании префиксальных новообразований оказываются и некоторые другие приставки: отмечены единичные новации с префиксами *до-* (*дозаявка*), *над-* (*надструктура*), *ре-* (*ренационализация*). Интересным является неологизм *ко-спонсор* — заимствование из английского, в котором в результате усложнения и мотивации словом *спонсор* может быть выделен префикс *ко-*.

Анализ языкового материала, представленного в НСЗ-90, подтверждает выводы исследователей о том, что в русском языке конца XX века наблюдается активизация приставочного способа именного словообразования, сопровождающаяся перераспределением, избирательностью префиксов (например, активизация приставок *супер-*, *анти-*, *экс-* и т.п.), отступлением от сложившихся норм (сочетание основ приставок, ранее не присоединявшихся к основам существительных, с этими основами). Новые словообразовательные типы закрепляются в языке, а процесс именной префиксации поддерживается и экспансией других, не столь активных ранее словообразовательных моделей и типов, например с префиксом *мега-*. В целом, разнообразные типы и модели префиксального именного словообразования на данном этапе развития языка оказываются актуальными для говорящих. Структурные и семантические особенности префиксов (способность сочетаться с производящими основами преимущественно без фонологических изменений морфемы и основы) поддерживают тенденцию к агглютинации, имеющую место в настоящий период [см. Валгина 2001]. При этом язык стремится различными способами преодолеть те ограничения, которые существовали для именной префиксации ранее.

2.5. Неологизмы-существительные, образованные смешанными способами

Смешанные способы менее частотны. В НСЗ-90 фиксируются немногочисленные новообразования, созданные префиксально-суффиксальным (*внесезонье*, *межсезонка*, *десоветизация* и нек.др.) и сложно-суффиксальным (*великодержавник*, *одновкусие* и др.) способами.

2.5.1. Неологизмы-существительные, образованные префиксально-суффиксальным способом

Префиксально-суффиксальным (приставочно-суффиксальным) способом, по данным нашей выборки, образовано чуть более 20 неологизмов, что составляет около 0,4% от общего числа проанализированных новообразований. Большинство

новых слов образуется от имен существительных, некоторые — от прилагательных и глаголов, что соотносится с данными РГ-80 [РГ-80, § 502]. Наиболее широко представлены новообразования с префиксом *де-* и суффиксом *-изаци(я)*: *деноменклатуризация*, *деэротизация*, *департизация* и нек.др., называющие процесс прекращения какой-либо деятельности. Важно отметить, что толкование данных производных как префиксально-суффиксальных, представленное в словообразовательно-этимологических справках при словарных статьях НСЗ-90, объясняется строго диахроническим подходом к описанию явлений. С точки зрения синхронии, некоторые из рассмотренных выше производных могут считаться префиксальными или суффиксальными. Так, к префиксальным можно отнести слова *деэротизация* — от *эротизация*, *десоветизация* — от *советизация* (слова *эротизация* и *советизация* фиксируются в Большом толковом словаре русского языка / гл.ред. С.А. Кузнецов, материалы получены с сайта Грамота.ру (www.gramota.ru, дата обращения 13.05.2019). Суффиксальным возможно считать производное *департизация*, т. к. в НСЗ-90 фиксируется глагол *департизировать*, созданный, видимо, чуть позже, чем существительное *департизация*. Таким образом, к префиксально-суффиксальным производным, образованным с помощью форманта *де-...-(из)аци(я)*, могут быть отнесены только слова *деноменклатуризация* (от *номенклатура*) и *денолизация* (от *ноль* - „о деноминации денежных знаков в сторону уменьшения их номинальной стоимости на несколько порядков, в результате которой денежные суммы обозначаются цифрами с меньшим количеством нулей“, дано с пометой «профессиональное»). Однако даже единичные случаи говорят о появлении в русском языке нашего времени нового словообразовательного типа, который позволяет говорящим давать актуальные номинации новых явлений.

Не вызывает сомнений определение способа словообразования как префиксально-суффиксального у новаций *согруппник*, *сокруизник*, *внесезонье*. Интересно для анализа слово *безбензинье*: с точки зрения узуального словообразования оно создано префиксально-суффиксальным способом от

существительного *бензин*. Однако нельзя исключать, что при создании новообразования говорящие не учитывали наличия в языке слова *безрыбье*; таким образом, новация *безбензинье* может трактоваться и как созданная по конкретному образцу. Наиболее объективно, на наш взгляд, учитывать оба возможных пути образования новации.

Как имеющее двойную мотивацию описывается новообразование *заокеанье* (хотя, с нашей точки зрения, данная новация может быть отнесена к одному словообразовательному типу со словами *заречье*, *залесье*, описанному в РГ-80 [РГ-80, §506]).

2.5.2. Неологизмы-существительные, образованные сложно-суффиксальным способом

Среди новаций, описанных в НСЗ-90, отмечается также около 20 производных, созданных сложно-суффиксальным способом: *многоканалие*, *слезовыжималка*, *фальшивоводочник* и др. Среди аффиксов наиболее заметны суффиксы со значением лица (*-ец*, *-ист*), менее востребованными, но используемыми, оказываются суффиксы отвлеченных существительных (*-ени(е)*, *-ость*): *ниноандреевцы* (от *Нина Андреева*), *новомышленец* (и *новомышленник*) (от *новое мышление*), *вирусописатель* и др.

Заметную группу сложно-суффиксальных существительных составляют новации, именующие членов (сторонников) той или иной политической партии (а также политических блоков или объединений), в названии которой используется словосочетание: *всероссийцы* (от «Вся Россия»), *народнофронтовцы* (от «Народный фронт»), *нашдомовцы* (и *нашедомовцы*) (от «Наш дом — Россия»), *новоукраинцы* (от «Новая Украина»), *праводельцы* (от «Правое дело») и т.д.

ВЫВОДЫ

Анализ словообразовательных неологизмов по данным НСЗ-90 позволил выявить наиболее продуктивные словообразовательные модели и типы, наиболее активные словообразовательные средства.

Среди новообразований-существительных, отмеченных в НСЗ-90, большую часть слов, около 60%, составляют разного рода композиты (*быстросуп, ядомогильник; автобус-такси, семинар-презентация*); весьма широко (около 23% от общего числа композитов) представлены композиты с первой неизменяемой частью, выступающей в качестве атрибутивного элемента (*ПР-кампания, рок-тусовка, эскорт-услуги*); заметную долю (около 8% от общего числа композитов) составляют аббревиатуры разного типа (*адмхозактив, госэкономика, госчиновник, политтусовка; военмед, гендир; ГИБДД, ГКЧП, КУГИ*). Представленные в НСЗ-90 контаминанты (*детскотека, петербургер, приднестрофик*) – это единичные образования, однако важно отметить факт их лексикографической фиксации. Отдельную группу сложных новообразований (около 15% от общего числа композитов) составляют производные, созданные с помощью аффиксоидов – префиксоидов (*авиашоу, авторэкет, телехит*) и суффиксоидов (*китаефил, чаеман*).

На втором месте по степени продуктивности оказываются суффиксальные производные (около 30%): существительные, обозначающие лицо, с продуктивными суффиксами *-(ов)ец, -ист*, а также *-ант; -льщик; -атор; -тель; -щик* (*антиловец, интерполовец, достоевист, руцкист, митингант, либерализатор, голосовальщик, листатель, клофелинщик*); универбаты, в первую очередь с конкретно-предметной семантикой с суффиксами *-к(а)* (*гуманитарка; жириновка; запрещенка; лечебка; микроволновка; мобилка*), *-ик* (*мобильник, паркетник, персональник* и мн.др.); абстрактные существительные с суффиксами *-ость, -ни(е), -(из)аци(я), -изм, -ств(о); -щин(а)* (*американскость; вандалоустойчивость; династийность; допингование; долларизация; гайдаризм; державничество; янаевщина* и др.); существительные с разнообразными модификационными суффиксами – женскости

(*банкирша, потомца*), невзрослости (*бомжонок*), размерно-оценочной семантики (*банкирчик, музончик, фестивальчик* и др.).

Кроме сложения и суффиксации, новые существительные могут создаваться и другими способами: так, материалы НСЗ-90 подтверждают выводы исследователей о росте именной префиксации в русском языке новейшего периода. Количестве префиксальных неологизмов, по нашим подсчетам, составляет около 5% от общего числа новых существительных. Продуктивны префиксы *анти-, супер-, экс-, квази-, де-* и некоторые другие (*антидостижение, суперподделка, экс-чекист, квазиимперия, деисламизация, нельготник*).

Востребованными оказываются и другие способы — префиксально-суффиксальный (*пофигизм, внесезонье*), сложно-суффиксальный (*слезовыжималка, новоукраинцы*), усечение и усечение в сочетании с суффиксацией (*нал, мерсик, компик*).

Словообразовательные неологизмы, зафиксированные в НСЗ-90, позволяют наблюдать эволюцию словообразовательной системы, т. к. «в словообразовательной системе языка всегда есть то, что утрачивается, и то, что нарождается, то есть диахрония присутствует в синхронии, хотя это присутствие не всегда ощутимо» [Сенько 2007: 245]: активизируются прежние словообразовательные модели (основа существительного + *-(из)аци(я)*; сложение по агглютинативному типу) и появляются новые словообразовательные модели (*мега-* + существительное); меняется семантика отдельных словообразовательных суффиксов (*-oid*), в язык входят новые словообразовательные аффиксы (*мега-, -гейт*). В то же время нельзя не отметить устойчивость словообразовательной системы русского языка: так, сохраняют продуктивность суффиксы *-(ов)ец, -ость, -к(а), -ш(а)* и др. Кроме того, материалы НСЗ-90 демонстрируют богатые синонимические возможности русского словообразования.

Таким образом «словари новых слов в достаточной степени отражают системность языка и, прежде всего, его словообразовательного уровня» [Буцева 2006: 10].

ГЛАВА III.

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА НОВЫХ
ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СЛОВАРЕ «НОВЫЕ СЛОВА И ЗНАЧЕНИЯ.
СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК ПО МАТЕРИАЛАМ ПРЕССЫ И ЛИТЕРАТУРЫ
90-Х ГОДОВ XX ВЕКА»**

**3.1. Социокультурные реалии, отраженные в словаре-справочнике
«Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и
литературы 90-х годов XX века»**

Изменения в лексическом фонде национального языка — его обогащение новыми единицами или утрата единиц, существовавших ранее, — в весьма высокой степени (по сравнению с другими языковыми уровнями) определяются влиянием экстралингвистических факторов. «Всякая новая лексика есть отражение нового в жизни общества, и ее функциональное назначение — обслуживать постоянно возникающие новые языковые (= коммуникативные) потребности» [Катлинская 2009: 12]. Очевидно, что появление нового слова и закрепление его в национальном языке требуют и соответствующего лексикографического описания. Но практически важным для исследователя-лингвиста оказывается и то, что наличие лексикографического описания новейших пополнений в лексике отражает особенности мировосприятия, идеологии, культуры, экономического и политического уклада в обществе, обслуживаемом данным языком, на конкретном этапе его развития. «В связи с изменением мира меняется и наше миропонимание, мировосприятие, мировидение, видоизменяются ценности, меняются приоритеты этнокультуры. Происходит перекатегоризация мира, порождающая новые или преобразующая существующие концепты, требующие своего нового «оязыковлечения». Все это служит мощным стимулом неологизации русского языка» [Касьянова 2008: 59].

Таким образом, лексикографическая фиксация новой лексики и фразеологии позволяет выявить социокультурную специфику определенного хронологического периода в жизни народа. Можно говорить о том, что каждая эпоха имеет своего рода «слова-маркеры», отражающие специфику эпохи, идеологию, господствующую в обществе, особенности свойственного данному времени мировосприятия, культурные предпочтения. Так, 70-е годы XX века, так называемая «эпоха застоя», время стабильности и «развитого социализма», – весьма точно характеризуется такими новациями, зафиксированными в словаре «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов XX века» (далее — НСЗ-70), как *вещизм* ‘повышенный интерес к вещам, к обладанию ими в ущерб духовным интересам’; *гидрокосмос* ‘о глубинной части океанов, морей, озер’; *звездоплан* ‘о летательном аппарате для полетов в космос; то же, что звездолет’; *межпланетчик* ‘о космонавте, участнике межпланетного полета’; *моржевание* ‘купание в ледяной воде как способ закаливания организма, как вид спорта’; «*москвичонок*» ‘уменьш.-ласк. к «Москвич»’; *официальщина* ‘официальный характер чего-л., официальные действия’; *послесъездовский* ‘относящийся ко времени после съезда КПСС, ко времени осуществления его решений’; *сельхозавиация* ‘сельскохозяйственная авиация – авиация, обслуживающая сельское хозяйство (распыление удобрений, ядохимикатов и т.д.)’ и мн.др. [НСЗ-70].

Неографические словари выступают как своеобразные «документы эпохи», а «полнота представления новаций отражаемого периода такова, что с его [словаря новой лексики. – **Е.Ж.**] обложки можно было бы убрать обозначение года <...>, сами материалы, сами слова – свидетели наших дней – говорят о том или ином времени более чем красноречиво» [Алаторцева 1998: 227].

Язык как феномен культуры изучается относительно новой отраслью языкознания – лингвокультурологией. Именно лингвокультурология исследует проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке [Маслова 1997: 7-8]. Словари новых слов, отражающие жизнь этноса в тот или иной период

времени, могут становиться объектом исследования в лингвокультурологии и предоставлять ученому интересные фактические сведения, касающиеся не только количественного приращения в лексическом фонде языка, но и особенностей функционирования языковых единиц. Один из основоположников отечественной неогрфии, проф. Н.З. Котелова отмечает: «Наблюдение за живым потоком русской речи, осмысление процессов и результатов происходящих в лексике и фразеологии изменений, их оценка и описание имеют большое значение **как в общественно-историческом, культурно-познавательном аспектах** [выделено нами. – *Е.Ж.*], так и в теоретической и прикладной лингвистике» [Котелова 1995: 4]. Несомненно то, что «будучи историческими словарями, отражающими приращения лексики и фразеологии, изменения значений слов в определенный период, словари неологизмов служат важными свидетельствами развития языка, предоставляют возможность историкам языка пользоваться точками отсчета, сравнением разных временных состояний языка» [Котелова 1995: 4].

Анализ материалов НСЗ-90 позволяет сделать интересные выводы не только о развитии словообразовательного уровня русского языка в переломную эпоху, но и — на материале словообразовательных неологизмов — об оценке тех социальных изменений, которые переживало общество в «постперестроечную» эпоху, об изменениях в языковой картине мира носителей русского языка, о «неологической картине мира» [Е Линь 2018]. Как отмечают исследователи, «деривационные процессы и отношения отражают способы усвоения знаний и опыта с помощью актуальных для данной эпохи корневых и аффиксальных морфем, используемых для объективации новых концептов и связей. В современную эпоху возможности словотворческого экспериментирования значительно расширяются» [Коряковцева 2009: 9; Рацибурская 2018: 67]. Таким образом, «словообразовательно маркированная лексика <...> позволяет выявить культурно-историческую специфику языка с учетом системных связей между единицами языка и культурно значимыми концептами» [Вендина 2002: 44—45].

Анализ словообразовательных новаций, зафиксированных в НСЗ-90, востребованных способов, типов и моделей словообразования, а также производящих основ, позволяет говорить не только о том, как изменились разные стороны общественной жизни, но и об оценке этих изменений говорящими, т. к. «словообразование является одним из средств языковой концептуализации картины мира» [Вендина 2002: 46]. Так, в частности, «структура сложных слов, обеспечивающая соединение актуальных в определенный исторический период смыслов, наилучшим образом соответствует задачам номинации новых реалий и передачи новых представлений о мире» [Петрухина 2019: 216]; при этом само «образование и употребление сложных слов обычно активизируется в русском языке в переломные исторические моменты» [Петрухина 2019: 216].

Как отмечают исследователи, «изучение феномена словотворчества предполагает обращение к мировидению человека, его сознанию и мышлению» [Плотникова 2016: 183]. Неодериваты «отражают внеязыковые, экстралингвистические данные, соотносимые с определенным историческим периодом в жизни людей и их культурной и социальной принадлежностью» [Рацибурская 2012: 337].

Новые реалии отражаются в неодериватах, которые образуют различные тематические группы:

- наименования новых бытовых реалий (*банкет-фуришет, бейсболка, визитница, ветучреждение, гидрованна, демакияж, дождюнок, зоосалон, ковролин, колорирование, кондитерка, контейнер-бытовка, левшизм, лжеводка, лоскутница, любовь-морковь, мантоварка, метрореклама, метротрамвай, мешок-пылесборник, мини-баня, обедуужин* и мн.др.);
- лексика, относящаяся к области медицины (*анималотерапия, аутодонорство, венбольница, ВИЧ-диагностика, врач-геронтолог, кардиолог-терапевт, криохirurg, лазеротерапевт, лекарства-аналоги, озонотерапия, реабилитология, склерозант, СПИД-центр, флебэктомия* и др.);

- лексика, относящаяся к сфере моды (*пальто-жакет, пальто-пончо, пальто-платье, платье-ампир, платье-жакет, платье-колонна, платье-майка, платье-трапеция, платье-фонарик, платье-шорты, плащ-куртка, супермини-юбка / суперминиюбка, юбка-портфель* и др.);

- спортивная лексика (*азиада, айкидоист, велоальпинизм, велоальпинист, гребец-академик, дельфиада, допинг-скандал, кёрлингист, межсезонка, мини-футболист, могулистка, монолыжа, тхэквондист / таэквондист, фан-движение, футзал, яхт-спорт* и др.);

- лексика, относящаяся к сфере образования (*госакадемия, госвуз, гособразование, двенадцатилетка, институт-интернат, интенсив, колледж-предприятие, КРАЙУНО / крайУНО, курс-самоучитель, лицеистка, музобразование, магистр-исследователь, образованицина, общеобразовалка* и др.);

- лексика финансовой и экономической сфер деятельности (*антимонопольщик; аудиобизнес; банкирчик; банкириша; бизнес-бомонд; бизнес-вумениша; бизнес-иммигрант; бизнес-инновация; ваучеризация; ваучеродержатель; валютоносность; госэкономика; женщина-предприниматель* и мн.др.);

- лексика, называющая армейские реалии или реалии, связанные с деятельностью разнообразных силовых структур (*верхглавком, военнослужащий-контрактник, дисбатовец, интера, лампасник, лжеафганец / лже-афганец, мини-гарнизон, морпех, солдат-срочник, спецполк, эмгэбист* и др.);

- лексика, называющая реалии криминального мира (*автомафия, басаевцы, беспредельник, клюквенник, мафик, мафиозник, мочилровка, суперкиллер, террорист-камикадзе, террористка-камикадзе* и др.).

Изменение политического устройства, а вслед за этим и господствовавшей в советское время официальной идеологии приводит к тому, что субкультуры, бывшие ранее в андеграунде, становятся широко известными и популярными. Кроме того, российская культура конца XX века открыта для новых направлений, западноевропейских или американских. Корневые морфемы, номинирующие эти направления, легко сочетаются с другими корнями и включаются в состав новых

композигов. В результате подобных деривационных процессов, которые проходят в том числе и благодаря влиянию английского языка (подробнее об этом – во второй главе), появляются целые группы слов, называющих что-либо, связанное с данной субкультурой. В НСЗ-90 фиксируются новообразования с первыми частями *данс-* / *дэнс-*, *диско-*, *кантри-*, *поп-*, *рейв-*, *рэп-*, *фолк-*, *хип-хоп-* и подобные, причем без специального анализа далеко не всегда возможно разграничение собственно русских новообразований и неологизмов-заимствований: *данс-звезда* / *дэнс-звезда*, *данс-музыкант*, *диско-шлягер* / *дискошлягер*, *кантри-кафе*, *кантри-певец*, *кантри-шлягер*, *поп-дуэт*, *поп-король*, *рейв-дискотека*, *рэп-исполнитель*, *рэп-музыкант*, *фолк-певец*, *хип-хоп-коллектив*, *хип-хоп-команда*, *хип-хоп-тусовка* и др.

Среди слов данной тематической группы весьма заметную часть составляют неологизмы с корнями *-панк-* и *-рок-*. Нами зафиксировано около 60 неологизмов — в первую очередь композигов – с корнем *-панк-* и около 30 – с корнем *-рок-*: *неопанк* / *нео-панк*, *панк-анархист*, *панк-вечеринка*, *панк-гимн*, *панк-сцена*, *панк-тусовка*, *панкизм*, *панкуха*, *панк-рокерша*, *пост-панк-рок* / *постпанк-рок*, *рок-авангард*, *рок-акция*, *рок-аранжировка*, *рок-вокал*, *рок-герой*, *рок-исполнительница*, *рок-мир*, *рок-Олимп* и др.

Вместе с тем, пропорциональное распределение неологизмов-субстантивов по тематическим группам неоднородно. Так, значительную группу новой производной лексики составляют слова, относящиеся к сфере идеологии или политической деятельности: «политическая сфера остается областью, приносящей в русский язык наибольшее количество новых слов, актуализирующих болевые точки текущего момента» [Вепрева 2018: 16]: *агитклип*, *всенародноизбранный*, *госдумовец*, *госпереворот*, *демальянс*, *депутат-одномандатник*, *десоветизация* и мн.др. Более подробно слова, относящиеся к данной тематической группе, в частности деонимы — слова, образованные на базе имен политиков [Вепрева 2018: 16], – будут проанализированы в следующих разделах.

Е.А. Брызгунова, характеризуя лексику начала 90-х годов XX века, писала, что русская речь этого периода «выбирает из арсенала языковых средств то, что может

выразить иронию, ожесточенность, пессимизм, но и надежду, самостоятельность, духовность» [Брызгунова 1994: 93]. Мнение исследователя подтверждают и данные НСЗ-90, в котором фиксируются слова *возрожденцы* ‘1. Сторонники духовного и экономического возрождения России, ее былой славы в посткоммунистический период<...>’; *воцерковление* ‘1. Приобщение к вере, церкви, соблюдению религиозных обрядов; 2. Возрождение духовности, религиозных ценностей’; *воцерковленность* ‘приобщенность к вере, церкви, соблюдению религиозных обрядов’ и др.

Весьма показательными, ярко характеризующими переломную эпоху представляются контаминированные новообразования *господарищи* ‘в России в переходный период от социализма к капитализму: о демократах, которые в недавнем прошлом были коммунистами; господа-товарищи’ (*господа* + *товарищи*); *катастройка* (*катастрофа* + *перестройка*), а также неодериваты *прихвятизация* и *прихвятизатор*, производные от глагола-контаминанта *прихвятизировать* (*прихватить* + *приватизировать*). Несмотря на то что контаминация в настоящее время уже рассматривается некоторыми исследователями не как окказиональный, а как узуальный способ словообразования (подробнее об этом – в главе II), анализируемые производные, созданные таким образом, обладают почти всеми чертами окказионализмов, тяготеют к окказионализмам уже благодаря нестандартности своей структуры.

Ярким словом-маркером второй половины 90-х годов XX века можно считать неодериват *семибанкищина* ‘о семи крупнейших представителях бизнеса, во второй половине 1990-х гг. господствовавших на финансовом рынке России, оказывавших существенное влияние на ее политическую жизнь и контролировавших многие СМИ’ (*семибоярщина* + *банкиры*), образованный в результате заменительной деривации: в узуальном *семибоярщина* меняется корневая часть. В словарной статье, посвященной этому неологизму, дается подробная информация о первом употреблении этого слова, о его связи с историческим термином «семибоярщина». В настоящее время слово *семибанкищина* по-

прежнему употребляется при описании эпохи 90-х годов. Показательно, на наш взгляд, наличие в Википедии статьи, посвященной семибанкирщине (<https://ru.wikipedia.org/wiki/Семибанкирщина>).

Еще один знаковый неодериват 90-х годов – *этистранцы* ‘о людях, пренебрежительно употребляющих по отношению к России словосочетание «эта страна»’. Как и неодериват *семибанкирщина*, данное новообразование можно рассматривать как результат заменительной деривации на базе слова *иностранцы*, в котором заменяется первая часть *ино-*.

Тонкую самоиронию можно видеть в новообразовании *зарплата-заплата* – ‘о маленькой, нищенской зарплате’, – порожденном тяжелой экономической ситуацией, имевшей место в 90-е годы XX века. Способ образования данного слова – сложение, однако здесь можно наблюдать и такое явление, как «повтор-отзвучие».

Своеобразным маркером эпохи является и неодериват *совкизм* ‘о том, что свойственно совку’, образованный с нарушением сочетаемости морфем: суффикс *-изм*, характерный для книжной лексики, присоединяется к основе разговорного наименования Советского Союза – *совок*.

Таким образом, при создании анализируемых ключевых слов эпохи были востребованы словообразовательные ресурсы, находящиеся на периферии словообразовательной подсистемы, преодолены существующие несистемные ограничения. Можно предположить, что это не случайное явление – анализируемые словообразовательные неологизмы весьма экспрессивно передают существующие общественные настроения, а для достижения этой цели при конструировании новообразований нужно было в определенной степени преодолеть инерцию словообразовательной системы.

«Отражая „неологическую действительность“ рубежа веков, словари новой лексики представляют лексические приобретения последних двух десятилетий, знаменующих коренной перелом в жизни страны. Они непредвзято регистрируют приобретения и потери в языке, позволяют увидеть реальную динамику лексикона, выявить те его зоны, которые отражают реальный прогресс общества и языка, а

также те фрагменты, которые, представляя черты нашего недавнего прошлого, остаются не востребуемыми в настоящем. Перелистывая страницы неологических словарей, читатель получает представление о том, какие сферы науки, техники, культуры развивались особенно активно в описываемый период, стимулируя соответствующий „лексический отклик“» [Черняк 2006: 171].

Данные, полученные в ходе исследования, отчасти (хотя и не так пессимистично) согласуются с выводами А.Д. Васильева о том, что «радикальные перемены в мировоззрении и миропонимании социума творятся с помощью вербальных манипуляций, не просто предлагающих, но навязывающих виртуальную реальность взамен подлинной. Создана и поддерживается ситуация культурного шока, которая по своему резонансу может быть сопоставима с хорошо известными итогами «шоковой терапии» в экономике» [Васильев 2003: 87].

Эпоха 90-х – переломный период в истории России: «бурные события последнего времени – развал тоталитарного государства, отказ от командно-административной системы, крушение сложившихся за 70 лет социально-экономических и духовных основ общественной жизни – внесли коренные изменения во все области нашей жизни. Все это сопровождается сложными процессами становления новой демократии, политической свободы, многопартийности, свободы слова, новой государственности России и других государств (республик бывшего СССР), принципиальными преобразованиями экономики и т.п.» [Бельчиков 1993: 31]. Язык, обслуживая общество, должен был отразить все эти тектонические сдвиги.

3.2. «Ключевые слова эпохи» и их производные

Влияние социокультурных факторов на словообразовательную систему языка приводит не только к возникновению отдельных неологизмов. Анализ зафиксированных в НСЗ-90 словообразовательных неологизмов позволяет выявить целые словообразовательные гнезда, в первую очередь образованные от слов,

называющих актуальные, социально значимые понятия, – т. е. так называемых «ключевых слов». В начале 90-х годов Т.В. Шмелева ввела понятие «ключевых слов текущего момента» (КСТМ), обозначающих «наиболее значимые, обсуждаемые повсеместно» понятия [Шмелева 1993: 33], описав ряд характерных для них признаков. КСТМ соотносятся с такими понятиями, как «ключевое слово культуры», «ключевое слово русской ментальности», «отличаясь от них „актуальностью“, привязанностью к определенному моменту» [Шмелева 1993: 34]. К подобным ключевым словам анализируемого периода можно отнести, например, имена лидеров государства и известных политических деятелей – М.С. Горбачева, Б.Н. Ельцина, Е.Т. Гайдара, А.Б. Чубайса и др. и некоторые другие онимы(об этом подробнее в п.3.3), а также слова *перестройка*, *суверенитет*, *демократия*, *ваучер* и *приватизация*, *бизнес*, *челнок*, *бомж* и др.

Одним из ярких признаков КСТМ Т.В. Шмелева назвала «грамматический потенциал слова»: «При выдвижении слова в КСТМ наблюдается активизация всех его грамматических возможностей, что проявляется в возникновении новых форм и дериватов» [Шмелева 1993: 35]. Этот факт подтверждают и наши материалы: анализируемые нами «ключевые слова», выступая в качестве производящих, породили целые ряды неодериватов, зафиксированных в НСЗ-90. В рамках данной работы мы ограничены только производными-существительными, однако в словаре представлены и производные прилагательные и глаголы.

Весьма важным периодом в отечественной истории стала проводившаяся с 1985 года перестройка. В 90-е годы слово *перестройка*, называющее данный исторический этап, стало производящим для целого ряда новообразований: с помощью продуктивных префиксов созданы неоминации *квазиперестройка*, *контрперестройка*, *постперестройка*; в результате префиксоидации была произведена новация *мини-перестройка*; контаминированными являются новообразования *горбостройка* / *горбастройка* и *катастройка*. Наличие подобных производных, несомненно, свидетельствует об осознании важности данного периода для исторического развития государства, об известной социальной

рефлексии. Негативная оценочность, ярко проявляющаяся у некоторых производных (*квазиперестройка, катастройка*), говорит о социальном недовольстве, неприятии результатов проводимой политики.

1991 год – год распада Советского Союза. На карте появляются новые независимые государства, идет «парад суверенитетов». Эти серьезные геополитические преобразования также отразились в ряде словообразовательных новаций: в НСЗ-90 фиксируются новые производные от слов *суверенитет, суверенный* – это суффиксальные *суверенитетчик, суверенизация, суверенизатор*, сложные *суверен-коммунизм* и др.

Своеобразными маркерами эпохи, следует, видимо, считать инновации, образованные от «слов-ключей» (Р.А. Будагов) *демократия, демократический*. Наиболее широко в данной группе производных представлены сложные слова, в которых одна из производящих основ реализована в виде усеченного *дем-* / *демо-* ('демократический'): *демблок* 'блок демократических сил'; *демвласти* 'власти демократической направленности'; *демвожди* 'о руководителях демократического движения'; *демкруги* 'общественно-политические группировки людей, придерживающихся демократических взглядов'; *демокоммунисты* 'представители демократического круга социалистической партии'; *демосоциалисты* 'сторонники демократического социализма' и под. (Примечательно, что в словаре НСЗ-70 не зафиксировано ни одной новой единицы, начинающейся с *дем...*).

При этом чрезвычайно важной для понимания общественных настроений оказывается фиксация в НСЗ-90 инноваций, обладающих яркой негативной оценочностью, которая отражена системой соответствующих помет: пренебрежительное *демократишка* 'демократ'; презрительные *демобесы* 'демократы (в речи их политических противников)'; *демокрады* 'о продажных, коррупционных представителях демократической власти ...'; *демократия-демонократия* 'то же, что демонократия – о демократии как источнике и виновнице зла в современном обществе'; *демомутанты* 'о демократах, меняющих свои взгляды, убеждения в зависимости от обстоятельств'; *демофашисты* 'о тех, кто под

видом демократии прибегает к насилию, национализму'; неodobрительное *демократура* '1. То же, что демноменклатура; 2. Диктатура, осуществляемая под лозунгами демократии' и под. У новообразования *демофашист* авторы НСЗ-90 отмечают возможность двойственной мотивации: не только словом *демофашизм* (которое также фиксируется в НСЗ-90), но и давно вошедшей в язык единицей *фашист*. Возможность выводимости производного *демофашист* от *фашист* поддерживается активизацией элемента *демо...*, его свободной сочетаемостью с разнообразными основами.

В некоторых случаях оценка выражается не с помощью пометы, а в рамках словарной дефиниции, например: *демопатриоты* – 'о членах демократических партий, групп, выступающих с патриотических позиций, с патриотическими лозунгами (**часто ложными**) [выделено нами. – *Е.Ж.*]'. Достаточно показательным, на наш взгляд, демонстрирующим особенности национального чувства юмора, является формирование нового (второго) значения у слова *демократизатор* – '1. О том, кто или что способствует демократизации общества или внедряет демократию силой; 2. Милицейская резиновая дубинка'.

Представляется интересным тот факт, что в словаре НСЗ-90 также зафиксирован целый ряд сложных производных от слов *коммунизм*, *коммунистический* с начальной частью *коммуно-* 'связанный с коммунистической идеологией': *коммуно-аграрии* 'депутаты Государственной Думы – представители Коммунистической и Аграрной партий РФ, объединенные в блок, фракцию'; *коммуно-большевизм* 'идеология коммунизма крайне левого (большевистского) толка' и *коммуно-большевики* 'приверженцы, последователи коммуно-большевизма'; *коммуно-демократия* 'идеология коммунизма, сблизившаяся с некоторыми положениями демократии; выдающая себя за демократию'; *коммуно-национализм* 'коммунистическая идеология с националистическим уклоном' и др., в то время как в словаре НСЗ-70 новообразований с подобным начальным элементом не зафиксировано.

Весьма специфическими для русского языка 90-х годов XX века оказываются производные от слова *партия*, называющие реалии, характерные для советского политического устройства: *партбуржуазия*, *партмафия*, *партноменклатура*, *партсовбюрократия*, *партхозноменклатура* и др., – они перешли в разряд историзмов, едва успев появиться.

Несомненно, чрезвычайно значимым для эпохи 90-х годов был процесс приватизации. Экономические термины *приватизация* и *ваучер* стали производящей базой для целого ряда новообразований, зафиксированных в НСЗ-90. В частности, обнаруживаются такие префиксальные неологизмы, как *деприватизация*, *переприватизация*, *постприватизация*, *расприватизация*; создано с помощью весьма актуального для современной эпохи префиксоида *лже-* новообразование *лжеприватизация* / *лже-приватизация*; суффиксальным является неологизм *приватизирование*. Кроме того, отмечены композиты *капитализация-приватизация* и *национал-приватизация*. Помимо слов, называющих сам экономический процесс, в НСЗ-90 отмечены неоминации лиц, проводящих приватизацию, поддерживающих её: суффиксальное *приватизатор* и производное от него префиксальное *ультраприватизатор*.

Широко популярными стали новообразования *прихватизация* и *прихватизатор*, выражающие явную негативную оценку обществом процесса приватизации, проводимого руководством страны. Данные новации следуют квалифицировать как языковые неологизмы несмотря на то, что они имеют некоторые признаки окказионального слова: экспрессивны, образованы в результате контаминации. Определяющим показателем при отнесении новаций *прихватизация* и *прихватизатор* к узуальным следует считать частотность их употребления и оторванность от контекста.

Слово *ваучер* тоже стало производящим для целого ряда неогидериватов: суффиксальных *ваучеризация* и *ваучерист*, сложных *ваучеровладелец*, *ваучеродержатель*. Производным от глагола *ваучеризировать* является новообразование *ваучеризатор*, созданное путем суффиксации.

Появление проанализированных выше производных – прямое следствие влияния на язык экстралингвистических факторов.

В словаре НСЗ-90 весьма широко отражены новообразования финансово-экономической сферы. Среди них выделяется большое число новых дериватов от мотивирующего *бизнес*: суффиксальное *бизнесмена* (производное от *бизнесмен*), сложные *бизнес-дело*, *бизнес-ликбез*, *бизнес-ТАСС*, *микробизнес* (и *микробизнесмен*), а также *лжебизнесмен*; контаминированное *бизнес-мент* / *бизнесмент* и др. Некоторые из описанных в НСЗ-90 единиц являются заимствованиями из английского языка – словообразовательными кальками или полукальками: *бизнес-сувенир*, *бизнес-тренинг*, *бизнес-тур*, *бизнес-элита*, *бизнес-язык* и др.

Широко представлены в НСЗ-90 и производные композиты, в которых в качестве одного из производящих выступают слова *нефть*, *нефтяной*: *нефтебарон*, *нефтебосс*, *нефтегенерал*, *нефтекороль*, *нефтерубль*, *нефтетранзит* и др. Появление подобных сложных неодериватов связано с тем, что российская экономика конца XX века – преимущественно сырьевая, основанная на экспорте углеводородов.

Приметой времени было и возникновение финансовых пирамид, что нашло отражение в лексике русского языка – так, в НСЗ-90 фиксируются производные от аббревиатуры *МММ* (*эмэмэщик*), а также неодериваты, мотивированные словом *пирамида* (финансовая): *пирамидник*, *пирамидность*, *пирамидостроение*, *пирамидчик*, *пирамидчица* и др.

Конечно, 90-е годы – это и период расцвета частного предпринимательства. Появляется новая социальная группа – челноки, и номинация данной социальной группы также попадает на страницы НСЗ-90. Слово *челнок* описывается как семантический неологизм и кроме того фиксируется ряд суффиксальных производных: *челночество*, *челночиха*, *челночица** (квалифицируется авторами НСЗ-90 как семантический неологизм), *челночонок*.

«Ключевым словом», словом-маркером социальной жизни эпохи 90-х можно, видимо, считать и единицу *бомж*. До 90-х годов XX века в городах России бомжей

не было – были нищие, бездомные, босяки, бродяги, другие маргинальные группы. В конце XX века говорящим на русском языке понадобилось обозначить люмпенов новой номинацией – аббревиатурой, заимствованной из речи милиционеров. Слово оказалось, увы, весьма востребованным, в краткие сроки пережило процесс опрощения и стало вершиной сильноразвернутого словообразовательного гнезда. Целый ряд производных, прямо или опосредованно мотивированных единицей *бомж*, зафиксирован в НСЗ-90: *бомжара*, *бомжатник*, *бомжик*, *бомжовка*, *бомжевание* и др. Неодериваты образованы разнообразными способами: суффиксальным (*бомжина*, *бомжиха*, *бомжонок* и мн.др.); префиксацией (*полубомж*), словосложением (*бомж-отель*). Сочетаемость производящей основы с, например, субъективно-оценочными суффиксами *-ар(а)*, *-ик*, *-ин(а)* свидетельствует о стремлении говорящих выразить свое отношение к называемым лицам: жалость, презрение и под.

Показательным примером, отражающим взаимосвязь лексических и социальных (в самом широком смысле) изменений, является группа неологизмов, произведенных от заимствований *пейджер* – *пейджинг*. В НСЗ-90 описано более 15 слов с данной корневой морфемой: *пейджер-двойник*, *пейджинг-компания*, *пейджинг-оператор*, *пейджинг-рынок*, *пейджинг-сообщение*, *пейджинг-центр*, *пейджераст*, причем среди анализируемых неологизмов есть как исконно русские производные (*пейджер-двойник*, *пейджинг-связь*, *пейджинг-терминал* и др.), так и заимствования (*пейджер-оператор*, *пейджинг-компания*). Однако в настоящее время – в 10-е годы XXI века – слова, входящие в данное словообразовательное гнездо, малоупотребительны, что легко объясняется влиянием экстралингвистических факторов – вытеснением пейджеров мобильными телефонами. По данным НКРЯ, частотность слов с корнем *-пейдж-* на протяжении первого десятилетия XXI века постепенно снижается.

Конец XX века – это время активного развития технологий, в первую очередь информационных. «Новый тип деятельности не может не отразиться на языке, и современный русский язык находится не в стороне этого международного

процесса» [Валгина 2003: 120]. В 90-е годы появляется много новообразований, относящихся к области компьютерного жаргона (*кликабельность, компик, линуксист, мини-ноутбук, модемчик, мышкодром, сидюк, софтина, юзерша* и др.) и компьютерной терминологии. Весьма многочисленные группы составляют неологизмы-термины с компонентами *веб-* / *web-* / *www-*, *интернет-*, *онлайн-*: *веб-камера* / *вэб-камера* / *web-камера*, *веб-приложение* / *web-приложение* / *www-приложение*, *веб-редактор* / *web-редактор*, *веб-узел* / *web-узел* / *www-узел*; *интернет-версия*, *интернет-камера*, *интернет-портал*, *интернет-приложение*, *интернет-простанство*; *онлайн-версия* / *online-версия*, *онлайн-проект* / *online-проект*, *онлайн-трансляция* / *online-трансляция* и др. Применительно к современному этапу языкового развития указанные неологизмы можно квалифицировать как сложные слова. Однако со строго диахронической точки зрения многие из представленных в НСЗ-90 неологизмов (*веб-камера* / *вэб-камера* / *web-камера*; *веб-служба* / *web-служба* / *www-служба*; *веб-услуги* / *web услуги* / *www-услуги*; *интернет-дизайнер*, *интернет-журнал*; *онлайн-магазин* / *он-лайн-магазин* / *online-магазин*, *онлайн-услуги* / *online-услуги* и др.) являются заимствованиями из английского языка, где они также являются сложными. Это обстоятельство и затрудняет разграничение исконно русских производных и заимствований.

Весьма значительно число производных, как простых, так и сложных, образованных с элементом *PR*. Данные НСЗ-90 наглядно демонстрирует гибкость словообразовательной системы русского языка: так, заимствованная из английского языка аббревиатура *PR* в 90-е годы XX века еще не освоена графически – в словаре фиксируются написания *PR*, *пиар*, *ПП* – однако уже освоена на словообразовательном уровне. Можно говорить о существовании в русском языке настоящего времени нового сильноразвернутого словообразовательного гнезда с вершиной *PR* / *пиар* / *ПП*, в состав которого входят как суффиксальные производные, так и композиты: *пиарист*, *пиаровец* / *PR-овец*, *пиармен* / *пиармэн* / *PR-мен* / *PR-мэн*, *пиарищик* / *PR-щик*, *пиарищица* / *PR-щица*, а также *пиар-директор* / *PR-директор*, *пиар-кампания* / *PR-кампания*, *пиар-компания* / *PR-компания*, *пиар-*

консультант / PR-консультант, пиар-поддержка / PR-поддержка, пиар-центр / PR-центр, ПР-деятельность и др. Весьма подробный анализ словообразовательного гнезда с вершинами *PR / ПР* дает Т.В. Попова [Попова 2004].

Анализ материалов НСЗ-90 показывает, что нередко слова, называющие весьма значимые для общества реалии, оказываются вершинами новых словообразовательных гнезд. Однако это наблюдается не всегда: так, например, нами не были обнаружены новые производные, образованные от слова *путч*, хотя несомненно, что в начале 90-х годов оно называло очень значимое для говорящих событие. Возможно, производные окказионализмы от данного производящего были (например, фиксируемое в НКРЯ новообразование *путчина*: *Ведь среди пучин, куда, по прогнозам, мы все в СНГ еще можем ввергнуться, самая опасная — путчина* [НКРЯ]), но они так и остались фактами речи, и авторы НСЗ-90 не посчитали нужным включить их в состав словника.

Новые слова, особенно образованные от ключевых слов эпохи, не просто встраиваются в лексическую подсистему национального языка. Появление неологизмов связано и с изменением национальной концептосферы. «Обновление концептосферы русского языка как результат ментальной проекции актуальных смысловых образований определяется перестройкой картины мира, порождающей более актуальную для нынешнего социума систему новых представлений о мире, коллективного способа восприятия и концептуализации новых фактов современной жизни» [Касьянова 2008: 59].

Важно отметить, что «словообразовательный акт, как и любой акт деятельности, имеет место только тогда, когда он мотивирован потребностью <...>. Исследование этих потребностей (имплицитно представленных в создании каждого производного слова) способствует пониманию личности и системы ее ценностных ориентаций. А так как ценности формируются на основе потребностей человека, то в словообразовательно маркированных единицах языка так или иначе эксплицируется информация о системе его ценностей, раскрываются особенности его мировидения, мирочувствования и мировосприятия. Производное слово при

таком подходе оказывается, по сути дела, маленькой моделью представления знания о мире как сложном процессе его чувственно-мыслительного осознания человеком. А словообразовательный акт в связи с этим предстает как логически оправданный акт словотворчества, позволяющий проникнуть в глубь человеческого сознания, в тайны народного духа, в сложный процесс постижения и освоения мира природы и человека» [Вендина 2002: 46].

3.3. Производные на базе онимов

Анализируя словарные материалы, мы должны отметить большое количество отонимических (в первую очередь отантропонимических) производных, относящихся к области политической деятельности: только в первом томе словаря зафиксировано более 100 новообразований, исходными для которых являются имена и фамилии известных политиков. Нередко антропонимы служат базой для целого словообразовательного гнезда.

«Собственные имена имеют значительный культурный потенциал, они способны выступать в качестве носителей культурно значимой информации, т. е. приобретают символические свойства. Эти особенности собственных имен, главным образом — личных имен, давно востребованы в культурной традиции и задействуются в художественном творчестве, в религиозном и публицистическом дискурсе, в науке, в рекламе и т.д.» [Радбиль 2016: 49]. Количество производных у конкретных антропонимов может быть различным: в одних случаях словарь фиксирует только единичные производные, в других случаях в НСЗ-90 представлен широкий спектр производных, составляющих словообразовательные цепочки и парадигмы. Так, например, от фамилии *Ельцин* прямо или опосредованно было образовано 14 производных субстантивов, от фамилии *Гайдар* — 10, от фамилии *Горбачев* — 8, от фамилий *Зюганов*, *Жириновский*, *Чубайс* — по 5 производных субстантивов. В качестве производящих фигурируют также имена других политиков и общественных лидеров, как российских, так и зарубежных — Ю.Ю. Болдырева,

З. Гамсахурдиа, Д. Дудаева, Э.В. Лимонова, Ю.М. Лужкова, В.В. Путина, А.В. Руцкого, Г.И. Янаева и мн.др. Обратим внимание на то, что в рамках данного исследования анализируются только производные субстантивы, однако в НСЗ-90 широко представлены и отономические производные других частей речи – прилагательные и глаголы.

Новые дериваты от указанных антропонимов могут быть классифицированы по нескольким группам. Во-первых, отчетливо выделяется группа суффиксальных неoderиватов, называющих сторонников, последователей того или иного политика: *ельцинисты, ельцинцы, болдыревцы, гайдаристы, гайдаровцы, гамсахурдисты, горбачевцы, дудаевцы, жириновцы, зиадисты, зюгановцы; лужковцы, макашовцы, руцкисты, собчаковцы* и др. При образовании данных деонимов востребованными в первую очередь оказываются высоко продуктивные в русском языке новейшего периода и отчасти конкурирующие суффиксы *-(ов)ец* и *-ист*. Материалы НСЗ-90 показывают, что данные форманты свободно сочетаются с именами собственными, порождая в ряде случаев дублетные неoderиваты: *ельцинцы – ельцинисты, путинцы – путинисты*. Любопытно, что частотность одномодельных производных неодинакова: по данным НКРЯ, в паре *ельцинцы – ельцинисты* более частотным оказывается слово *ельцинист*, а из пары *путинцы – путинисты* говорящие чаще выбирают производное *путинец*.

Кроме продуктивных в языке морфем – в целях создания большей выразительности – могут использоваться и малопродуктивные словообразовательные суффиксы или может нарушаться словообразовательная синтагматика. Так, например, интерес (особенно с учетом синхронно-диахронного подхода) представляют зафиксированные в НСЗ-90 производные с суффиксом *-оид*. Значение лица – сторонника политического лидера отмечается у новообразования *ельциноид* ‘приверженец взглядов и политики Президента РФ Б.Н. Ельцина; тот, кто уподобляется ему’. Согласно РГ-80, производные с этим суффиксом называют «предмет ..., подобный тому, который назван мотивирующим словом, но имеющий отличия от него», например: *монголоид, негроид* [РГ-80: §400, см. также Лопатин,

Улуханов 2016] и др. В анализируемом же новообразовании модификационное узуальное значение общего подобия дополняется значением субъективной (негативной) оценки и значением лица. Использование данного суффикса делает новообразование более экспрессивным, помогает говорящему подчеркнуть отчасти негативную оценку называемого явления. Необходимо отметить, что в НСЗ-90 обнаружено всего три производных с данным суффиксом (*ельциноид*, *западоид* и *линуксоид*, а также заимствование *юниксоид*), однако материалы, полученные из других источников (в первую очередь новообразования, встреченные в сети Интернет), и наблюдения исследователей (Е.И. Коряковцевой, Л.В. Рацибурской и др.) показывают, что данный формант демонстрирует устойчивую продуктивность в русском языке начала XXI века, особенно при образовании дериватов от фамилий политиков или общественных деятелей (ср. *путиноид*, *навальноид*, *чубайсоид* и др.). Анализ производных позволяет говорить о формировании у данного суффикса новых оттенков значения с семантикой лица. Е.И. Коряковцева, описывая подобные дериваты, отмечает, что с помощью форманта *-оид* образуются «пейоративные названия сторонников государственных и политических деятелей» [Коряковцева 2016: 41]. Значение подобия отмечается у окказионализма *базароид*, использованного еще в XIX веке: «Насчет Базарова, — пишет он в одном письме к Огареву, — «позабудь ты существование Тургенева и отрешись от наших популярничаний, тогда ты поймешь слабую и нагую верность типа. Базаров нравственно выше последующих **Базароидов**. Он у Тургенева храбр, умен, не вор, не доносчик, не вонючий клоп... Он слаб, поверхностен, дурно задуман, но он Бог перед этими свиньями» (К.И. Чуковский. Татьяна Петровна Пассек и ее «Воспоминания» (1906), НКРЯ). Примечательно, что окказионализм тоже имеет негативную окраску, отчетливо проявляющуюся в контексте.

Схожее явление наблюдается и в образованиях *гайдарята* (*гайдаренок*) ‘то же, что гайдаровцы’ и *чубайсята* (*чубайсенок*), которые даются в НСЗ-90 с пометами «публицистическое, уничижительное» и «разговорное, пренебрежительное» соответственно. В данном случае отступление от словообразовательной нормы

проявляется весьма отчетливо: не реализуется прямое значение суффикса *-онок / -ат(а)* «невзрослое живое существо (лицо или животное), связанное с предметом или признаком, названным мотивирующим словом» [Лопатин, Улуханов 2016: 601], однако использование этого дериватора приводит к возникновению у говорящих соответствующих ассоциаций (детеныш → молодой → неопытный, неавторитетный), а у производных – отрицательной коннотации. В результате лексическое и словообразовательное (название «лица или животного, характеризующегося детскостью, невзрослостью» [РГ-80: §394], ср.: *казачонок, октябренок, москвичонок* [РГ-80: §394]) значения вступают в диссонанс, за счет чего формируется яркая экспрессивная окраска, не присущая другим синонимичным новообразованиям *гайдаровцы, гайдаристы*. Интересно отметить, что по той же словообразовательной модели М. Горьким в начале XX века было создано окказиональное слово *марксята* ('марксисты'), тоже обладающее негативной оценочностью: *Марксята* плодятся понемногу <...> богатынькие юноши марксуют по силе интуитивной классовой предусмотрительности <...> (М. Горький. «Жизнь Клима Самгина»). А в начале XXI века в интернет-источниках представлено новообразование *навальнята* – 'о молодых сторонниках А. Навального': *Для тех навальнят, которых не научил опыт Туrowsкого, судьба подготовила ещё одну «демонстрашку»* <...> (<https://cont.ws/@evalis/721790>), что свидетельствует о продуктивности данной модели.

Новообразование *гайдарики* 'о сторонниках, последователях гайдаризма, гайдаризации; о членах партии «Демократический выбор России», возглавляемой Е.Т. Гайдаром' также обладает отрицательной коннотацией и дается с пометами «публицистическое, неодобрительное». Можно предположить, что негативная оценочность формируется с помощью словообразовательных средств – в результате сочетания суффикса субъективной оценки *-ик* с основой существительного – имени собственного, а неологизм *гайдарики* имеет словообразовательное значение «маленькие гайдары». Еще одно производное от основы *-гайдар-* – многозначный неологизм *гайдарки* – '1. О деньгах, денежных купюрах, обесценившихся

вследствие инфляции в период гайдаризации; 2. То же, что гайдаровцы, гайдаристы, гайдарики' – также образовано с нарушением словообразовательной модели, что и в этом случае обусловлено установкой говорящих на негативную оценку называемых реалий: неологизм дается с пометами «разговорное, пренебрежительное».

Кроме суффиксальных производных, называющих сторонников политических лидеров, в словаре зафиксировано и сложное слово с той же семантикой – *лужковцы-примаковцы / примаковцы-лужковцы* 'члены и сторонники политического блока «Отечество – Вся Россия», созданного Ю.М. Лужковым и Е.М. Примаковым; примаковцы-лужковцы' (новообразования *лужковцы* и *примаковцы* также описаны в НСЗ-90).

От агентов, называющих сторонников или последователей политических лидеров, образуются с помощью суффикса *-к(а)* и имена лиц женского пола, однако такое продолжение словообразовательной цепочки имеет место в немногочисленных случаях: *гайдаровка*, *ельцинистка*, а также *жириновка*, *дудаевка*.

Кроме наименований сторонников той или иной персоны, от антропонимов могут быть образованы и названия их идейных противников, оппонентов. Для этой цели последовательно используется приставка *анти-*, очень активная в русском языке конца XX века: *антиельцинист* и *антиельцинец*, *антидудаевцы*, *антизюгановцы*. При анализе способа образования данных производных, необходимо отметить возможность двоякого толкования: на основании формальных критериев рассматриваемые дериваты можно отнести к префиксальным производным от соответствующих имен лиц (*ельцинист* – *антиельцинист*). Но такой подход не вполне соответствует семантике новых производных, которые называют идейных противников самих политических лидеров – ср. предлагаемые в НСЗ-90 дефиниции: *антиельцинец* – 'идейный противник Президента РФ *Б.Н. Ельцина* [выделено нами. - *Е.Ж.*], находящийся в оппозиции к нему, его деятельности'; *антидудаевцы* – 'идейные противники президента Чеченской Республики *Д. Дудаева*, находящиеся в оппозиции к нему, установленному им режиму' и др. Таким образом, если учитывать и семантический критерий, то

производные с префиксом *анти-* можно считать префиксально-суффиксальными образованиями.

Еще одна группа производных от антропонимов – собирательные названия сторонников соответствующего лидера: с помощью контаминации фамилий политиков и слова *электорат* созданы наименования групп людей, готовых поддержать на выборах ту или иную кандидатуру, – *ельцинат* ‘электорат Б.Н. Ельцина’, а также *зюганат* ‘электорат Г.А. Зюганова’.

Ряд производных называет политику, в том числе экономическую, проводимую тем или иным деятелем: *ельцинизм*, *ельцинизация*, *ельциномика*, *ельцинцина* — и противопоставляемый ей *антиельцинизм*; *гайдаризация*, *гайдаризм*, *гайдаровщина*, *гайдарономика*; *горбачевизм* и *горбачевщина*, *горбостройка* / *горбастройка*; *чубайсизация*, *чубайсовщина*. Производные *горбомания* и заимствованные *горбимания*, *горби-бум* – указывают на увлечение личностью М.С. Горбачева, проводимой им в конце 80-х годов XX века политикой.

При образовании данных существительных так же, как и при образовании наименований сторонников общественно-политических деятелей, широко используются словообразовательные ресурсы русского языка. Так, можно выделить ряд суффиксальных производных, образованных с помощью суффиксов *-изм*, *-щин(а)*, *-(из)аци(я)*. Суффикс *-изм* используется для создания наименования общественно-политического течения, обозначения идеологии, стиля управления или общественно-политических взглядов, характерных для того или иного деятеля: *ельцинизм* ‘стиль руководства государством и обществом в период пребывания в должности Президента РФ Б.Н. Ельцина (1991–1999 гг.); политика, проводимая им’; *зюганизм* ‘идеология, политические взгляды лидера КПРФ Г.А. Зюганова, зюгановцев’; *путинизм* ‘1. Идеология и политика Президента РФ В.В. Путина по укреплению вертикали власти; стиль осуществляемого им руководства ...’ и др.

Суффикс *-щин(а)* используется для создания негативных наименований каких-либо общественно-политических течений. Вероятно, сочетание этого суффикса с фамилией того или иного политика свидетельствует об отрицательном отношении

определенной части общества к данному лицу: *горбачевщина* ‘то же, что горбачевизм (идеология и практика политической и государственной деятельности М.С. Горбачева, приверженность им)’; *жириновщина* ‘в речи противников – идеологическое содержание программы ЛДПР, предаваемой ее лидером В.В. Жириновским; политическое влияние этого лидера’; *черномырдинщина* ‘о социально-экономических, политических преобразованиях, осуществляемых В.С. Черномырдиным’, а также *янаевщина*, *алиевщина*, *дудаевщина* и др.

Любопытно, на наш взгляд, отметить, что в НСЗ-90 фиксируются дублетные новообразования (например, *ельцинищина* - *ельцинизм*), в которых у одного негативная коннотация может связываться с дериватором, а у другого (*ельцинизм*) отрицательная окраска не обусловлена суффиксом, т.е. не выражается формально, специфическими морфемами, но оказывается в целом присуща новообразованию.

Весьма продуктивный в русском языке новейшего периода суффикс - (*из*)*аци*(я) также сочетается с фамилиями политиков, хотя и менее активно, чем рассмотренные выше суффиксы -изм и -щин(а): *ельцинизация* ‘распространение ельцинизма, влияния Президента РФ Б.Н. Ельцина на все сферы общественной жизни России, другие страны’, *гайдаризация*, *чубайсизация*.

Подробнее словообразовательные типы с суффиксами -изм, -щин(а), - (*из*)*аци*(я) проанализированы во второй главе.

При образовании новых существительных со значением ‘экономическая политика, проводимая тем или иным лицом’ от данных производящих основ возможна контаминация: *горбостройка* (*Горбачев* + *перестройка*), а также *гайдарономика* (*Гайдар* + *экономика*) и *ельциномика* (*Ельцин* + *экономика*). Необходимо отметить, что новообразования с финалью -*номика* регулярно появляются в языке новейшего периода. Е.И. Коряковцева в подобных случаях говорит уже о появлении нового словообразовательного форманта (*о*)*номика* и о высокой его продуктивности в языке новейшего периода: «В поисках оригинальных экспрессивных словообразовательных средств лингвокреативные <...> журналисты создали терминоидный суффиксоид -*номик*(а) <...>, выделив его из греческого по

происхождению композита экономика» [Коряковцева 2016: 117]. Исследователь отмечает, что «инновации с суффигированным формантом *-(о)номика* образны и выразительны, они могут иметь ярко выраженную игровую направленность, указывая при этом на пренебрежительно-ироническую оценку деятельности лица, названного производящей основой» [Коряковцева 2016: 117].

Антропонимы свободно сочетаются с новым для русского языка 90-х XX века заимствованным формантом *-гейт*, обозначающим политический скандал: *ельцингейт* ‘политический скандал вокруг сделки с красной ртутью, к которой якобы был причастен Президент РФ Б.Н. Ельцин’; *янаевгейт* ‘политический скандал вокруг выборов Г.И. Янаева в вице-президенты СССР (1991 г.)’. Важно отметить, что словообразовательная активность элемента *-гейт* на протяжении последних десятилетий возрастает, что исследователи связывают с влиянием экстралингвистических факторов: «Распространенность скандалов в постмодернистской культуре славянских народов, ставшая привычной скандальная сенсационность СМИ способствуют росту словообразовательной активности и продуктивности новой интернациональной морфемы *-gate*, расширению ее семантического и валентностного потенциалов» [Коряковцева 2016: 45]. Данный формант преимущественно сочетается с именами собственными (антропонимами и топонимами), ср. приводимые Е.И. Коряковцевой примеры: *зюгановгейт*, *Лужковгейт*, *Немцовгейт*, *Каспийгейт*, *Уралгейт* и др. [Коряковцева 2016: 39].

В НСЗ-90 зафиксировано и отантропонимическое новообразование, созданное в результате графодеривации, – *ель-цинизм* / *ельЦИНИЗМ* ‘о политическом режиме Президента РФ Б.Н. Ельцина, отличающемся крайним цинизмом с позиций его оппонентов’. Т.В. Попова, опираясь на исследования В.П. Изотова, подробно анализирует активное в русском окказиональном словообразовании нашего времени явление графодеривации (графиксации): «это «такой способ образования слов, при котором в качестве словообразовательного оператора выступают графические и орфографические средства (графические выделения, знаки препинания и т.п.)» <...>, которые накладываются на традиционную буквенную основу русского слова»

[Попова 2013: 148]. Необходимо отметить, что описанные в НСЗ-90 графодериваты представлены в рамках одной словарной статьи, однако способы их образования различаются: новация *ель-цинизм* образована в результате дефисации, т. е. «разбиения слова дефисами на части или слоги с приданием ему другого значения» [Попова 2013: 165], а новация *ельЦИНИЗМ* создана путем капитализации (капителизации), или регистрографиксации, т. е. «неузуального чередования строчных и прописных букв, приводящего к актуализации в составе анализируемого (употребляемого) слова иных лексем» [Попова 2013: 166, см. также Попова 2004; Ильясова 2017]. Весьма показательно, что в НСЗ-90 графодериваты описаны наряду с узуальными неологизмами.

Таким образом, производящие антропонимы демонстрируют достаточно высокую деривационную активность, сочетаясь с разнообразными формантами, как высокопродуктивными, так и малопродуктивными. В процесс деривации вовлекаются новые словообразовательные средства, может изменяться семантика словообразовательных формантов, что, на наш взгляд, обусловлено стремлением говорящих дать более емкую и выразительную номинацию новых явлений, связываемых с деятельностью конкретного политического лидера.

Завершая анализ новых отантропонимических производных, считаем нужным привести фрагменты наиболее развернутых словообразовательных гнезд с вершинами *Ельцин*, *Гайдар* и *Горбачев*:

Ельцин

- *ельцинист* – *ельцинистка*
- *ельцинец*
- *ельциноид*
- *антиельцинец*
- *антиельцинист*
- *ельцинизм* – *антиельцинизм*
- *ельцинизация*
- *ель-цинизм* / *ельЦИНИЗМ*

- *ельцинищина*
- *ельцингейт*
- *ельцинат*
- *ельциномика*

Гайдар

- *гайдаристы*
- *гайдаровцы – гайдаровка*
- *гайдарки*
- *гайдарики*
- *гайдарята*
- *гайдаризм*
- *гайдаровщина*
- *гайдаризация*
- *гайдарономика*

Горбачев

- *горбачевцы*
- *горбачевизм*
- *горбачевщина*
- *горбомания*
- *Горбачев-фонд*
- *горбастройка / горбостройка*

а также заимствования из английского *горбимания* и *горби-бум*.

Анализируя неологизмы, номинирующие новые реалии политической жизни, нельзя не отметить большое количество слов, прямо или опосредованно мотивированных именами собственными – названиями вновь возникших политических партий и объединений молодой демократической России:

демвыбороссы ‘члены партии «Демократический выбор России»; *ЛДПРовцы* ‘члены ЛДПР’; *нашдомовец* ‘представитель, сторонник российского политического движения «Наш дом – Россия»’; *яблочники* ‘члены политической партии «Яблоко»’ и др. Подобные производные называют лиц – членов или сторонников данного общественного объединения – и образуются в первую очередь с помощью продуктивных суффиксов *-овец*, *-ник*.

Названия *СССР* и *СНГ* тоже становятся производящими базами для целого ряда производных: в результате присоединения продуктивного префикса *экс-* появляется новообразование *экс-СССР* ‘бывший Союз Советских Социалистических республик’, вследствие префиксоидации появляются неогериваты *мини-СССР* ‘1. О политико-экономическом союзе России и ряда государств из числа бывших союзных республик СССР; 2. О России после распада СССР, бывшей его республике, каком-л. территориально-административном образовании, сохранившем характерный для СССР многонациональный этнический состав’ и *неоСССР* / *нео-СССР* ‘о новом государстве, создаваемом из бывших советских республик СССР по его образу и подобию (как цели коммунистической и др. партий)’. От аббревиатуры *СНГ* создаются суффиксальные производные *СНГовцы*, *СНГшники* / *СНГэшники* / *СНГешники*, *Эсэнговия* и др.

Однако не всегда слова-маркеры эпохи порождают большое количество производных. Так, например, соглашения, подписанные в декабре 1991 г. в Беловежской Пуще, имели огромное историческое значение. Но мы обнаружили совсем небольшое число дериватов, производящей базой которых был бы соответствующий топоним или его часть: *Беловежье*, *пуцист*. Невелико и число зафиксированных в НСЗ-90 производных субстантивов от аббревиатуры *ГКЧП*: *гекачипизм* / *гэкачепизм*, *гекачеписты* / *гэкачеписты*. Подобная невысокая словообразовательная активность указанных производящих баз объясняется, на наш взгляд, тем, что называемые реалии были актуальны на очень ограниченном хронологическом отрезке – вторая половина 1991 года и начало 1992 года.

Таким образом, материалы словаря новой лексики подтверждают наблюдение ученых о том, что имена собственные в конце XX века активно функционируют в качестве производящих основ. Выборка показывает, что производные от онимов начинают сочетаться с разнообразными словообразовательными морфемами, а при создании отонимных дериватов нередко нарушаются сложившиеся в языке словообразовательные нормы. Наиболее разнообразно представлены словообразовательные неологизмы, созданные на базе имен известных политиков, лиц, чьи действия напрямую влияют на общественно-политическую ситуацию. При этом нередко «новое слово — будь то индивидуально-творческое изобретение, речевая игра или общеязыковой неологизм — располагает к оценочно-эстетической рефлексии» [Новиков 2018: 80].

3.4. Продуктивные аффиксоиды как средство отражения социокультурных реалий

Своего рода маркерами эпохи могут становиться не только ключевые слова, выступающие как достаточно самостоятельные языковые единицы: уместно рассматриваться в качестве ключевых элементов эпохи и отдельные морфемы — в первую очередь аффиксоиды. В.А. Козырев и В.Д. Черняк отмечают, что ряды производных с устойчивой первой частью являются весьма показательными для осмысления тенденций развития лексики: «Они не только указывают на активные словообразовательные модели, но и фиксируют языковые предпочтения времени, социальные и культурные доминанты эпохи» [Козырев, Черняк 2016: 88]. Очевидно, что «по самым активным формантам и композитам можно делать выводы о социально-культурных предпочтениях общества» [Петрухина 2019: 217].

Свобода нравов 90-х годов XX века, сексуальная распушенность, проституция отражены в материалах НСЗ-90. Так, заметно выделяются неологизмы с первыми частями *порно-* (всего — более 50): *порнобарон, порновидеосалон, порноиздание, порнокультура, порнопродюсер, порносайт, порношоу* и др.

Велико число новообразований, называющих явления, связанные с наркоманией, – это и наименования видов наркотиков, лиц, принимающих наркотики, состояний, возникающих у наркоманов и т. д. Удручающее впечатление производит количество неологизмов с префиксоидом *нарко-* – в словаре зафиксировано около 80 неогериватов с ним: *наркобазар, наркобандит, наркобарон, наркобосс, наркобум, наркогерой, наркогосударство, наркодилер и наркодилерша, наркодурман, наркокультура, нарколобби, наркомаршрут, наркопритон, наркорегуион, наркорубли, наркорынок, наркотреугольник, наркотурист* и мн.др.

Рассмотренные выше новообразования свидетельствуют о глубоком духовном, нравственном, институциональном кризисе, который переживало российское общество в конце минувшего столетия.

В НСЗ-90 достаточно широко представлены и новообразования, относящиеся к сфере средств массовой информации, шоу-бизнеса, связей с общественностью. Появление данных неологизмов тоже напрямую связано с влиянием экстралингвистических факторов – в конце XX века СМИ начинают играть более весомую роль в социальной жизни, в формировании общественного мнения; появляются негосударственные средства массовой информации, активно развиваются сферы рекламы и шоу-бизнеса. Среди слов данной тематической группы выделяется значительный ряд неогериватов с первыми компонентами *медиа-* и *теле-*: *медиабарон, медиаимператор и медиаимперия, медиакороль, медиакрат, медиамагнат*, а также *медиаисследование, медиапродукция, медиапространство, медиарынок* (всего более 25 словообразовательных неологизмов); *телеакадемик, телеаналитик, телегенерал, теледива, телекорифей, теленачалство, телешоумен*, а также *телевранье, телезомбирование, телепристрастие, телепроект, телесага* (всего 38 словообразовательных неологизмов) и др.

Актуальными оказываются слова, относящиеся к тематической группе «экология»: фиксируется целая группа новообразований с начальной частью *эко-*: *экобезопасность* ‘безопасность чего-л. для окружающей среды, в том числе для

человека; экологическая безопасность'; *экобус* 'вид наземного городского транспорта (автобусы, автомобили), не загрязняющего воздушную среду выхлопными газами, гарью'; *эковата* 'вид экологически чистого теплоизоляционного материала'; *экокатастрофа* 'природная катастрофа'; *экомuseum* 'музей быта других эпох (чаще крестьян), воссозданный в природных условиях'; *экопроблема* 'проблема, вызванная неблагоприятным состоянием окружающей среды'; *экотерроризм* 'то же, что экологический терроризм'; *экофашизм* 'полный отказ от современных технологий и сокращение населения Земли, чтобы защитить ее от перенаселения и загрязнения' и др. Причем важно отметить, что неологизмы подобной тематики фиксировались и ранее: в словаре НСЗ-70 находим такие новации, как *экоцид* 'хищническое использование природных ресурсов, ведущее к их истощению, к нарушению экологического равновесия' < эко... (экологический) + цид (геноцид); *экосистема*; *экосфера*. Однако в 90-е годы количество новообразований с подобным начальным элементом возрастает.

Наиболее востребованные и активные префиксоиды позволяют словообразовательному механизму отражать значимые для российского общества в конце XX века реалии. Однако такую функцию могут выполнять и суффиксоиды типа *-крат* / *-крат(ия)*, *-фил* / *-фил(ия)*, *-фоб* / *-фоб(ия)*: Так, в частности, негативными пометами, отражающими общественную оценку называемых явлений, в НСЗ-90 снабжаются новообразования *геронтократ* (оттенок значения дается с пометой «неодобрительное»); *демонократия* («презрительное»); *натоман* («неодобрительное»). В то же время без эмотивных помет в НСЗ-90 даются такие (на наш взгляд, явно негативно оценочные) образования, как *гомифоб*, *ворократ*, *кавказофоб*, *кагэбэфобия* (синдром кагэбэфобии 'устойчивая неприязнь к КГБ <...>; страх перед этой организацией'). Отрицательная оценка называемых данными новациями понятий эксплицируется с помощью элементов *-фоб*, *-вор*, отчетливо проявляется она и в контекстах: *Если бы не было толерантности как универсальной нормы сосуществования, кооперации, социальной интеракции различных форм эволюционного развития, то волны агрессии, нетерпимости, ксенофобии,*

этнофобии, кавказофобии, геноцида как человекофобии стерли бы любые проявления разнообразия на Земле [НКРЯ]; я хоть и ранее судимый, но ни в коем случае не гомофоб [НКРЯ]. Очень показательными, наглядно демонстрирующими противостояние, имевшее место в российском обществе в 90-е годы XX века, отражающими события новейшей российской истории являются антонимичные неологизмы *чеченофилия* ‘симпатия по отношению к чеченцам, сочувствие им’ и *чеченофобия* ‘неприятное отношение, нелюбовь к чеченцам’.

Данные НСЗ-90 помогают выявить активно вовлеченные в словообразовательные процессы аффиксоиды – префиксоиды и суффиксоиды – и соотнести их востребованность на конкретном этапе языковой эволюции с экстралингвистическими факторами.

3.5. Продуктивные словообразовательные аффиксы как средство отражения социокультурных реалий

Весьма ценным для исследователей могут стать данные неологических словарей о продуктивных словообразовательных способах, моделях и формантах, используемых при образовании новых слов, о стилистической окраске новообразований. «Показателем развития словообразовательной и лексической систем является не только рост производных от одной основы, но и наполнение известных словообразовательных моделей новыми дериваторами. Представляется возможным говорить не только о ключевых словах, но и о ключевых словообразовательных моделях текущего момента» [Нефляшева 2009: 178–179]. Очевидно, в рамках конкретной ключевой словообразовательной модели важную семантическую и стилистическую функцию выполняет словообразовательный формант, в первую очередь словообразовательный аффикс. Е.В. Сенько, анализируя связь словообразования и внеязыковой действительности, обращает внимание на то, что «современное аффиксальное словообразование

отличается ярко выраженным социально обусловленным характером» [Сенько 2007: 247].

В русском языке конца XX века при образовании неологизмов высоко продуктивными являются словообразовательные модели с суффиксом *–(из)аци(я)*, с помощью которого создаются не только отглагольные, но и отыменные субстантивы: *валютизация, губернизация, латышизация, рекламизация* и др.

Наличие производных, указывающих на процесс, подчеркивает активность, широкую распространенность и интенсивное проявление в жизни реалий, называемых производными. Так, экономические преобразования привели к явлениям *валютизации* ‘перевод денежных средств, платежей и расчетов на иностранную валюту...’; *ваучеризации, долларизации* ‘1. Широкое использование преимущественно долларов и другой конвертируемой валюты во внутреннем обращении страны, приводящее к вытеснению отечественной валюты с внутреннего рынка, параллельному обращению нескольких валют; 2. Перевод, вложение в валюту ...’; *бартеризации* ‘внедрение бартера (товарообмена без использования денег), отношений, основанных на нем’, *купонизации, талонизации* и др. Переход к федеративному государственному устройству, возрождение должности губернатора и другие административные преобразования позволили говорящим смоделировать новацию *губернизация* ‘1. Территориальное разделение РФ на губернии как ее субъекты, связанное с отказом от национально-территориальных образований; 2. Предполагаемое превращение республики (республик) РФ в область (области)’.

Социальные потрясения, падение общего уровня культуры приводят к *дебилизации* и *баранизации* ‘превращение в тупую, послушную, легко управляемую массу...’ населения, а рост бандитизма приводит в целом к *бандитизации* ‘распространение бандитизма’ и *мафизации*.

Среди новых существительных анализируемой группы есть единицы с эмоционально-экспрессивной или стилистической окраской: так, помета «разговорное» характеризует новообразование *дебилизация* ‘1. Увеличение

рождаемости умственно неполноценных детей ...; 2. Понижение интеллектуального и нравственного уровня нации...’.

При образовании отвлеченных существительных ключевыми можно считать и модели с суффиксом *-щин(а)*: с их помощью сконструированы производные *аморальщина*, *диссидентщина*, *криминальщина*, *образованщина*, *социальщина* и т.д. Подобные новообразования даются в НСЗ-90 с разного рода негативными пометами типа «публицистическое, презрительное» (*диссидентщина*), «разговорное, пренебрежительное» (*латиноамериканщина*), «пренебрежительное» (*социальщина*) и др. Отрицательная оценочность обусловлена, очевидно, спецификой дериватора: авторы РГ-80 отмечают, что для существительных с суффиксом *-щин(а)* обычен оттенок неодобрения [РГ-80: §318; Земская 1995].

Если рассматривать функционально-стилистическую принадлежность подобных новаций, то большинство из них относится авторами НСЗ-90 к публицистическому стилю, и только единичные новообразования – к разговорному (*аморальщина*).

В целом же существование рассмотренных новообразований с суффиксом *-щин(а)* свидетельствует об отрицательной оценке некоторыми группами говорящих общественно-политических течений, идеологических направлений, социальных явлений, называемых как данными новациями, так и их производными [Социокультурные и лингвопрагматические ... 2018: 74].

Е.А. Земская, анализируя речь 90-х годов XX века, отмечала, что для этого периода характерна «высокая активность отвлеченных существительных на *-щина*, дающих резкую отрицательную оценку какому-либо социальному, политическому или экономическому явлению, связанному с поведением или свойствами того лица, которое служит базовой основой» [Земская 1995: 156].

Сочетание суффиксов субъективной оценки *-ишк(о)* и *-чик* с основами *-демократ-*, *-депутат-*, *-банкир-* (новообразования *демократишко*, *депутатишко*, *банкирчик*, сопровождающиеся пометами «пренебрежительное» или «презрительное») отражают негативную оценку определенной частью общества

лиц, номинируемых данными новообразованиями. «Многие субстантивные диминутивы с размерно-оценочными суффиксами не столько указывают на предмет незначительного размера, сколько выражают иронию, пренебрежение, уничижение. <...> Социальной экспрессией обладают и диминутивы — наименования лиц с уничижительными суффиксами» [Радбиль, Рацибурская 2017: 35], а сама «активизация диминутивного словообразования отчасти объясняется усилившейся в последнее время тенденцией <...> к фамильярному умалению и снижению объектов номинации <...> [Рацибурская 2016б: 368]. Неслучайно исследователи рассматривают деминутивы как важную и специфическую составляющую русской языковой картины мира [Скляревская 2016].

Кроме ключевых суффиксальных морфем, используемых в разнообразных словообразовательных моделях, мы можем говорить и о ключевых моделях с префиксальными или префиксоидальными морфемами. К ним, в частности, можно отнести префиксы и синонимичные им префиксоиды со значением неистинности, ложности (*лже-*, *псевдо-*, *квази-*) — производные с данными дериваторами отражают «неприятие ситуации смены ценностных ориентиров в стране» [Рацибурская, Радбиль 2017: 36]; а также префиксы, указывающие на высокую степень проявления признака (*супер-*, *гипер-*, *мега-*), продуктивность которых связывается исследователями с установкой говорящих на преувеличение «общей, моральной или эстетической оценки при номинации лиц, объектов и событий» [Социокультурные и лингвопрагматические ... 2018: 61]; префиксы со значением противоположности (*анти-*, *не-*) и нек.др.

«Культуролог С. Зенкин, отмечая пристрастия современной гуманитарной науки к приставкам пост-, гипер-, супер-, <...> отмечает: «<...> Вкус культуры XX века к самоописанию через префиксы свидетельствует, как кажется, о двух вещах: в моде на префиксы прочитывается воля к схематизации культуры, к ее завершенности и исчислимости (трансформирование старых понятий, выраженных корнями); префиксы — средство культурной рефлексии. Предельный случай составляют многочисленные «нео-» течения: декларируя возврат к чему-то

бывшему прежде, они в то же время самым своим префиксом буквально означают «обновление», т. е. изменение наследуемой традиции, а всякой изменение есть род отрицания»» [Черняк 2004: 319–320].

Весьма показательными для русского языка конца XX века являются и производные с префиксом *де-*, называющие явления, обратные, противоположные тем, которые были названы производящим словом (*деприватизация, дефедерализация* и под.). Продуктивность моделей (префиксальной и префиксально-суффиксальной) с данным формантом также объясняется действием экстралингвистических факторов: «Мы стали свидетелями того, как вместе со стремительным процессом отрицания и разрушения в нашей стране прежних государственных, общественных и идеологических установок начали образовываться в русском языке слова с приставкой *де-*» [Лейчик 1991: 45].

Таким образом, по словам И.А. Нефляшевой, «ключевые модели могут служить основанием для выводов, выходящих за пределы узко лингвистических в силу выражения безусловных предпочтений в категоризации картины мира средствами языка определенного периода» [Нефляшева 2009: 182].

ВЫВОДЫ

Анализ новой производной лексики позволяет не только выявить основные тенденции развития словообразовательной системы русского языка, но и определить, как внеязыковые факторы влияют на выбор конкретного языкового средства, как с помощью словообразовательных потенций русского языка происходит осмысление и оценка актуальных общественных явлений. Потребности языкового коллектива приводят к интенсивному обновлению лексического фонда, в том числе за счет реализации словообразовательного потенциала тех производящих слов (основ), которые называют наиболее важные социокультурные реалии.

Весьма высокой деривационной активностью обладают так называемые ключевые слова текущего момента. В НСЗ-90 фиксируются целые ряды

производных слов, мотивированных наименованиями общественно значимых реалий. В ряде случаев можно говорить о целых словообразовательных гнездах, в которых в качестве вершины выступает ключевое слово (*бизнес, бомж, ваучер, челнок* и др.). Заметное место среди ключевых слов занимают имена собственные – фамилии лидеров государств, крупных политиков, общественных деятелей; названия политических и общественных движений и партий. Разнообразные (в том числе и экспрессивно-оценочные) производные от онимов широко представлены на страницах НСЗ-90: *гайдарономика, ельцинизм, жириновцы, ленинщина-сталинщина, невзоровщина, собчаковцы* и др.

Отражение словообразовательным механизмом социально значимых явлений не ограничивается только реализацией деривационного потенциала некоторых производгипертрофящих слов (основ), а выражается и в деривационной активности отдельных словообразовательных формантов, используемых в различных словообразовательных моделях. В результате проведенного исследования установлена связь между наиболее востребованными на данном этапе развития языка формантами (префиксами, суффиксами, аффиксоидами) и внеязыковой действительностью: так, в частности, неологизмы с суффиксом *-(из)аци(я)* нередко называют общественно важные события, в том числе и оцениваемые обществом негативно (*бандитизация, баранизация, кокаколизация, манкуртизация, мафизация*); негативная оценка присуща и производным с суффиксом *-щин(а)* (*коммунальщина, криминальщина*); продуктивные размерно-оценочные префиксы *гипер-, супер-*отражают свойственную русской ментальности гипертрофию в оценке явлений, событий, лиц (*гипераншлаг, супермини-юбка, супермонстр, супертриллер*); напрямую связана с внеязыковой действительностью (широко распространившиеся в 90-е годы случаи обмана, мошенничества, подделок) продуктивность формантов с общей семантикой „неистинности, ложности“ *квази-, лже-, псевдо-* (*квазиблаготворительность, лжепродукция, лжеспиртное, псевдорынок*). Наглядно демонстрируют глубокий социальный кризис, имевший место в 90-е годы XX века, многочисленные производные с префиксоидами *нарко-, порно-*.

Таким образом, можно говорить, что словообразовательные неологизмы, описанные в словаре НСЗ-90, адекватно и объективно отражают не только внутриязыковые тенденции в работе словообразовательного механизма, но и картину общественной жизни России конца XX века.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования было дано структурно-семантическое и функционально прагматическое описание словообразовательных неологизмов – имен существительных 90-х годов XX века, зафиксированных в словаре «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века». Было выявлено влияние на словообразовательный механизм русского языка новейшего периода внутрilingвистических факторов, в частности закона языковой экономии, и внелингвистических факторов – глобализации, либерализации общественно-политической жизни, экономических, идеологических, социальных, культурных изменений.

В исследовании рассмотрена проблема лексикографического описания новой лексики, связанная, с одной стороны, с необходимостью мобильного отражения лексических новаций, а с другой – с проблемой их отбора, кодификации, описания; дифференцированы такие смежные лингвистические понятия, как «неологизм», «окказионализм», «новация»; а также «словообразовательный неологизм», «семантический неологизм», «неологизм-заимствование». Материалы исследования показывают, что далеко не всегда возможно однозначное разграничение языковых явлений, называемых этими понятиями: так, в ряде случаев (*бизнес-семинар*, *наноустройство* и под.) иноязычное происхождение неологизма, внешне похожего на словообразовательный, может быть установлено только в ходе специального этимологического анализа, результаты которого представлены авторами НСЗ-90 в словообразовательно-этимологических справках. При этом подобные неологизмы-заимствования, по-видимому, влияют и на словообразовательный механизм русского языка – например, приводят к активизации образования сложных слов по модели «первая несклоняемая атрибутивная часть + существительное».

Лексикографическая фиксация неологизмов открывает огромные возможности для исследователей области дериватологии, т.к., по замечанию Е.А. Земской, в неографических справочниках дается «общая картина словопроизводства нашего

времени» [Земская 2009а: 15]. Большой объем источников, который возможен благодаря работе целого коллектива, сложившиеся традиции выборки новообразований и опора на теорию неогграфии позволяют рассматривать словари новых слов как максимально возможно объективные издания. Исследование словообразовательных неологизмов по данным НСЗ-90 выявляет не только наиболее продуктивные словообразовательные модели, наиболее активные словообразовательные средства и наиболее востребованные производящие основы, но и показывает их соотношение в результате применения количественных методов исследования.

Как показывает проведенный анализ, наиболее продуктивными являются способы сложения (в том числе аффиксоидации) и суффиксации. Кроме того, возрастает продуктивность префиксации как способа субстантивного словообразования. Эти данные коррелируют с данными ученых, описывающих словообразовательные процессы в русском языке XXI века. Высокая активность словосложения объясняется, по мнению исследователей, тем, что композиты предоставляют говорящим возможность дать экономную и информационно ёмкую номинацию.

Исследование позволило выявить связь между продуктивностью единиц словообразовательного механизма русского языка и отражением в языке актуальных общественно-значимых реалий. Так, как правило, ключевые слова эпохи (*демократия, перестройка, приватизация, суверенитет*, а также высокочастотные онимы) обладают мощным деривационным потенциалом, становятся производящими, как напрямую, так и опосредованно, для целого ряда словообразовательных неологизмов. Кроме того, анализ продуктивных словообразовательных моделей позволяет говорить о существовании на конкретном этапе языкового развития ключевых моделей (например, «основа существительного» + *-(из)аци(я)*; «основа существительного» + *-щин(а)*) и ключевых формантов (например, *-(из)аци(я)*, *-щин(а)*, *супер-* и др.).

Как показывают данные проведенного исследования, в русском языке конца XX века прослеживаются два вектора языкового развития. Во-первых, очевидна тенденция к интернационализации и «америкоголобализации» (Е.И.Коряковцева). Это отражается в большом числе производных-композигов с первой несклоняемой атрибутивной частью (*рок-музей, рэп-тусовка, тату-салон*); продуктивности иноязычных (интернациональных) аффиксов и аффиксоидов (*анти-, супер-, медиа-, мини-, -(из)аци(я), -изм*); появлении новых заимствованных аффиксов (*мега-, -гейт*). В частности, рост именной префиксации в русском языке рубежа XX–XXI вв. осуществляется, в первую очередь, за счет заимствованных морфем – например, в синонимичной паре *супер-* – *сверх-* заметно более продуктивным является иноязычный префикс. Кроме того, обращает на себя внимание стремительная словообразовательная адаптация заимствованных неологизмов. Нередко даже новое заимствование оказывает вершиной целого словообразовательного гнезда: *Интернет* – *интернетизация, интернетчик, интернетомания* и целый ряд композигов, как заимствованных, так и созданных на русской почве. В некоторых случаях словообразовательная адаптация опережает графическую: новое заимствование *вэлфер / велфэр / вэлфэр* уже выступает в качестве производящего для слова *вэлферицик / велфэрицик / вэлфэрицик*.

Исследователи, описывающие словообразовательные процессы в русском языке нашего времени, часто отмечают такую тенденцию, как рост агглютинативных черт, проявляющийся как в структурном, так и в семантическом отношении. Материалы нашего исследования согласуются с данными выводами.

Во-вторых, сохраняют высокую продуктивность и в некоторых случаях расширяют синтагматические возможности исконно русские морфемы – суффиксы – (*ов*)*ец* с семантикой лица, *-к(а)* с предметной семантикой, *-ость* и *-щин(а)* с отвлеченной семантикой, *-ш(а)* с семантикой женскости и др. В то же время, данные НСЗ-90 показывают избирательность действия словообразовательного механизма:

далеко не все описываемые в РГ-80 продуктивные словообразовательные типы востребованы при создании новаций.

Материалы словаря НСЗ-90 отражают не только продуктивность конкретных словообразовательных типов и формантов, но и существующую между ними конкуренцию. Среди новообразований, зафиксированных в НСЗ-90, немало синонимичных, в том числе дублетных (*боксерка* – *боксерша*, *депрессняк* – *депрессуха*, *ельцинисты* – *ельцинцы* – *ельциноиды*, *налик* – *нал* и мн.др.). При этом новые синонимы могут быть образованы как с помощью синонимичных словообразовательных аффиксов (*контактерка* – *контактерша*; *деприватизация* – *расприватизация*), так и иными путями: с помощью суффиксации или сложения (*бизнесмениша* – *женщина-предприниматель*), суффиксации или аффиксоидации (*достоевист* – *достоевед*). Обращение к данным НКРЯ показывает, что в ряде случаев один из неологизмов-дублетов вытесняет другой (например, образование *ельцинист* более частотно, чем *ельцинец*).

Обращает на себя внимание и характер производящих основ, и лексические значения новых существительных. Так, в качестве производящих для слов анализируемой группы в первую очередь выступают слова, называющие актуальные, общественно важные реалии, характеризующие новые общественные отношения.

Кроме исследования словообразовательной структуры новаций в работе анализируется система помет, среди которых преобладают пометы, указывающие на сниженную, негативную оценку называемых неологизмами явлений, а также на разговорную, разговорно-сниженную, жаргонную, профессиональную или публицистическую функциональные сферы. Пометы «высокое», «книжное» обнаруживаются у единичных новообразований, что, на наш взгляд, свидетельствует о духовном кризисе, переживаемом российским социумом в 90-е годы XX века.

Материалы словаря свидетельствуют о том, что «в семантике и структуре лексических инноваций в определённой степени проявляется своеобразие

национальной культуры народа» [Плотникова 2017: 323]. Словообразовательные неологизмы помогают выявить аксиологическую составляющую национальной специфики на конкретном этапе развития общества: так, среди обнаруженных в НСЗ-90 новаций выделяются производные с разговорно-сниженными или жаргонными формантами *-ак / -як, -ух(а),* и др. (*крайняк, следак, трупак, развлекалово, отходняк* и др.). Появление и необходимость лексикографической фиксации таких производных связано с переоценкой существующих в обществе ценностей, с широко пропагандируемой ориентацией на «низовую культуру».

Лексический материал, зафиксированный в НСЗ-90, неоднороден с точки зрения его дальнейшего функционирования в речи, узуализации. Отдельные инновации 90-х годов XX века в настоящее время (второе десятилетие XXI века) уже не воспринимаются как новшества, их можно считать освоенными, утратившими (или утрачивающими) «эффект новизны»: *госэкономика; госязык; замгубернатора* и др. В то же время новообразования типа *катастройка, господарищи* или *этастранцы*, близкие к окказионализмам, вероятно, останутся словами – маркерами эпохи. Ограниченность в функционировании подобных новообразований поддерживается и их структурными особенностями: новации этого типа нередко создаются по неузуальным словообразовательным моделям. Исследование особенностей функционирования неологизмов 90-х годов в русском языке и речи начала XXI века можно рассматривать в качестве одной из перспектив дальнейшего исследования. Еще одним из перспективных направлений исследования представляется сопоставительный анализ данных, полученных по материалам НСЗ-90, и данных, полученных в результате исследования языка новейшего периода (нулевые – десятые годы XXI века).

Материалы исследования, выявленные новые тенденции в русском словообразовании убедительно демонстрируют гибкость словообразовательной системы русского языка, способность к обновлению и адекватному обслуживанию коммуникативных потребностей общества.

Высокий научный уровень подготовки изданий словарей новых слов, массив накопленного материала, позволяющий проводить адекватные сопоставления, тщательный отбор лексических единиц, наличие иллюстраций и словообразовательно-этимологических справок – все это дает основания ссылаться на словари новых слов как на авторитетнейшие источники, фиксирующие изменения в языке и, как следствие, культуре народа, дающие весьма богатый лексический материал для осмысления социально значимых процессов и явлений.

В языке 90-х годов XX века отразились не только конкретные факты, но и общественная оценка происходивших событий. В свою очередь, в неографическом издании «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века» язык эпохи был как бы «сфотографирован» и задокументирован. Мы не можем предвидеть, как изменится с течением лет государственное устройство, идеология, однако данные, зафиксированные в словарях новой лексики, останутся ценным и объективным свидетельством истории развития российского общества.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

1. НСЗ-90 – Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: В 3 т. / Отв. ред. Т.Н. Буцева. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2009–2014.
2. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>
3. <https://yandex.ru/>

Словари

4. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1971. – 600 с.
5. БАС-2 – Словарь современного русского литературного языка : В 20 т. / АН СССР. Ин-т рус.яз.; Гл.ред. К.С. Горбачевич. – М.: Русский язык, 1991 – 1994 (т. I – VI)
6. БАС-3 – Большой академический словарь русского языка / Гл.ред. К.С. Горбачевич, А.С. Герд. – М.-СПб.: Наука, 2004 – продолжающееся издание
7. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. – М.: Русский словар, 2003. – 800 с.
8. Козулина Н.А., Левашов Е.А., Шагалова Е.Н. Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника / Отв.ред. Е.А. Левашов. – СПб., 2009. –288 с.
9. Лопатин В.В., Улукханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. – М.: Азбуковник, 2016. – 812 с.
10. Максимов В.И. Словарь Перестройки. - СПб.: Златоуст, 1992. – 256 с.
11. МАС – Словарь русского языка : В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус.яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981 – 1984.

12. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / под ред. Н.З. Котеловой и Ю.С. Сорокина. – М.: Советская энциклопедия, 1971. – 543 с.
13. НСЗ-70 – Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / под ред. Н.З. Котеловой. – М.: Русский язык, 1984. – 805 с.
14. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов / под ред. Е.А. Левашова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1997.
15. Русский язык. Энциклопедия / Гл.ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Большая российская энциклопедия; Дрофа, 2007. – 703 с.
16. СОШ – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
17. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2 т. – М.: АСТ: Астрель, 2008.
18. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складервской. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 700 с.
19. ТСРЯЛ – Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складервской. – М.: Эксмо, 2008. – 1136 с.

Научная и научно-методическая литература

20. Абдулганеева И.И. Когнитивное словообразование как один из сегментов репрезентации языковой картины мира // Перевод и сопоставительная лингвистика. – Вып. 12. – С. 114–116
21. Абросимова Л.С. Неологизмы как фактор изменения языковой картины мира // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – №1(026). – С. 106–110.
22. Алаторцева С.И. Проблемы неологии и русская неография: Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1998.

23. Алиева Г.Н. Аббревиатурные неологизмы современного русского языка конца 90-х годов XX – начала XXI века: семантико-derivационный аспект: Дис. ... д-ра филол.наук. СПб., 2003.
24. Арутюнова Н.Д. О понятии системы словообразования (на материале испанского языка) // НДВШ Филологические науки. – 1960. – №2. – С. 24 – 32.
25. Балалыкина Э.А., Николаев Г.А. Русское словообразование. Учебное пособие. – Казань: Издательство Казанского университета. – 1985. – 184 с.
26. Безрукова А.А. Новые тенденции в функционировании заимствованных аналитических прилагательных в русском языке рубежа XX–XXI вв. (на материале употребления элемента медиа-) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2016. – №3-2. – С. 180–184
27. Бельчиков Ю.А. О стабилизационных процессах в русском литературном языке 90-х годов XX века // Семиотика, лингвистика, поэтика: К столетию со дня рождения А.А. Реформатского. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 768 с. – С. 27 – 35
28. Бельчиков Ю.А. «Что было выражено словом, то было и в жизни ...» // Русская речь. – 1993. – №3. – С. 30–35
29. Бенины В. Продуктивные модели в развитии класса аналитических прилагательных // Русский язык сегодня. Вып. 2. Сб. статей. / РАН. Ин-т рус.яз. им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Л.П. Крысин. – М.: «Азбуковник», 2003. – С. 339 - 342
30. Берков В.П., Павлов В.М. Новые слова? // Новые слова и словари новых слов. Л.: Наука, 1983. – С. 58–70
31. Брагина А.А. Неологизмы в русском языке. – М.: Просвещение, 1973. – 224 с.
32. Брызгунова Е.А. Русская речь начала девяностых годов XX века // Русская словесность. – 1994. – №3. – С. 88-94
33. Будагов Р.А. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов. Под ред. Н.З. Котеловой и Ю.С. Сорокина.

- «Советская энциклопедия», М., 1971, 543 с.тр. [Рецензия] // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1971. – Том XXX. – Вып. 4. – С. 359–363.
- 34.Буцева Т.Н. «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века». Тома 2, 3 (к выходу из печати) // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium. Вып. 14 / О.Н. Крылова, С.А. Мызников; Ин-т лингв.исслед. РАН. – Спб.: Нестор-История, 2016. – С. 111–128.
- 35.Буцева Т.Н. Итоги развития и современное состояние неологического направления русской академической лексикографии // Русская академическая неогграфия (к 40-летию научного направления): Материалы Международной конференции. – СПб.: Изд-во «Лема», 2006. – С. 7-14
- 36.Буцева Т.Н. Моделирование в лексикологии и неогграфии (опыт работы с «Интегрумом») // Активные процессы в современном русском языке: Сборник научных трудов, посвященный 80-летию со дня рождения профессора В.Н. Немченко. – Нижний Новгород: Издатель Ю.А. Николаев, 2008. – 268 с. – С. 31 – 39
- 37.Буцева Т.Н. О названии словарей новых слов русского языка в аспекте эволюции их содержания // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – №6 (2). – С. 85–89
- 38.Буцева Т.Н. «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века»: из опыта составления и редактирования // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. – СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2012. – т.8, №3. – С. 242–262.
- 39.Буцева Т.Н., Ридецкая Ю.С. Неогграфия и слово года // Русский язык в школе. – 2018. – №8. – С. 66–71.
- 40.Ваганова Н.В. Современные заимствования из английского языка: семантико-словообразовательный аспект (на материале англицизмов конца XX — начала

- XXI в. в современном русском языке): автореф. дис. ... канд.филол.наук: 10.02.01. - Нижний Новгород, 2005. – 23 с.
- 41.Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. – М.: Логос, 2003. – 304 с.
- 42.Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления. – М.: Флинта : Наука, 2003. – 223 с.
- 43.Вендина Т.И. Словообразование как источник реконструкции языкового сознания // Вопросы языкознания. – 2002. – №4. – С. 42–72
- 44.Вепрева И.Т. О феномене моды в языке // Русский язык: исторические судьбы и современность. – 2001. [Электронный ресурс, режим доступа <https://www.philol.msu.ru/~rlc2001/abstract/abst.htm>]. Дата обращения 18.04.2019.
- 45.Вепрева И.Т. Новообразования в политической сфере как способ социальной оценки понятия // Вторые Григорьевские чтения. Неология как проблема лингвистической поэтики: Тезисы докладов международной научной конференции (14–16 марта 2018 г.). – М.: Азбуковник, 2018. – С. 16–19.
- 46.Верещагина В.С. О некоторых особенностях образования имен существительных в русской разговорной речи // Актуальные проблемы русского словообразования. Материалы III Республиканской научной конференции. Часть II. Ташкент – «Укитувчи», 1980. – С. 105 — 107
- 47.Виданов Е.Ю. Аналитизм в именном словообразовании современного русского языка : автореф.дис. ... кандидата филол.наук. 10.02.01. – Омск, 2011. –22 с.
- 48.Виноградов В.В. Вопросы современного русского словообразования в свете трудов И.В. Сталина по языкознанию // Русский язык в школе. 1951 №2 (март – апрель). – С. 1 – 10
- 49.Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М.: Высшая школа, 1972. – 613 с.
- 50.Винокур Г.О. Культура языка. – М.: Лабиринт, 2006. – 256 с.

51. Возбранная Т.В. К вопросу о современных тенденциях в области словообразования // *Lingua mobilis*. – 2013. – №3(42). – С. 28–32
52. Волков С.С., Сенько Е.В. Неологизмы и внутренние стимулы языкового развития // *Новые слова и словари новых слов* / отв.ред. Н.З. Котелова. – Л.: Наука, 1983. – С. 43–57.
53. Габинская О.А. Типология причин словотворчества. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1981. – 153 с.
54. Гак В.Г. Новые слова и новые словари // *Новые слова и словари новых слов*. Л.: Наука, 1983. – С. 15–29
55. Газда Й. Лексика современной русской публицистики и общие тенденции развития языка // *Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity*. – 1997. – С. 157–164.
56. Гацалова Л.Б. Принципы лексикографической репрезентации и языковой адаптации неологизмов. – Владикавказ: Изд-во СОГПИ, 2005. – 80 с.
57. Гацалова Л.Б., Парсиева Л.К. Возможности терминологической интерпретации и лексикографическое отражение потенциальных слов // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. – 2015. – №4(28). – С. 138–143.
58. Гвоздарёв Ю.А. Современный русский язык. Лексикология и фразеология: Учебное пособие. – Ростов н/Д.: издательский центр «МарТ», 2008. – 352 с.
59. Горбов А.А. Топ-метод экспресс-номинации эконо-класса: о русских именных композитах с атрибутивным элементом в препозиции к вершине // *Вопросы языкознания*. – 2010. – №6. – С. 26–36
60. Горнфельд А.Г. Новые словечки и старые слова. Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 64 с.
61. Григоренко О.В. Неономинии лиц в аспекте современной лексикографии и неографии // *Гуманитарный вектор*. – 2010. – №2(22). – С. 99–107.

62. Григоренко О.В. Новые аффиксоиды в словообразовательной системе русского языка на рубеже XX — XXI веков // Русский язык в школе. – 2019. – №3. – С. 69–75. DOI: 10.30515 / 0131-6141-2019-80-3-69-75
63. Григоренко О.В. Современное состояние и тенденции лексикографической репрезентации неологизмов // Современное русское языкознание и лингводидактика : сборник научных трудов, посвящённый 95-летию со дня рождения академика РАО Н.М. Шанского / научный редактор В.В. Никульцева. – М.: МФЮА, 2018. – С. 395–401.
64. Даниленко В.П. Русская терминология. – М.: Наука, 1977
65. Данн Дж.А. Трансформация русского языка из языка советского типа в язык западного образца / пер. Е.В. Шустовой // Политическая лингвистика. — 2008. — №3(26). — С. 49—57.
66. Денисенко Ю.Ф. Типы неологических словарей ИЛИ РАН и формирование их системности // Русская академическая неография (к 40-летию научного направления): Материалы Международной конференции. – СПб.: Изд-во «Лема», 2006. – С. 39-46
67. Дозорова Д.В. Словообразовательные модели универбатов в современном русском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – №2(2). –С. 392–396
68. Дубичинский В.В. Основания неографии // Неология и неография: современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления): Сборник научных статей / Отв.ред. Т.Н. Буцева. – СПб.: Нестор-История, 2016. – С. 41–47.
69. Дуличенко А.Д. Русский язык конца XX столетия. – Munchen, 1994
70. Дуличенко А.Д. Русский язык «после Союза»: взгляд издалека // Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс. Москва, МГУ, 2001. [Электронный ресурс: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2001/abstract/abst.htm>]. Дата вхождения: 20.12.2010

71. Дуличенко А.Д. Русский язык: от века XX к веку XXI ... // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2013. – №1. – С. 3–11
72. Е Линь. Ментальность и неологическая картина мира (на материале тамбовских СМИ) // Неофилология. – 2018. – Т.4. – №15. – С. 33–38.
73. Ерофеева И.В. Семантические преобразования в сфере политической лексики как проявление языковых инноваций в современном русском языке // Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс. Москва, МГУ, 2001. [Электронный ресурс: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2001/abstract/abst.htm>]. Дата вхождения: 20.12.2010
74. Ефремов В.А. Современная академическая неография: проблемы и перспективы // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2014. – №3(19). – С. 14–21.
75. Заварзина Г.А. Неологизмы в политической сфере // Русская речь. – 2004. – №6. – С. 65–67.
76. Замальдинов В.Е. Интернациональные словообразовательные морфемы как отражение социокультурных реалий // Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (100-летию со дня рождения Б.Н. Головина): Сборник статей по материалам Международной научной конференции. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2016. – С. 292–296.
77. Захаров В.П. Словообразовательные неологизмы в русском языке (корпусное исследование) // Неология и неография: современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления): Сборник научных статей / Отв.ред. Т.Н. Буцева. – СПб.: Нестор-История, 2016. – С. 57–63.
78. Зеленин А.В. Аффиксоиды и проблема их лексикография // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. – СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2012. – т.8, №3. – С. 273–284

79. Земская Е.А. Язык как зеркало современности (словообразовательные заметки) // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова). – М.: 1995. – С. 154 — 163
80. Земская Е.А. 2009а Словообразование как деятельность. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 224 с.
81. Земская Е.А. 2009б Современный русский язык. Словообразование : учеб. пособие. – М.: Флинта : Наука, 2009. – 328 с.
82. Земская Е.А., Рудник-Карватова З. Новые явления в словообразовании русского и польского языков на рубеже XX–XXI веков // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование: Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов. Москва: Макс Пресс, 2010. – С. 212–219.
83. Земская Е.А., Ермакова О.П., Rudnik-Karwat Z. Особенности русского и польского языков на рубеже XX–XXI вв. // Славянское языкознание / XIV Международный съезд славистов (Охрид, 10–16 сентября 2008 г.). Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2008. С. 225–248.
84. Ильясова С.В. Языковая игра с иноязычностью в языке современных российских СМИ // // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований: коллективная монография / Науч.ред. В.И. Супрун, С.В. Ильясова. – Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2017. – С. 423–439.
85. Ильясова С.В. Ключевые слова и ключевые аффиксы в деривационных процессах современности (на материале языка российских СМИ) // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Вып. 6. Материалы VI Конгресса РОПРЯЛ (г. Уфа, 11-14 октября 2018 г.). – СПб. – 2018. – С. 254–258.
86. Карева О.М. Существительные-феминативы в «NEOLEX» - электронной базе лексических инноваций русского языка // Активные процессы в современном русском языке: Сборник научных трудов, посвященный 80-летию со дня

- рождения профессора В.Н. Немченко. – Нижний Новгород: Издатель Ю.А. Николаев, 2008. – 268 с. – С. 102 – 107
- 87.Карева О.М. [рецензия] Григоренко О.В. Новые наименования лиц в современном русском языке. Словарные материалы. - Воронеж: Научная книга, 2009. // Мир русского слова. – 2012. – №1. – С. 92–94
- 88.Карева О.М. О некоторых особенностях неологизации русского языка на современном этапе развития // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2016. – №3-2. – С. 39–43.
- 89.Касьянова Л.Ю. Векторы неологизации в современном русском языке. – Астрахань, 2006. - 149 с.
- 90.Касьянова Л.Ю. Современное состояние и перспективы развития неологии // Гуманитарные исследования – 2008. – №4(28). – С. 51–61.
- 91.Касьянова Л.Ю. Сложение как продуктивное средство неологизации в русском языке конца XX — начала XXI в. // Гуманитарные исследования. – 2012. – №2(42). – С. 87–92.
- 92.Катлинская Л.П. Проблема слова и словообразование // Филологические науки. – 2003. – №3. – С. 102—110.
- 93.Катлинская Л.П. Активные процессы словопроизводства в современном русском языке. – М.: Высшая школа, 2009. – 174 с.
- 94.Краткая русская грамматика. - М., 2002
- 95.Кожина М.Н. Стилистика русского языка : учебник / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. М.: Флинта : Наука, 2008 – 464 с.
- 96.Козырев В.А., Черняк В.Д. Русская лексикография. – М.: Дрофа, 2004. – 288 с.
- 97.Козырев В.А., Черняк В.Д. Фактор новизны как стимул развития лексикографии // Неология и неография: современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления): Сборник научных статей / Отв.ред. Т.Н. Буцева. Ин-т лингв.исслед.РАН. – СПб.: Нестор-История, 2016. – С. 86–91.

98. Копелиович А.Б. Аффиксоиды и аффиксоидность // Активные процессы в современном русском языке: Сборник научных трудов, посвященный 80-летию со дня рождения профессора В.Н. Немченко. – Нижний Новгород: Издатель Ю.А. Николаев, 2008. – 268 с. – С. 115 — 119
99. Коряковцева Е.И. Nomina abstracta в современном русском языке: социокультурные факторы роста продуктивности словообразовательных моделей // Активные процессы в современном русском языке: Сборник научных трудов, посвященный 80-летию со дня рождения профессора В.Н. Немченко. – Нижний Новгород: Издатель Ю.А. Николаев, 2008. – С. 119–126.
100. Коряковцева Е.И. Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательных и лингвокультурологических аспекты). – Siedlce, 2016. – 152 s.
101. Коряковцева Е.И. 2018a Интернационализация, демократизация и «медиатизация» славянских языков в условиях глобализации (словообразовательный аспект) // Globalizacja a języki słowiańskie. Globalization and Slavic languages / Papers dedicated to the XVI International Congress of Slavists (Serbia, Belgrade, 20-27.08.2018) / redakcja naukowa Elena Koriakowcewa. – Siedlce, 2018. – S. 13–32
102. Коряковцева 2018b «Глобанглизация» и словообразовательные неологизмы — русские, польские и чешские субстантивы-экспрессивизмы // Globalizacja a języki słowiańskie. Globalization and Slavic languages / Papers dedicated to the XVI International Congress of Slavists (Serbia, Belgrade, 20-27.08.2018) / redakcja naukowa Elena Koriakowcewa. – Siedlce, 2018. – S. 33–45
103. Косова В.А. Словообразовательная категория как макроединица деривационной системы: план выражения // Фундаментальные исследования. Филологические науки. – 2013. – №10. – С. 909–913.
104. Косович О.В. Неологизм vs неоним. Терминологический инструментарий неологии // Вестник Брянского государственного университета. – 2015. – №1. – С. 255–258.

105. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 248 с.
106. Костомаров В.Г. Язык текущего момента: понятие правильности. – СПб.: Златоуст, 2014. – 220 с.
107. Котелова Н.З. Избранные работы. – СПб.: Нестор-История, 2015. – 276 с.
108. Котелова Н.З. Словообразование без образования слов? // Новые слова и словари новых слов. Л.: Наука, 1983. – с. 71–81
109. Котелова Н.З. Предисловие // Новое в русской лексике. Словарные материалы-1982 / Н.З. Котелова, М.Н. Судоплатова, Ю.Ф. Денисенко, Т.Н. Поповцева, С.И. Алаторцева, Т.Н. Буцева; Под ред. Н.З. Котеловой. – М.: Русский язык, 1986.
110. Котелова Н.З. Введение // Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов). – СПб., 1995. – С. 4–11
111. Крысин Л.П. Неологизмы-кальки в современном русском языке // Вопросы культуры речи / отв.ред. А.Д.Шмелев ; Ин-т рус.яз.им.В.В. Виноградова РАН. – М.: Наука, 1995. – С. 209– 217.
112. Крысин Л.П. 2002а О лексике русского языка наших дней // Русский язык в школе и дома (приложение к журналу «Русский язык в школе», 2002, №1 (январь – февраль)). – С. 3 – 7
113. Крысин Л.П. 2002б О русском языке наших дней // Изменяющийся языковой мир. – Пермь, 2002 [Электронный ресурс, режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-02.htm>]. Дата обращения: 16.04.2019.
114. Крысин Л.П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография. – М.: Академия, 2007. – 240 с.
115. Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. – М.: Знак, 2008. – 320 с.
116. Крысин Л.П. Словообразовательная активность иноязычного слова: структурный и функциональный аспекты // Современное русское языкознание и лингводидактика : сборник научных трудов, посвящённый 95-летию со дня

- рождения академика РАО Н.М. Шанского / научный редактор В.В. Никульцева. – М.: МФЮА, 2018. – С. 285–289
117. Крючкова О.Ю. Коммуникативная обусловленность словообразовательных процессов // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (филология) – 2006. – №5(56). – С. 17–21.
118. Крючкова О.Ю. Соотношение функциональных и когнитивных типов словообразовательных моделей // Актуальные проблемы современного словообразования / под общ.ред. Л.А. Араевой. – 2009. – С. 220–225
119. Кубрякова Е.С. Роль аналогии в порождении новых производных слов // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование. Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов. – М.: Макс Пресс, 2010. – С. 14–24
120. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. – М.: Высшая школа, 1989
121. Лаврова Н.А. Неологические контаминанты и их словарная репрезентация // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2010. – Т.1. – №1. – С. 129–136.
122. Левашов Е.А. На заре русской неографии // Русская академическая неография (к 40-летию научного направления): Материалы Международной конференции. – СПб.: Изд-во «Лема», 2006. – С. 99–101
123. Левашов Е.А., Буцева Т.Н. Введение // Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: В 3 т. / Отв. ред. Т.Н. Буцева. Ин-т лингвистических исследований РАН. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2009. – Т.1. – с. 3-5
124. Левашов Е.А. О хронологических границах словарей неологизмов // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв.ред. Н.Н. Казанский. СПб.: Изд-во «Наука», 2012. — 309—314

125. Лейчик В.М. Деколонизация, деполитизация... // Русская Речь. – 1991. – № 6. – С. 44–45.
126. Лекант П.А. Русский язык в современной языковой ситуации // Уральский филологический вестник / ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет». – Вып. 2. Екатеринбург, 2012 (Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. Вып. 20»). – С. 6 — 12
127. Лексикография русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / под ред. Д.М. Поцепни. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 672 с.
128. Липатов А.Т. Неология и сленг // Язык в современных общественных структурах (социальные варианты языка – IV): Материалы международной научной конференции 21-22 апреля 2005 года. Нижний Новгород. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2005. – С. 22 – 26
129. Лихачев Д.С. Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре. М.: Российский Фонд Культуры, 2006. – 336 с.
130. Лопатин В.В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. – М.: Наука, 1973. – 152 с.
131. Лыков А.Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). – М.: Высшая школа, 1976. – 120 с.
132. Маринова Е.В. Основные понятия и термины неологии // Языки профессиональной коммуникации. Материалы международной научной конференции. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2003. – С. 243–247.
133. Маринова Е.В. Теоретические основы неологии и их освещение в современной научной литературе // Научное наследие Б.Н. Головина и актуальные проблемы современной лингвистики: Сборник статей по материалам международной научной конференции, посвященной 90-летию

- профессора Б.Н. Головина. – Н.Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2006. – С. 249 – 251
134. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы усвоения и функционирования. – М., 2008
135. Маринова Е.В. Так говорили в 90-е... Размышления над страницами нового словаря // Русская речь. 2011 №5. – С. 118 – 125
136. Маринова Е.В. Гносеологические возможности интернет-поисковых материалов в лингвистических исследованиях // Язык и метод. *Język i metoda*, 2016. – С. 77–83. [Электронный ресурс, режим доступа <http://www.ejournals.eu/Language-and-Method/2016/2016/>]. Дата обращения 18.04.2019.
137. Маркова Е.М. Основные тенденции в лексике современных славянских языков (на материале русского и чешского) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – №6(2). – С. 404–408.
138. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. Перевод с французского Н.Д. Андреева. Под редакцией А.А. Реформатского. Издательство иностранной литературы. М.: 1960. – 435 с.
139. Минеева З.И. Неоагенти́вы, образованные усечением и аббревиацией // Вторые Григорьевские чтения. Неология как проблема лингвистической поэтики: Тезисы докладов международной научной конференции (14–16 марта 2018 г.). – М.: Азбуковник, 2018. – С. 69–71.
140. Михайлов М.А. О множественности словообразовательной структуры // Актуальные проблемы русского словообразования. Материалы III Республиканской научной конференции. Часть II. Ташкент. – «Укитувчи». 1980. 286 с. – С. 91 – 94.
141. Михайлов М.А. Речевая номинация и выделяемость морфем. – Красноярск: Изд-во Краснояр.ун-та, 1989. – 162 с.
142. Мусатов В.Н. Русский язык: морфемика, морфонология, словообразование : учеб.пособие. – М.: Флинта : Наука, 2010. – 360 с.

143. Намитокова Р.Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект. - Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов.ун-та, 1986. – 154 с.
144. Немченко В.Н. Основные понятия лексикологии в терминах. Учебный словарь-справочник. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 1994. – 251 с.
145. Немченко В.Н. Современный русский язык. Морфемика и словообразование. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 1994. – 296 с.
146. Немченко В.Н. Введение в языкознание : учебник для вузов. – М.: Издательство Юрайт, 2013. – 679 с.
147. Несветаило Ю.Н. Трактовка понятий «неологизм» и «окказионализм» в современной научной парадигме // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2008. – №55. – С. 144–148.
148. Нефляшева И.А. Ключевые слова и словообразовательные модели современного дискурса // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2009. – №2. – С. 177–183.
149. Нещименко Г.П. Тенденция языковой экономии как фактор динамики литературной нормы // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование. Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов. – М.: Макс Пресс, 2010. – С. 116–134.
150. Нещименко Г.П. О некоторых проявлениях конвергентности в современном славянском словообразовании // КОНГРЕСС МГУ, 2012. – С. 17–18
151. Николаев Г.А. Активные процессы в русском словообразовании (на рубеже XX—XXI веков) // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование. Доклады XI Международной научной

- конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов. – М.: Макс Пресс, 2010. – С. 220–227
152. Николина Н.А. Словообразование (дериватология) // В кн.: Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц : учебник для студ. высш. учеб. заведений. В 2 ч. Ч. 1. Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Морфемика. Словообразование / [Е.И. Диброва, Л.Л. Касаткин, Н.А. Николина, И.И. Щеболева]; под ред. Е.И. Дибровой. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 480 с. – С. 434 – 474
153. Николина, Н.А. Контаминация как способ компрессивного словообразования // Русский язык в школе. – 2011. - №2. – С. 41 – 45
154. Николина Н.А. Активные процессы в сфере сложения в современном русском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – №6(2). – С. 171–173
155. Николина Н.А. Активные процессы в сфере усечения // Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (100-летию со дня рождения Б.Н. Головина): Сборник статей по материалам Международной научной конференции. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2016. – С. 336–339
156. Николина Н.А., Рацибурская Л.В. Современный русский язык. Морфемика. – М. : ФЛИНТА: Наука, 2013. – 144 с.
157. Новиков В.И. Неология и речевая мода (из опыта работы над «Словарем модных слов») // Вторые Григорьевские чтения. Неология как проблема лингвистической поэтики: Тезисы докладов международной научной конференции (14–16 марта 2018 г.). – М.: Азбуковник, 2018. – С. 80–81.
158. Новикова Н.В. Неологизмы в научной фантастике // Русская речь. – №4 (июль – август) 1986. – С. 66 – 71
159. Новые слова и словари новых слов : сб.статей / Отв.ред. Н.З. Котелова. - Л.: Наука, 1978. – 184 с.

160. Новые слова и словари новых слов : сб.статей / Отв.ред. Н.З. Котелова. - Л.: Наука, 1983. – 223 с.
161. Новые слова и словари новых слов : сб.статей / Отв.ред. Е.А. Левашов. - Л.: Наука, 1990.
162. Новые слова и словари новых слов : сб.статей / Отв.ред. Е.А. Левашов. – СПб.: ИЛИ РАН, 1997
163. Новые тенденции в русском языке начала XXI века / Под ред. Л.В. Рацибурской. – М.: ФЛИНТА, 2016. – 304 с.
164. Осильбекова Д.А. Многократная деривация от одной основы: омонимия или полисемия // Русская словесность в контексте мировой культуры: Материалы Международной научной конференции РОПРЯЛ. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2007. – С. 343–346.
165. Осильбекова Д.А. Полисемия суффиксов в новообразованиях-существительных // Русский язык в школе. – 2012. – №11. – С. 29–32.
166. Осильбекова Д.А. Соотношение значений и функций словообразовательных аффиксов в современном русском языке. – М.: ФЛИНТА, 2017. – 339 с.
167. Осипова Л.И. Суффиксальные универбы с непредметной семантикой в русском языке // НДВШ. Филологические науки. 1991. №5. – С. 61-69
168. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века. М.: Наука, 1964. – 600 с.
169. Панов М.В. Об аналитических прилагательных // М.В. Панов. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. / под ред Е.А. Земской, С.М. Кузьминой. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 568 с. – С. 137 – 150
170. Панов М.В. Языковые антиномии как внутренние стимулы развития языка // М.В. Панов. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2. /

- под ред Е.А. Земской, С.М. Кузьминой. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – 848 с. – С. 17 – 22
171. Первухина И.Ю. Новые дериваты с заимствованными компонентами в региональных СМИ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И Лобачевского. Серия Филология. Выпуск 1 (7). – Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. – С. 149-155
172. Петрухина Е.В. Возможности, функции и конкуренты словопроизводства в современном русском языке // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование. Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов. – М.: Макс Пресс, 2010. – С. 424–443
173. Петрухина Е.В. Дискуссионные вопросы русского словообразования: к 70-летию Е.В. Клобукова // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2017. – №4. – С. 7–24
174. Петрухина Е.В. Ключевые для современной эпохи словообразовательные модели в русском языке // Русский язык в поликультурном мире. Сборник научных статей III Международного симпозиума, т. 1 / Отв.ред. Е.Я. Титаренко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. – 216–223
175. Плотникова Л.И. Активизация компрессивного словообразования в современном русском языке // Новая наука: стратегия и векторы развития. – 2016. – №118-3. – С. 183–186
176. Плотникова Л.И. Лексические новообразования в русском языке: разноаспектный анализ // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований: коллективная монография / Науч.ред. В.И. Супрун, С.В. Ильясова. – Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2017. – С. 304–324
177. Пристайко Т.С. О некоторых терминологических проблемах современной неологии // Вісник Дніпропетровського університету. Серія “Мовознавство”. – 2009. – №11. Вип. 15, т.1. – С. 253–259

[Электронный ресурс: http://www.nbuv.gov.ua/portal/vdpu/Movozn/2009_15/article/38.pdf]. Дата вхождения 20.02.2012

178. Поливанов Е.Д. Избранные работы. М.: Наука, 1968. – 376 с.
179. Попова З.Д., Стернин И.А. Общее языкознание. Учебное пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 408 с.
180. Попова М.А. Факторы и векторы процесса неологизации современного русского языка // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2008. – №2(26). – С. 72–75.
181. Попова Т.В. Новые явления в русском словообразовании конца XX – начала XXI вв. // Филологический класс. – 2004. – №12. – С. 42–47.
182. Попова Т.В. Креолизованные дериваты как элемент русской письменной коммуникации рубежа XX–XXI вв. // Лингвистика креатива-1: коллективная монография / под общ.ред. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал.гос.пед.ун-т», 2013. – С. 147–175.
183. Попова Т.В., Рацибурская Л.В., Гугунава Д.В. Неология и неография современного русского языка. – М.: Флинта. Наука, 2005. – 168 с.
184. Потиха З.А. Современное русское словообразование. – М.: Просвещение, 1970
185. Поцепня Д.М. Изменения в словарном составе языка и новые лексикографические идеи // Современные языковые процессы: Межвуз.сборник / Отв. ред. П.А. Дмитриев, Г.А. Лилич, Д.М. Поцепня. – СПб. – 2003. – С. 76–88
186. Радбиль Т.Б. «Прецедентные имена» как элементы «языка культуры» // Ономастика Поволжья: материалы XV Международной научной конференции. Арзамас- Саров: Интерконтакт, 2016. С. 49—54.
187. Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова. – 2017. – № 2. – С. 33–39.

188. Радченко М.В. Иноязычные элементы в словообразовании современного русского и хорватского языков // *Globalizacja a języki słowiańskie. Globalization and Slavic languages / Papers dedicated to the XVI International Congress of Slavists (Serbia, Belgrade, 20-27.08.2018) / redakcja naukowa Elena Koriakowcewa. – Siedlce, 2018. – S. 57—65*
189. Рацибурская Л.В. Особенности новообразований в современных средствах массовой информации // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Филология. №1, 2003. – С. 111 – 116*
190. Рацибурская Л.В. Специфика языковой игры в современных деривационных процессах // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2005. №1. С. 122–127.*
191. Рацибурская Л.В. Активные процессы в современном словообразовании // *Русская словесность в контексте мировой культуры: Материалы Международной научной конференции РОПРЯЛ. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2007. – С. 374-377*
192. Рацибурская Л.В. Словообразовательные инновации как отражение социальных изменений в современной России // *Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование. Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов. – М.: Макс Пресс, 2010. – С. 287–300.*
193. Рацибурская Л.В. Социокультурные аспекты современных деривационных процессов // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. – СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2012. – т.8, №3. – С. 337–355*
194. Рацибурская Л.В. 2016а Основные направления исследования новообразований в современной российской лингвистике // *Язык и метод. Język i metoda, 2016. – С. 51–58. [Электронный ресурс, режим доступа*

обращения 18.04.2019

195. Рацибурская Л.В. 2016б Активные деривационные процессы в современном русском языке (на материале медийных текстов) // Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (100-летию со дня рождения Б.Н. Головина): Сборник статей по материалам Международной научной конференции. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2016. – С. 365–369.
196. Рацибурская Л.В. 2017а Словообразовательные неологизмы в исследованиях отечественных ученых // Текст. Структура и семантика: доклады Международной научной конференции «Русский язык в исследованиях отечественных ученых: история и современность» (Москва, РосНОУ, 203 декабря 2016 г.): сборник статей / Сост. Н.А. Ковалева. М.: Редакционно-издательский дом РосНОУ, 2017. - С. 96-99.
197. Рацибурская 2017б Экспрессивные способы словообразования в современном медийном словотворчестве // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований: коллективная монография / Науч.ред. В.И. Супрун, С.В. Ильясова. – Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2017. – С. 414–423
198. Рацибурская Л.В. Интернациональные элементы в российском медийном словообразовании в эпоху глобализации // Globalizacja a języki słowiańskie. Globalization and Slavic languages / Papers dedicated to the XVI International Congress of Slavists (Serbia, Belgrade, 20-27.08.2018) / redakcja naukowa Elena Koriakowsewa. – Siedlce, 2018. – S. 67—76
199. Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В. Специфика современного медийного словотворчества. – М.: ФЛИНТА : Наука, 2015. – 136 с.
200. Рацибурская Л.В., Шелов С.Д. [Рецензия] Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века:

- В 2 т. / Сост. Т.Н. Буцева, Е.А. Левашов, Ю.Ф. Денисенко, Н.Г. Стулова, Н.А. Козулина, С.Л. Гонобоблева; Отв.ред. Т.Н. Буцева. Ин-т лингвистических исследований РАН. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2009. Т.1.(А К). – 813 с. // Русский язык в научном освещении. 2011. № 2(22). С. 305–309.
201. Ревзина О.Г. Перестройка русской стилистической системы в ХХІ веке // II Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире». Москва, филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 21–24 марта 2012 г. – С. 249-250 [Электронный ресурс: http://www.philol.msu.ru/~slavmir2012/pdfs/slavmir2012abst_12.pdf]. Дата вхождения 14.05.2013
202. Реформатский А.А. Введение в языкознание. Учебное пособие для педагогических институтов. – М.: Учпедгиз, 1955. – 400 с.
203. Ридецкая Ю.С. О динамике и особенностях развития группы лексики с опорным компонентом ...*мания* // Вторые Григорьевские чтения. Неология как проблема лингвистической поэтики: Тезисы докладов международной научной конференции (14–16 марта 2018 г.). – М.: Азбуковник, 2018. – С. 102–105
204. Руденко О.Ю. Феномен иноязычности в современном русском языке (на материале словарей и языка СМИ). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ростов-на-Дону. 2012. 26 с.
205. Рудинцова Б. Некоторые продуктивные типы сложных имен существительных в современном русском языке // Русская словесность в контексте мировой культуры: Материалы Международной научной конференции РОПРЯЛ. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2007. – С. 377–380.
206. Русакова О.В. Аффиксоиды в деривационной системе русского языка : автореф.дис. ... кандидата филол.наук. 10.02.01. – Орел, 2013. – 24 с.
207. Русская грамматика. – М.: Наука, 1980. – Т.1. – 788 с.

208. Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М.: Языки русской культуры, 1-е изд. – 1996; 2-е изд. – 2000. – 480 с.
209. Самыличева Н.А. Оказиональное слово как средство экспрессивизации газетного текста (на материале нижегородских СМИ) : автореф.дис. ... кандидата филол.наук 10.02.01 – Нижний Новгород, 2011. – 22 с.
210. Самыличева Н.А. Словообразовательные неологизмы как отражение языковой личности в текстах СМИ // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Филология и искусствоведение. – 2012. – выпуск 12(116). – С. 296–299.
211. Селищев А.М. Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917 – 1926) // В кн.: Селищев А.М. Труды по русскому языку. Т.1. Язык и общество. М.: Языки славянской культуры, 2003. – 632 с. – С. 47 — 280
212. Сенько Е.В. Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект. – СПб.: Наука, 2007. – 355 с.
213. Сенько Е.В. Новые тенденции в образовании аббревиатур // Русская словесность в контексте мировой культуры: Материалы Международной научной конференции РОПРЯЛ. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2007. – С.411–415.
214. Сиротинина О.Б. Хорошая речь: сдвиги в представлении об ее эталоне // Русский язык сегодня. Вып. 2. Сб. статей. / РАН. Ин-т рус.яз. им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Л.П. Крысин. – М.: «Азбуковник», 2003. – С. 548 – 555
215. Сиротинина О.Б. Современное состояние русской речи и его соотношение с нормами и системой языка // Вопросы культуры речи / Отв. ред. А.Д. Шмелев. – АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2011. - С. 54 – 58
216. Складаревская Г.Н. Введение // Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. С. 7–32

217. Складьяревская Г.Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам. №6. Сеул, 2001. – С. 177–202 [Электронный ресурс: www.philology.ru]. Дата вхождения: 20.02.2012
218. Складьяревская Г.Н. Русские деминутивы как языковой и культурный феномен (имена существительные нарицательные) // Язык, сознание, коммуникация. – М.: МАКС Пресс, 2016. – С. 323–336
219. Славянская лексикография. Международная коллективная монография / отв.ред. М.И. Чернышева. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2013. – 886 с.
220. Смирнова Л.Г. Словообразовательная парадигма оценочной лексики в русском языке // Лексикология. Лексикография: (Русско-славянский цикл): Материалы секции XXXVII Международной филологической конференции, 11-15 марта 2008 г., Санкт-Петербург / Отв. ред. Л.А. Ивашко, И.С. Лутовинова. – СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2008. – С. 76–85.
221. Снегова Е.П. О лексикографическом представлении сложносоставных слов с иноязычным компонентом // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – №6(2). – С. 643–646
222. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX—XXI веков / Ин-т рус.яз. им. В.В. Виноградова РАН. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 712 с.
223. Солганик Г.Я. Современная языковая ситуация и тенденции развития русского литературного языка // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2010. – №5. – С. 122–134.
224. Социокультурные и лингвопрагматические аспекты современных словообразовательных процессов : коллективная монография/ Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская, Е.В. Щеникова, Н.А. Бакич, В.А. Торопкина, Е.А. Жданова; под ред. Л.В. Рацибурской. – М.: ФЛИНТА, 2018. – 232 с.

225. Сулименко Н.Е. Современный русский язык. Слово в курсе лексикологии: учеб. пособие. – М.: Наука : Флинта, 2008. – 352 с.
226. Тихонов А.Н. Основные понятия русского словообразования // Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. 1. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 860 с.
227. Тихонова Е.Н. Актуальные тенденции современного словообразования (на материале российских СМИ) // Вестник МГУП имени Ивана Федорова. – 2015. – №4. – С. 112–114
228. Тогоева С.И. Психолингвистические проблемы неологии. – Тверь: Твер.гос.ун-т, 2000. – 155 с.
229. Токтонов А.Г. Новая лексика в русских газетах 1990-х годов: системно-словообразовательный анализ : На материале «Компьютерного корпуса текстов русских газет конца XX века» : автореф.дис. ... кандидата филол.наук : 10.02.01 – Москва, 2006. – 20 с.
230. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. – М., 1996. – 224 с.
231. Хабибуллина Е.В. Суффиксальное субстантивное словообразование в современном русском языке (на материале словарей новых слов) : автореф.дис. ... кандидата филол.наук : 10.02.01 –Казань, 2001. – 20 с.
232. Химик В.В. Субъективно-оценочный потенциал русского словообразования // Русская словесность в контексте мировой культуры: Материалы Международной научной конференции РОПРЯЛ. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2007. – С. 445–449.
233. Фомина М.И. Современный русский язык : Лексикология. – М.: Высшая школа, 1983
234. Шалина Л.В. К вопросу о сущности неологизма в современной лингвистике // Известия Пензенского государственного университета им. В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. – 2007. – №4(8). – С. 73–77.

235. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1959. – 245 с.
236. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. – М.: Издательство Московского университета, 1968. – 310 с.
237. Шапошников В.Н. Русская речь 1990-х: Современная Россия в языковом отображении. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010. – 280 с.
238. Шемяковская Л.А., Эглит Л.В. Неологизмы в структуре словообразовательных гнезд с исходным именем собственным (на материале словарей-справочников по русской неологии) // Новые слова и словари новых слов / под ред. Е.А. Левашова. – СПб., 1997. – С. 61–66
239. Ширшов И.А. Типы словообразовательной мотивированности // НДВШ. Филологические науки. 1995. №1. – С. 41 – 54.
240. Ширшов И.А. Мотивированность и производность в словообразовательной теории // Русская словесность в контексте мировой культуры: Материалы Международной научной конференции РОПРЯЛ. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2007. – С. 487–491.
241. Шишкина А.А. Особенности функционирования новообразований с именной префиксацией в языке современных российских СМИ // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка: Материалы III Республиканского научного семинара (18-21 ноября, г. Саратов). – Саратов: Издательский центр «Наука», 2009. – С. 207–217.
242. Шишкина А.А. Именная префиксация в современных деривационных процессах: структурно-семантический аспект анализа (на материале новообразований российской прессы начала XXI века) : автореф.дис. ... кандидата филол.наук. 10.02.01. – Нижний Новгород, 2010. – 23 с.
243. Шмелев А.Д. Ложная тревога и подлинная беда // Отечественные записки. – 2005. – №2(23) [Электронный ресурс, режим доступа

<http://www.philology.ru/linguistics2/shmelyov-05.htm>]. Дата обращения:

16.04.2019

244. Шмелев А.Д. Новое в русской лексике: проблемы кодификации // Неология и неография: современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления): Сборник научных статей / Отв.ред. Т.Н. Буцева. – СПб.: Нестор-История, 2016. – С. 217–221.
245. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.
246. Шмелева Т.В. Ключевые слова текущего момента // Collegium. – 1993. – №1. – С. 33–41 [Электронный ресурс, режим доступа <https://burago.com.ua/t-shmeleva-%E2%80%A2-klyuchevye-slova-tekushhego-m/>]. Дата обращения: 13.11.2019
247. Шумилова А.В. Новообразования в газетном заголовке: структурно-функциональный аспект (на материале Нижегородских СМИ) : автореф.дис. ... кандидата филол.наук : 10.02.01 – Нижний Новгород, 2011. – 24 с.
248. Цонева Л.М. Игра с ключевыми именами в современном медиадискурсе // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2018. – №2. – С. 477–483.
249. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991. – 240 с. Авторы: Е.С. Кубрякова, А.М. Шахнарович, Л.В. Сахарный
250. Черняк В.Д. Речеведческое поле в зеркале словарей // Русский язык сегодня. Вып.3. Сб.статей / РАН. Ин-т рус.яз.им. В.В. Виноградова. Отв.ред. Л.П. Крысин. – М., 2004. – С. 318–330.
251. Черняк В.Д. Фрагменты русской языковой картины мира в зеркале неологических словарей // Русская академическая неография (к 40-летию научного направления). – СПб. – 2006. – С. 171–173.
252. Юдина Н.В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? Прогресс? – М.: Гнозис, 2010. – 293 с.

253. Юркина И.А. Активные процессы в современном русском словообразовании (на материале словарей новых слов) : автореф.дис. ... кандидата филол.наук. 10.02.01. – Казань, 1991. – 17 с.
254. Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке. – М.: Издательство «Индрик», 2001. – 504 с.